

ISSN 2500–3682



**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 3 2020 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

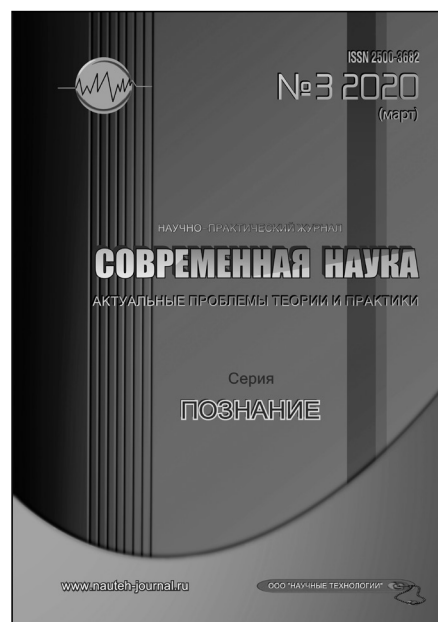
Подписано в печать 20.03.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 3 март 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)



В НОМЕРЕ:

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500 - 3682



9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псих.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псих.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псих.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псих.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псих.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — д.псих.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садехин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — д.псих.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ

Сиухова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович д.псих.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Героева Л. М. — О некоторых аспектах историзма и патриотизма в русской драме
Geroyeva L. — About some aspects of historism and patriotism in Russian drama. 5

Дударева М. А. — Возмущенный читатель, или о моральном подтексте «Евгения Онегина»
Dudareva M. — The outraged reader, or about the mortal subtext of «Eugene Onegin». 9

Дударева М. А. — Парадоксы художественного пространства в рассказе С. А. Есенина «У белой воды»: культурологическое исследование
Dudareva M. — Ph.D., Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia. 12

Завьялова Н. А. — Конкурентоспособность российского образовательного рынка с позиции сопоставительной культурологии
Zavyalova N. — Competitiveness of the Russian educational market from the perspective of comparative cultural studies. 16

Самаковская О. В. — Аудит сайтов учреждений культуры
Samakovskaya O. — Websites audit of the cultural institutions. 21

Топалова Е. А. — Ценностный потенциал этнической культуры как фактор сохранения исторической памяти народа
Topalova E. — The value potential of ethnic culture as a factor in preserving the historical memory of the people. 26

Шкурко Н. С., Балынская Н. Р., Ефимова Л. С., Волков С. Ю., Афанасьев Н. В., Пудов А. Г. — Использование архетипических образов в современной российской федеральной и региональной политической практике
Shkurko N., Balynskaya N., Efimova L., Volkov S., Pudov A., Afanassiev N. — The use of the trickster archetype in the modern russian federal and regional political practice. 31

Психология

Андреева Е. И. — Психолого-педагогическое сопровождение реализации инклюзивного дополнительного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья
Andreeva E. — Psycho-pedagogical support of inclusive additional education implementation of students with special needs. 39

Бабинцева Л. Н. — Специфика взаимосвязи компонента «общительность» социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции у студентов-психологов разного уровня образования
Babintseva L. — Specificity of interrelation of component «sociability» of social and psychological competence and individual style of self-regulation at students-psychologists of different level of education. 44

Васильева В. В., Боташева Т. Л., Пелипенко И. Г., Эльжорукаева Ж. А., Железнякова Е. В., Заводнов О. П. — Личностные и эмоциональные особенности у женщин с физиологической и осложненной беременностью
Vasil'eva V., Botasheva T., Pelipenko I., Elzhorukaeva Z., Zheleznyakova E., Zavodnov O. — Personal and emotional characteristics in women with physiological and complicated pregnancy. 50

Исагулова Е. Ю. — Причины формирования и развития самоповреждающего поведения в подростковом возрасте
Isagulova E. — Reasons for the formation and dissemination of self-damaging behavior in the adolescent. 57

Куткова И. А., Чижова Ю. В. — Вопросы становления коммуникации у детей с особыми образовательными потребностями в контексте воззрений отечественных и зарубежных ученых
Kutkova I., Chizhova J. — Questions of formation of communication in children with special educational needs in the context of views of domestic and foreign scientists. 64

Ледовских И. А. — Психолого-педагогическая поддержка креативного развития студентов вуза	
<i>Ledovskikh I.</i> — Psychological and pedagogical support of creative development of students of the university	69
Лобза О. В., Алешина Н. А. — Стили поведения в конфликте и их взаимосвязь с личностными особенностями педагогов	
<i>Lobza O., Alyoshina N.</i> — Styles of behavior in conflict and their relationship with personal characteristics of teachers.....	72
Махакова Л. С. — Этнопсихологические аспекты идентичности с городом среди молодежи	
<i>Makhakova L.</i> — Ethno-psychological aspects of youth identity with the city	79
Чернов А. Ю. — Смысловые детерминанты реконструкции идентичности мигрантов	
<i>Chernov A.</i> — Meaning determinants of the reconstruction of the identity of migrants.....	84
Шешеня Е. В. — Влияние детско-родительских отношений на формирование психологических защит ребенка	
<i>Sheshenya E.</i> — Влияние детско-родительских отношений на формирование психологических защит ребенка	90
Философия	
Бехбудов С. Э. — Религия в азербайджанской философской мысли XIX века (на материале творчества азербайджанских просветителей А.А. Бакиханова и М.Ф. Ахундова)	
<i>Behbudov S.</i> — Religion in azerbaijan's philosophical thought of the XIX century (on the material of the creativity of azerbaijan enlighteners A.A. Bakikhanov and M.F. Akhundov)	93
Давыдов В. А. — История в публичном пространстве: проблемы и перспективы развития	
<i>Davydov V.</i> — History in public space: problems and prospects for development	97
Иванова И. С. — Феномены женственности, любви, влюбленности, преобразования мира и человека и проблема неравенства в произведениях И. А. Бунина	
<i>Ivanova I.</i> — The phenomena of femininity, love, falling in love, the transformation of the world and man and the problem of inequality in the works of I. A. Bunin.....	100
Чугунов С. В. — Проблема самооценки человека в экзистенциальной философии	
<i>Chugunov S.</i> — The problem of human self-worth in existential philosophy.....	106
Информация	
Наши авторы. Our Authors.....	
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	
113	

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСТОРИЗМА И ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ ДРАМЕ

ABOUT SOME ASPECTS OF HISTORISM AND PATRIOTISM IN RUSSIAN DRAMA

L. Geroyeva

Summary. The article analyzes some sources of Russian dramaturgy related to historical and Patriotic trends in the development of Russian drama. A literary study of the topic of citizenship is conducted on the example of the work of playwrights, and analogies are made with personal author's positions. The article reveals the meaning and concept of patriotism in connection with historical social formations and their sociological aspects.

Keywords: Russian dramaturgy, patriotism, historical dramaturgy, Russian national character.

Героева Людмила Михайловна

К.п.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный институт культуры
geroevalyuda@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ некоторых источников русской драматургии, связанных с историческими и патриотическими тенденциями развития отечественной драмы. Проводится литературоведческое исследование темы гражданственности на примере творчества драматургов, проводятся аналогии с личными авторскими позициями. Статья раскрывает значение и понятие патриотизма в связи с историческими общественными формациями и их социологическими аспектами.

Ключевые слова: русская драматургия, патриотизм, историческая драматургия, русский национальный характер.

Сегодня в России налицо кризис патриотизма: нестабильная политическая и экономическая обстановка. Переписывается история страны, сносятся памятники воинам-освободителям, историческим личностям, унижается достоинство России. Порой очень трудно отличить правду от лжи и фальшивых лозунгов[4].

Театральный педагог Ольга Владимировна Семенова, работающая в Доме детского творчества на Сахалине, провела в своем коллективе анкетирование, пытаясь выяснить у молодежи понимание патриотизма. В тестировании приняли участие около пятидесяти человек в возрасте от 14 до 18 лет.

Основная часть молодых людей ответили, что патриотизм это — любовь к Родине. Около 8% вообще затруднились ответить на данный вопрос. На просьбу назвать Героев Великой Отечественной войны, в большинстве своем, назвали солдат и офицеров, защищавших и освобождавших Сахалин от японских милитаристов, в силу того, что этот район является территорией памяти, на которой сосредоточено около 50 памятников воинам — освободителям. Тестирование ограничилось узким пониманием значения этого слова. Собственно, это был не просто единичный эксперимент. Тема патриотизма была актуальна во все времена, таковой остается она и до настоящего времени.

Еще в XVIII–XIX веке к теме патриотизма обращались многие блистательные драматурги, поэты и писатели. Изучение этого периода русской литературы и драматургии имеет важное значение в формировании патри-

отизма у будущих поколений. Произведения русских писателей до сих пор звучат актуально и остро в контексте нынешней истории нашей страны.

Пьесы И. А. Крылова — важный факт в истории отечественной драматургии и русского театра. Знание русской действительности, ее социальных противоречий, а также демократические симпатии, сочувствие к «низшему сословию» резко отличали Крылова среди русских драматургов, примыкающих к демократическому крылу.

В своих пьесах Крылов проявлял вольнолюбие и протест против насилия над человеком, выражая любовь к народу, его языку, фольклору. Антиклерикальная тема является основой пьесы «Кофейница». А трагедия «Филомела» раскрывает тираноборческую тему. Социально-политический памфлет «Подщипа» отражает тему «самодурства», от которого страдал столетиями русский народ. Кроме того, у Крылова большой цикл комедий — «Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники», «Пирог», «Лентяй», «Модная лавка», «Урок дочкам», посвященных обличению жизненного уклада дворянства.

Комедия «Урок дочкам», осмеивавшая барскую галломанию, пристрастие ко всему иностранному с забвением и пренебрежением к своему родному, отечественному, во время войны России с наполеоновской Францией превратилась в «урок патриотизма», выраженный в столкновении двух мировоззренческих систем персонажей — Велькарова и его дочерей, Феклы и Лукеры. Крылов задает комическую ситуацию тем, что

увозит своих дочерей, воспитанных «на французский манер» мадам Григори, из города в деревню. Хранителем национальных традиций в пьесе выступает няня Василиса, которая следит за тем, как и на каком языке, они общаются. Представляя на суд зрителя различные пороки, драматург дает возможность зрителю проанализировать поступки персонажей. Каждый зритель оказывался перед выбором — либо принять, принять и признать то, что он видит на сцене, либо отвергнуть и найти замену в своем сознании. Такой прием заострял социальные противоречия и делал актуальными многие социальные явления.

Возмущение Велькарова преклонением дочерей перед всем иностранным, определяет его как противника этому от лица всех русских дворян [7]. Велькаров высказывает представление автора о добропорядочном воспитании русского человека, главными принципами которого были уважение к старшим и почитание своей культуры.

Если бы сегодня для каждой российской девушки по такому папеньке-патриоту! Анализируя речь нашей молодежи, то порядка шестидесяти процентов составляют молодежный сленг и жаргон из иностранных слов. Порой, представители более старшего поколения даже не всегда понимают, о чем говорят наши юные особы, настолько их речь напичкана всевозможными «треш», «фейк», «лайтово», «лайкнуть». Но ведь для каждого такого «словечка» есть русский аналог. Ведь русский язык самый красивый и богатый язык в мире, содержащий множество разговорных вариантов. Сегодня любой китаец, торгующий на рынке, говорит чище на русском языке, чем наша молодежь.

В своих пьесах И. А. Крылов не стремился к открытому нравованию. Сюжеты комедий не обладали педагогической моралью, они, прежде всего, были основаны на конкретике жизненных ситуаций, отчего сама нравственная идея пьес выглядела нравовательно, а образы персонажей не имели схематичности изображения.

Пьеса И. А. Крылова «Подщипа», или «Трумп», при жизни автора не была напечатана. Крылов создал сатиру на императора Павла I, который преклонялся перед прусской военщиной и окружавшего себя немцами. Так как комедия носила антиправительственный характер, то о выпуске ее не приходилось думать. Впервые «Подщипа» была издана за границей в 1859 году. Лишь в 1871 году пьеса Крылова была опубликована в России в специальном историческом журнале «Русская старина» (1871, февраль). Сам Крылов считал эту пьесу лучшей в своем творчестве, так как в ней ярко проявилась пародийная манера автора.

В этой пьесе И. А. Крылов обращается к наиболее репрезентативному для высокой словесности XVIII столетия жанру: сама государственная идеология русской трагедии соответствовала и типу культуры того времени, и поведенческим стереотипам человека, и его мышлению о мире. Мир трагедии — это мир, идеально воплощающий модели государства, права, человека. В трагедии главное место принадлежит слову, а использование этого слова для создания особого типа речи персонажей, применяя особые стилистические правила, позволило автору создать отличительный словесно-идеологический миропорядок трагедии.

Безусловно, анализируя пьесы И. А. Крылова, стоит признать, что они потрясли многие основы государственности в России. Автор предстает в них истинным толкователем менталитета русской души и, тем самым, выступает как настоящий патриот своей Родины, ненавидящий все иноземное.

Наиболее ярко патриотические тенденции автора, как правило, проявляются в исторических литературных сюжетах. В этой связи следует рассмотреть творчество Н. В. Станкевича и А. С. Пушкина.

Стихотворная трагедия Станкевича «Василий Шуйский» была написана в 1829 году. В то время Станкевичу было семнадцать лет. Для своего произведения Станкевич в качестве жанра избрал историческую драматургию. Такая форма, прежде всего, выражала формирование сознания общества, стремившееся к осмыслению собственной личности, восприятию и пониманию духовных ценностей, характерных для русского менталитета. Выбор темы автором не был случаен. Период Смутного времени, когда жизнь отдельных людей и всей страны наиболее обострена и трагична. Это позволило донести до читателя наиболее значимые исторические обобщения идейного и нравственного свойства. Нельзя не заметить, что произведение Станкевича вышло за год до появления в свете пушкинского «Бориса Годунова», который к тому времени был уже маститым и известным писателем.

События, изображаемые в трагедии Станкевича, разворачиваются в 1610 году, в последний год царствования Шуйского. Московскому государству угрожали как внешние интервенты, так и предательство бояр, их козни, междоусобная борьба. Однако, в центре внимания Станкевича не только исторические события, но и реальные исторические лица, а важнейшим критерием оценки их действий выступает патриотизм, который, по мнению автора, неотделим от отношения к монархической власти. Сам автор не сомневается в законности пребывания у власти Василия Шуйского и он ему симпатичен, что подчеркивается самим текстом: «царь,

небес святых помазанник», «без высшей власти, без закона» страна слаба. Поведение Шуйского определяется долгом служения стране и своему народу. В трагедии он представлен именно как царь, осознающий этот долг, который искренне хочет сделать свой народ счастливым:

*«Не властолюбье мною управляет-
Нет: чистая, священная любовь
К отечеству и подданным моим»* [2].

Царь переживает не за сохранение царского венца, а за спасение всего государства. В целом, герой у Станкевича настолько положительный, переживающий за судьбы народа и страны, что вызывает искреннее сочувствие со стороны. Мало того, сам Шуйский испытывает и к себе внутреннее уважение и достойно встречает даже свержение с престола.

Надо отметить, что на формирование столь ярко выраженной гражданской позиции Н.В. Станкевича, оказали произведения предшествующих отечественных драматургов Сумарокова А.П., Хераскова М.М., В.А. Озерова.

Все основные персонажи трагедии «Василий Шуйский» усиливают значение народа, который у Станкевича не безмолствует. Голос народа передает глас «благого Бога». Но, сам по себе, народный дух сломлен раздорами и подавлен. Заговорщики берут верх над народным мнением и низводят Шуйского с престола [3].

Обращение к теме лихих национальных бедствий, когда наиболее ярко проявляется понятие патриотизма, характерно и для творчества А.С. Пушкина. Его трагедия «Борис Годунов» считается одной из самых сложных в творчестве писателя, и, бытует мнение среди театральных критиков, что ещё ни одному режиссеру не удавалось поставить её действительно хорошо, с той сверхзадачей, которую определял для себя сам автор. Главная тема трагедии Пушкина — это власть, к которой стремятся почти все персонажи, они страстно желают заполучить её, проявляя тем самым свою гордыню.

Образ Бориса выписан Пушкиным неординарно и, в целом, схож с реальной исторической личностью. Борис — идеальный правитель, заботящийся о народе, ищущий его любви и обладающий «высоким духом державным», который является настоящим патриотом. Он стремится подчеркнуть законность своего царствования и продолжить государственную традицию. Но Бориса погубило его властолюбие. Он постоянно находится в конфликте со своей совестью, а единственный выход для него — это покаяние, но не в современном понимании этого слова, а в древнегреческом — «перемена мнения» — то есть отказ от престола и пострижение

в монахи. Таким образом, Пушкин разрешает внутренний конфликт главного героя и уводит его в сторону от открытой политической борьбы. Автор определяет позицию героя в отказе от защиты своей патриотической позиции.

Обращается к теме патриотизма в своих сочинениях и А.Н. Островский, который всегда проявлял интерес к прошлому своего народа, изучал его историю, для того, чтобы лучше понять государственную и частную жизнь россиян той эпохи. В исторических пьесах, по-особому, запечатлены исконные черты русского народа, которому принадлежит особая роль [5].

Проблемы исторические и политические драматург не отделял от повседневной, обыденной жизни русских людей. Они показаны не только в моменты своих патриотических настроений, но и в семейных переживаниях. Пьеса «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» построена на столкновении двух сильных, неординарных личностей в борьбе за власть. Важную роль драматург отвел теме общенародной судьбы. В итоге все притязания на престол оцениваются в свете будущего России, будущего народа.

Другая пьеса Островского «Тушино» весьма показательна тем, что Островский показал сложное положение народа в условиях, когда нестабильность и непонимание того, где правда, приводит людей в состояние, когда они оказываются в плену личных обид и амбиций, которые им кажутся более важными, даже в период общенациональной беды. Так, Максим Редриков, оскорбленный воеводой Сеитовым, подгоняемый чувством мести уходит в тушинский стан самозванца и готов отступить от клятвы, данной царю, готов на предательство православных людей.

Для пьесы Островского «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» был выбран момент того Смутного времени, когда массовое, народное, патриотическое движение проявилось наиболее сильно. Это был период борьбы с польской интервенцией 1611–1612 года — сбор народного ополчения в Нижнем Новгороде. В жизни народа бывают периоды, когда наиболее остро проявляется причастность к истории, к судьбе своей страны. Эти периоды вносят новые штрихи в народные характеры, отрывают лучшие патриотические качества: любовь к своей, земле, любовь к народу. В такие моменты русский народ объединяется в едином порыве защитить и освободить свою Родину.

Проблемы, поднятые русскими драматургами, остаются актуальными и на сегодняшний день. Но на сценах современных российских театров, пожалуй, не так много постановок, затрагивающих темы патриотизма и любви к Родине.

А. Л. Казин, доктор философских наук, профессор, так сказал о патриотизме: «Патриот — это человек, любящий свой народ и страну и свободно разделяющий их земную судьбу. России нужен нормальный дееспособный цивилизованный патриотизм, а не русофобский нигилизм, поливающий страну грязью, и не шовинизм, презирующий другие народы как «недочеловеков». И того и другого, к сожалению, сегодня хватает и внутри наших границ, и вовне. Национальная идея — это верное религиозное, общественно-политическое и культурное самосознание народа, понимание его исторического предназначения. На Руси государственная власть всегда уважалась как олицетворение народной мощи («жизнь за царя») хотя её отдельные представители могли вызывать отвращение и даже ненависть. Замечательный немецкий мыслитель Вальтер Шубарт заметил, что Америка строит свою страну как процветающую банковскую корпорацию, Германия — как казарму. Франция — как изящный салон, а Россия — как храм» [6].

Столетия прошли с тех пор, как были написаны великие произведения Островским, Крыловым, Станкевичем, Пушкиным и многими другими великими русскими дра-

матургами. Но проблема патриотизма, затронутая ими, пожалуй, самая главная в нашей жизни. Не стоит уповать только на патриотические чувства авторов шедевров литературы XVIII — XIX — XX веков. Хочется надеяться, что и XXI век сможет вписать свою страницу в литературное наследие для последующих поколений.

Патриотизм — это не идеологема, а совершенно реальный ресурс единения страны. Когда идеи, в том числе политические, овладевают массами, они становятся реальной силой. Народ — это коллективная личность истории, значение которой недооценивать невозможно. Во всей идеологической составляющей важным фактором становится, как собственно и всегда это было, умение отличить истинный патриотизм от лжепатриотизма.

Сходите 12 сентября — в День небесного покровителя Санкт-Петербурга князя-воина Александра Невского — на Невский проспект: такого крестного хода из десятков тысяч людей вы нигде больше не увидите. А шествие Бессмертного полка на 9 мая! Будущее в руках тех, кто к нему идёт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылов, И. А. Урок дочкам 7 класс. Россия. 2013.
2. Стихотворения. Трагедия Василий Шуйский Проза. Н. В. Станкевич, 2012, 270 с.
3. А.И. Свалов «О трагедии Н. В. Станкевича «Василий Шуйский». // История и современность. — 2012. — № 4;
4. Давыдова М.Ю., Сурков С. Н. «Патриотизм в XXI веке: примеры проявления. // Молодой ученый. — № 6 (53). — 2013.
5. И.А. Овчинина «Национальный характер в исторических пьесах драматурга». // Вестник Ивановского Государственного Университета. Вып. 1(17). — 2017.
6. Какой патриотизм нужен сегодня современной России. // Аргументы недели. Санкт-Петербург. — № 12 (503). — от 31.03.2016
7. Н.Е. Ерофеева «Урок дочкам» И. А. Крылова: жанр комедии «урока». // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 2. — С. 186–190.

© Героева Людмила Михайловна (geroevalyuda@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗМУЩЕННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ, ИЛИ О МОРТАЛЬНОМ ПОДТЕКСТЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

THE OUTRAGED READER, OR ABOUT THE MORTAL SUBTEXT OF "EUGENE ONEGIN"

M. Dudareva

Summary. The article attempts to revise the last stanzas of the novel in verses by A. S. Pushkin "Eugene Onegin" in the mortal context of world culture. Some scholars, literary critics and cultural scientists insist that Tatyana dies at the end of the novel. We develop this hypothesis by referring to the Pushkin artistic formula of the "magic crystal" and the state of sleep, which allow us to raise the question of the use of aura and aret lighting in a work. The Schlegel brothers also wrote about this artistic device of the play of light and shadow, near and far lighting of objects, with lectures of which, by antiquity, Pushkin was familiar. Turning to two dreams in the novel (by Tatyana and the author) and drawing parallels with the folkloric genre of fading allows us to take a different look at the result of Tatyana's path and reconstruct the mortal subtext.

Keywords: Russian traditional culture, image, dream, literature, mortal subtext, "another kingdom".

Дударева Марианна Андреевна

К.ф.н., старший преподаватель, Российский
университет дружбы народов
marianna.galieva@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка пересмотреть последние строфы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в моральном контексте мировой культуры. Некоторые исследователи, литературоведы и культурологи настаивают на том, что Татьяна в конце романа умирает. Эту гипотезу развиваем, обращаясь к пушкинской художественной формуле «магического кристалла» и состояния сна, которая позволяет поставить вопрос об использовании аурного и аретного освещения в произведении. Об этом художественном приеме игры света и тени, ближнего и дальнего освещения предметов писали еще братья Шлегель, с лекциями которых по античности был знаком Пушкин. Обращение к двум снам в романе (Татьяниному и автора) и проведение параллелей с фольклорным жанром обмирания позволяют иначе взглянуть и на итог пути Татьяны, реконструировать моральный подтекст.

Ключевые слова: русская традиционная культура, образ, сон, литература, моральный подтекст, «иное царство».

В пушкинском романе в стихах «Евгений Онегин» во многом переломным моментом в отношениях между героями становится гибель Ленского на дуэли, которая кажется единственным танатологическим событием в произведении. Однако некоторые исследователи полагают, что смерть духовного «брата» Татьяны не единственная в романе и за ней следует смерть самой Татьяны [4; С. 168], и приводят эту строфу:

*Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала, полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.* [6; т. 5, С. 163–164]

Так, В.П. Океанский и Ж.Л. Океанская, обращаясь к последней строфе, последовательно доказывают, что

«рок отъял» у нас и Татьяну: «Речь по сути и идет у Пушкина о смерти (более того — блаженной кончине!) главной героини и ее идеального прототипа, сливающихся за "посюсторонними" пределами жизненного "романа" и даже ранее того — за пределами пушкинского текста...» [3; С. 169]. Это вполне справедливая гипотеза, и действительно, за пределами пушкинского текста, именно этого текста романа в стихах, мы найдем подтверждение тому, что Татьяна умирает. Пушкин странным образом *умертвляет* многих своих любимых героев. И читатели романа в стихах, друзья Людмилы и Руслана (именно так по-дружески автор обращается к открывшим новый роман), находят, что в поэме-сказке Людмила постоянно обмирает, пребывая на грани яви и сна:

*«Где ж милый, — шепчет, — где супруг?»
Зовет и помертвела вдруг.* [6; т. 4, С. 27]

Состояние обмирания обнаруживаем в жанре былички, где рассказывается о встрече человека с *потусторонним*. Именно так, через сон (иногда намеренный, человека укладывали спать), осуществляется контакт с «тем светом». Сон, по фольклорным славянским представлениям, приравнивается к иномирному путешествию, временной смерти [8]. Не так ли поступает Пушкин с героями сказок?

Например, в сказке с характерным названием «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» молодая прекрасная царевна, жизнь которой, кажется, светло проходит в богатырском тереме, умирает, вернее, засыпает:

*Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.* [6; т. 4, С. 353]

Хоронить богатыри царевну передумали, как будто знали, что она не умерла, а обмерла, находясь временно в царстве сна. И, как ни странно, именно этот сон является поворотным в ее судьбе: царевну ищет и находит царевич Елисей, который выносит героиню на свет божий из глубокой норы, тьмы:

*Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах! и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубят уже молва:
Дочка царская жива!* [6; т. 4, С. 356]

Таким образом, осуществляется прорыв от тьмы к свету, прерывается сон царевны, и она возрождается в новом качестве. Важно то, что сказка именно о мертвой царевне, а не о спящей. Значит, для автора важно это состояние временной смерти, за которым следует возрождение в новом качестве (в фольклоре есть мотив смерти — космического вознесения).

Временно выпадают из линейного времени и герои «Сказки о царе Салтане» — младенец, в статусе *неведомой зверушки*, и его мать. Их отправляют в засмоленной, наглухо закрытой бочке в неизвестное путешествие по морю:

*В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.* [6; т. 4, С. 316]

Бочка в этом случае олицетворяет топос, потенциально связанный с «тем светом», да и матушку с ненужным приплодом буквально решили умертвить, закрыв в бочке. Однако путешествие, которое можно приравнять к временной смерти, разрешается иначе: царевич вырастает и получает полноценное имя Гвидон, причем на острове, священной земле. Этот акт имянаречения сакрален и свидетельствует о духовном росте героя, он возрождается в новом качестве, преодолев пространство смерти (здесь *окиян*). Кроме того, в русском фольклоре культурный герой путешествует в теле рыбы, что может указывать на поглощение зверем-тотемом [5; С. 316]. Бочка в *ритуальном контексте* сказки приравнивается к рыбе, поскольку тоже является закрытой моделью, и с помощью нее герой отправляется в «иное царство». Наконец, в сон погружается и «милый идеал» Татьяна. Интересно замечание С.Г. Бочарова о поэтике пушкинских снов: сны делятся на объявленные (мы знаем, что сейчас начнется сон) и необъявленные [1; С. 205]. К первому типу, например, ученый относит сон Татьяны. Но особенность его, на наш взгляд, еще и в том, что героиню автор намеренно укладывает спать:

*Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и быть...
С Татьяной нам не ворожить.
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьется Лель,
А под подушкою пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло все. Татьяна спит.* [6; т. 5, С. 89–90]

Сон Татьяны вообще мог не состояться, поскольку она собиралась гадать, узнавать свою судьбу магическим способом, но *почему-то* автор решает иначе — отправляет героиню спать, а не ворожить. Кроме того, этот сон не просто вещий, он напоминает *иномирное* путешествие, на что указывает и семантически напряженный жест — снятие пояса шелкового, защищающего и ограждающего хозяйку от действий сил «того света». Однако это не единственный сон в романе. Перед заключительной строфой, к которой обращаются исследователи в связи со смертью Татьяны, идет еще одна, не менее интересная:

*Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд. Я с вами знал*

Все, что завидно для поэта:
 Забвенье жизни в бурях света,
 Беседу сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 С тех пор, как юная Татьяна
 И с ней Онегин в смутном сне
 Явились впервые мне —
 И даль свободного романа
 Я сквозь магический кристалл
 Еще не ясно различал. [6; т. 5, С. 163]

Над строчками о «магическом кристалле» размышляли многие, и возводя их непосредственно к бытовому магическому предмету, гадальному шару, и видя за ними глубокий философский смысл, связанный с перспективой развития событий в романе. Наверное, истина где-то посередине: «магическим кристаллом», через который преломляется авторское видение, является *аурный* способ освещения действительности, который позволяет разглядеть, где даль, где близь. О таком способе видения действительности Пушкин мог знать из лекций по античности братьев Шлегель. По справедливому замечанию Ю.С. Сорокина, трактовка «магического кристалла» как гадального предмета узка, и речь идет все-таки о далекой перспективе и *магическом освеще-*

нии в трагедии, которые как прием использовал и Пушкин [7]. Таким образом, в романе можно разглядеть все от мелочей, быта народной жизни, до внутренних перипетий в судьбах. Даль дает перспективу, но важно то, что самому автору главные герои явились словно в смутном сне. Это состояние, по законам фольклорной логики, похоже на состояние обмирания, когда человек, впадающий произвольно или непроизвольно в сон, получает откровение, контактирует с «тем светом». Два героя, Онегин и Татьяна, исчезают, когда сон заканчивается. Татьяна умирает как бы с пробуждением автора. Она даже должна умереть, чтобы сохранить идеал, быть всегда недостижимой. Здесь во многом точен Г.Д. Гачев, указывающий на невоплощенный характер любви, эроса в романе [2; С. 164]. Именно такой и должна быть эта любовь между героями, тогда она будет иметь надмирный высокий модус. Кроме того, состояние временного сна (и автора, и героя) дает *перспективу* в развитии, в росте над самим собой. Именно такой путь проделывает и сам Пушкин от «Людмилы и Руслана» до «Евгения Онегина». В основе любого *инициационного* пути лежит мортальное событие, и как бы нас, читателей, ни возмущал печальный конец, уход Татьяны, мы должны понимать, что это вполне закономерно и сообразно ритуальной логике текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» (К проблеме интерпретации произведения) // Контекст. Литературно-теоретические исследования. — М.: Наука, 1974. — С. 196–230.
2. Гачев Г.Д. Русский эрос. «Роман мысли с жизнью». — М.: Интерпринт, 1994.
3. Океанский В.П., Океанская Ж.Л. «Евгений Онегин» в культурно-цивилизационной динамике [Электронный ресурс] // Никоновские чтения: сб. науч. ст. по материалам III Всероссийского (с международным участием) культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г.Л. Никоновой) / под ред. А. В. Никитиной. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. — С. 169–173.
4. Позов А. С. Метафизика Пушкина. — М.: Наследие, 1998.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
6. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. — Л.: Наука, 1977, 1978. — Т. 4, 5.
7. Сорокин Ю.С. «Магический кристалл» в «Евгении Онегине» // Пушкин. Исследования и материалы. — Л.: Наука, 1986. — С. 337–340.
8. Толстой Н. И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Очерки славянского язычества. — М.: Индрик, 2003. — С. 303–310.

© Дударева Марианна Андреевна (marianna.galieva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРАДОКСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗЕ С. А. ЕСЕНИНА «У БЕЛОЙ ВОДЫ»: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

PARADOXES OF ARTISTIC SPACE IN S. A. YESENIN'S SHORT STORY "NEAR WHITE WATER": CULTURAL RESEARCH

M. Dudareva

Summary. The article attempts to solve the mystery of spatial models in Yesenin's early story "Near White Water". In this work, the interaction of different types of locus is fully represented, but it is paradoxical that the open and the closed, their own and those of others change places. The open space of water, the lake becomes close and saving for the main character. The story is also analyzed from the point of view of traditional folk culture, the special ritual of Ilyin's day is taken into account, since the main actions are timed to coincide with this calendar time, the cosmic turn in the annual cycle, which is associated with the struggle of chaos and space and the restoration of order.

Keywords: Russian traditional culture space, Ilyin's day, mythology of water, "another kingdom", wind.

Дударева Марианна Андреевна

К.ф.н., старший преподаватель, Российский
университет дружбы народов
marianna.galieva@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка разгадать загадку пространственных моделей в раннем рассказе Есенина «У белой воды». В этом произведении в полной мере представлено взаимодействие разных типов локуса, но парадоксально то, что открытое и закрытое, свое и чужое меняются местами. Открытое пространство воды, озера становится для главной героини близким и спасительным. Рассказ также анализируется с точки зрения традиционной народной культуры, учитывается особая обрядность Ильина дня, поскольку основные действия приурочены именно к этому календарному времени, космическому повороту в годовом цикле, который связан с борьбой хаоса и космоса и восстановлением порядка.

Ключевые слова: русская традиционная культура, пространство, Ильин день, мифологема воды, «иное царство», ветла.

В раннем рассказе Есенина «У белой воды», мимо которого прошли критики, но на который обращал особое внимание В. Распутин, видя в этой вещи истоки своей деревенской прозы¹, странно многое, и в первую очередь заглавие. С одной стороны, исследователи указывали на реальный топоним, озеро, в котором купался Есенин [9; С. 806]. С другой стороны, в таком заглавии видели аллюзию на Беловодье, утопическую идеальную страну из русских народных преданий XVII–XIX веков [5; С. 385]. Если даже обе концепции верны и одна не противоречит другой, то все равно остается нерешенной загадка пространственной модели, заложенная в названии рассказа.

Следуя за пространственной оппозицией «внутреннее — внешнее» и учитывая характер границы между разными локусами (эти вопросы еще разрабатывал Ю.М. Лотман [6; С. 397]), задаемся вопросом о том, где свое и где чужое в тексте Есенина. Лингвисты, занимающиеся проблемами художественного перевода, обратили особое внимание на семантическую напряженность

пространственных предлогов, к которым нередко сложно подобрать правильный эквивалент при переводе [7]. Пространственный предлог «у» несет в рассказе Есенина особую семантическую и социокультурную нагрузку, поскольку делит мир Палаги на две части: женщина сидит у берега белого озера и думает о возвращении мужа, ее жизнь связана с этим озером. Озеро является неким водоразделом и ритуальным маркером в сюжете повести, хотя сама лексема «озеро» употреблена лишь в первом абзаце и больше не повторяется, а заменена автором словом «река». Пока здесь отвлечемся от лексической вариативности и будем обращаться к мифологеме воды в целом.

В воды реки первый раз окунается Палага, чтобы охладить свою страсть: «Когда мужик обернулся и, взглянув на нее своими рыбьими холодными глазами, ехидно прищурился, Палага вся похолодела, сжалась, страсть ее, как ей показалось, упала на дно лодки. "Окаянный меня смущает!" — прошептала она. И, перекрестившись, повернула лодку обратно и, не скидая платья с себя, бросилась у берега в воду»² [5; С. 148]. В воду она идет и второй раз, когда не поддается искушению измены мужу, когда терпит побои от обманутого парня: «Приподняв-

¹ В частной беседе с поэтом Валерием Дударевым, состоявшейся после вручения премии Александра Невского «России верные сыны» в 2004 году, Валентин Распутин говорил о Есенине, о его раннем рассказе «У белой воды», в котором он видит один из истоков деревенской прозы.

² Здесь и далее в примерах курсив наш — М.Д.

шись кое-как на локти, она стала сползать к воде; руки царапались о камни, сарафан рвался. *У воды*, тыкаясь лицом, она обмыла запекшуюся на коже кровь, немного попила и побрела домой» [5; С. 153]. Палага, пребывая у воды озера / реки, которая находится рядом с домом, очищается, избегает искушения плоти и остается верной самой себе.

Пространство воды, которое, по фольклорным славянским представлениям, является *открытым*, опасным и чужим, населенным существами «того света» [3; С. 151], становится своим, спасительным для Палаги. Кроме того, именно из-за озера, с другой неведомой стороны должен вернуться муж, Корней Бударка. Однако ожидание терзает Палагу, и она решает на время покинуть дом, отправившись «на деревню к обедне» [5; С. 148]. В этот временной промежуток и терпит Палага второе испытание: встречается в поле попутчика, с которым чуть не согрешает. В поле, чужом пространстве, женщина пребывает в пограничном состоянии. Не только пространство, но и время является открытым, и на это указывает то, что Палага, скрываясь от парня, всю ночь до первой полоски зари лежит в поле: «Небо светлело, ветерок, налетевший с восхода, поднялся к облакам и сдул последние огоньки мигающих звезд; *над рожью вспыхнула полоса зари*, где-то закрипели колеса. Очнувшись от страха, Палага вышла на тропинку и, прислушавшись, откуда скрип колес, пошла навстречу» [5; С. 151]. Но в данном случае действие происходит не просто на заре, а в момент встречи ночи и нарождающегося дня, поскольку баба, которая подвозит на телеге Палагу до белой воды, говорит: «Как же это ты ни пужаисси-то? *Ночь, а ты Бог знаешь анекдота идешь...* По ржам-то ведь много слоняютца, лутчай подождать бы». Таким образом, в момент безвременья Палага возвращается домой. Такие часы маркированы образованием света во тьме. Исследователи в этом случае ставят вопрос об апофатическом состоянии, мифологеме *светотьмы*, о рождении света вечернего и невечернего [2].

На столкновение света и тьмы, космоса и хаоса указывает также календарное время в рассказе — первое испытание, искушение с Палагой происходит накануне Ильина дня: «Был канун Ильина дня. С сарафана капала вода, когда она вошла в избу, а губы казались синими». До Ильина дня, по народным представлениям, еще можно вступать и окунаться в воду, после — нет, вода считается уже тронутой оленем. Об этих представлениях Есенин, по всей видимости, хорошо знал, на что указывает одно стихотворение, которое приводит в пример Е.А. Самоделова, описывая обрядность праздника: «В результате переплытия реки появилось стихотворение, написанное Есениным на гладкой сосновой притолоке в новом доме дедушки и кончавшееся календарно-обрядовым приурочением: Когда придет к нам радость, слава ли, Мы не должны забыть тот день, Как чрез реку Оку мы плавали, Когда

не ссал еще олень» [9; С. 233]. Кроме того, важна семантическая напряженность этого дня в году. Н.М. Теребихин, анализируя особенности обрядового комплекса Ильина дня на русском севере, справедливо отмечает: «В семантике Ильинского праздника распознаются архетипические характеристики новогоднего первопродвижения, воспроизводившего апокалиптическую драму разрушения старого мира, распада всех космических и социальных связей, норм и установлений. Судьбы грядущего мира решаются в ходе поединка, борьбы, соперничества между силами старого и нового года, между хаосом и космосом» [10; С. 76]. Агоническое состояние (от слова *агон*, в значении космической борьбы, которая необходима для установки порядка [11; С. 489]), в котором пребывает Палага, обусловлено физическими и метафизическими обстоятельствами. С одной стороны, женщина искушается плотью, и эти физиологические терзания вполне понятны. Но Есенин не так прямолинеен, этого конфликта было бы недостаточно для автора. С другой стороны, по справедливому замечанию О.Е. Вороновой, в рассказе заложена архетипическая модель «искушение — раскаяние» [4], но это тоже требует некоторых разъяснений. Палага победила искушение дважды, пережила Ильин день, причем окунаясь накануне праздника и, вероятно, в сам праздник в воду (последнее делать было нельзя, нарушен «запрет»). Но как только женщина попадает домой и муж ее тоже, наконец, возвращается, все идет не так: Корней тяжело болен, он не встает с постели, и Палага снова начинает метаться и мучиться от терзания плоти. Наконец, она совершает измену и понимает, что сделала *что-то* не то, потеряла значительное внутри себя: «Когда она лежала снова на лавке, ей казалось, что все, что было несколько минут назад, случилось уже давно, что времени этому уже много, и ее охватила жалость, ей показалось, что она потеряла что-то. Затуманенная память заставила ее встать, она зажгла лампу и начала шарить под столом, на печи и под печью, но везде было пусто. “Это в душе у меня пусто”, — подумала она как-то сразу и, похолодев, опустила с лампой на пол» [5; С. 155]. Но парадокс в том, что Палага это осознает только по возвращении мужа, в своем доме. Как бы в своем пространстве, которое должно оберегать хозяев, происходит измена, рушится жизнь. Однако именно с этого момента начинается саморефлексия, женщина обращается к внутренней жизни, и, возможно, только тогда зарождается истинная любовь Палаги к мужу.

Любила ли Палага мужа до этих событий? «Палага любила Корнея. Любила его здоровую грудь, руки, которыми он сгибал дуги, и особенно ей нравились его губы» [5; С. 147]; «В церкви она молилась тоже только об одном, чтобы скорее настали холода, и, глядя на икону прикрытой рубищем Марии Египетской, просила у нее ее крепости одолеть свою похоть, но молитвенные мысли ее мешались с воспоминаниями о жгучей любви, она ловила

себя на этом и, падая на колени, стучалась лбом о каменный пол до боли» [5; С. 149] — в этих фрагментах раскрывается плотская любовь Палаги к мужу, подчеркивается, что она любила его руки, губы и т.д. В истории мировой культуры, еще в античности у Платона, находим разделение любви на несколько модусов: существует Афродита небесная и земная, высокий космический модус любви и плотский [8; С. 148]. Истинные отношения между героями разворачиваются только на фоне нарушения запрета, измены Палаги. И именно в этот момент женщина снова возвращается и как бы обращается к водам реки, символизирующей границу между мирами: с другого берега должен был вернуться Корней, у воды героиня очищалась, усмиряла свою плоть, преодолевала себя. У воды происходят и изменения в душе Палаги, она ищет саму себя прежнюю: «Отворив дверь, Палага вышла на крыльцо и взглянула на реку. То место, где она обмывала свои побои, было занесено снегом. Она вспомнила, насколько она была тогда счастливее, когда подставляла под взмахивающие кулаки грудь и голову, и, обхватив за шею стоявшую подле нее собаку, зарыдала» [5; С. 156].

На пограничный характер поиска, борьбы света и тьмы указывает не только особое время в календаре, Ильин день, но и символ одинокой ветлы. Ветла, о которой мы писали в отдельной статье, посвященной алфавиту деревьев в мировой культуре [12], приобретает особую семиотическую значимость в произведениях русской литературы. Ветлы Жуковского в «Лесном царе», засохшая ветла Чехова в «Степи», старая ветла Бунина в «Жизни Арсеньева» связаны с поисками «иног царства», ветла — дерево с пограничной символикой, соотносится с пространством смерти. Архетипично само сочетание ветлы и озера, в котором отражается небо (озеро молочное, как небо), что на небе, то и на земле: жизнь шла размеренно, когда Корней ловил рыбу и жил с женой; в этом есть даже некая идиллия, космический порядок, но когда-то он нарушается, и, видимо, случайно в этом ритуальном контексте озеро трансформируется, преобразуется в реку.

Итак, Палага большую часть своей жизни проводит не в доме, своем пространстве, которое должно защищать, а у дома, у воды — в ожидании мужа, рыбака Корнея Бударки. С озером / рекой связана значительная часть жизни героини. В *пороговой* ситуации судьба Палаги также во многом соединяется в ритуальном плане с мифологемой воды. Накануне Ильина дня и в сам праздник женщина окунается в воду, совершая в некотором смысле омовение — она очищается после преступных мыслей об измене. Основное событие, нарушающее порядок жизни мужа и жены, случается в доме, в закрытом пространстве, которое должно было оберегать Палагу, но женщина ощущает себя неуютно дома, ей «пусто». После измены героиня снова устремляется физически и духовно к воде, ищет выход из сложившейся ситуации, стараясь обрести себя прежнюю, и именно поэтому воспринимает свою измену как что-то давно произошедшее. Однако именно с этого момента начинается внутренняя жизнь героини, она думает о своей душе: «Лицо Юшки было окаймлено невидимой, но все же понятной для нее бледностью, и, вглядываясь в него, она начинала понимать, что то, что отталкивало ее от него, было не в нем, а внутри нее, что задушить ей хочется не его, а соблазн, который в ее душе» [5; С. 156]. Палага выходит на улицу, вероятно, надеясь, так же как и раньше, смыть следы греха водой, но обнаруживает, что вода замерзла: «То место, где она обмывала свои побои, было занесено снегом. Она вспомнила, насколько она была тогда счастливее, когда подставляла под взмахивающие кулаки грудь и голову, и, обхватив за шею стоявшую подле нее собаку, зарыдала» [5; С. 156].

Архитектоника этого произведения напоминает во многом пушкинского «Гробовщика», в конце которого мы точно не знаем, что происходит с Адрианом Прохоровым, но с героем случается что-то неявное, по мысли С.Г. Бочарова [1, С. 230], что изменит его жизнь. Так и с Палагой происходит неявное преобразование, женщина перестает думать о плоти, удовольствиях и начинает жить внутренней жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С.Г. О смысле «Гробовщика» (К проблеме интерпретации произведения) // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1974. — С. 196–230.
2. Брагинская Н.В., Шамина-Великанова А.И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. — С. 73–92.
3. Виноградова Л.Н. Мифология календарного времени в фольклоре и верованиях славян // Славянский альманах. 1997. — С. 143–155.
4. Воронова О.Е. Поэтика новеллы «У белой воды» (проблема традиций) // Духовный путь Есенина (Религиозно-философские и этические искания). Рязань: М-ПРЕСС, 1997. — С. 137–146.
5. Есенин С.А. У белой воды: Собр. соч. в 7 т. — М.: Наука; Голос, 1997. Т. 5. — С. 146–156.
6. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с.
7. Морозкина Е.А., Камалов Р.И. Семантическая репрезентация и интерпретация пространственных предлогов при переводе художественного текста // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 2. — С. 447–451.

8. Розин В. М. Античное понимание любви // Предпосылки и особенности античной культуры. М.: ИФРАН, 2004. — С. 145–167.
9. Самоделова Е. А. Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский житетекст на перекрестье культурных традиций. — М.: Языки славянских культур, 2006.
10. Теребихин Н. М. Религиозно-этническое пространство Севера как собор народов, религий и культур // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. — С. 72–77.
11. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
12. Dudareva M., Goeva N. White willow in russian literature: Folklore “roots” of image // Journal of Social Studies Education Research. — 2017. — Vol. 8, N3. — P. 291–299.

© Дударева Марианна Андреевна (marianna.galieva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Российский Университет Дружбы Народов

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЫНКА С ПОЗИЦИИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

COMPETITIVENESS OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL MARKET FROM THE PERSPECTIVE OF COMPARATIVE CULTURAL STUDIES

N. Zavyalova

Summary. The article is a discussion about the current state of the international educational market. In the framework of the article, the author raises an important question about how to increase the attractiveness of the Russian educational space for students from China. The author analyzes the stated problems in the diachronic and synchronous aspects. The focus of the description is on the traditions of cultural and educational exchanges between Russia and China, laid down in the past. In order to improve the educational situation, the author recommends the method of comparing Russian proverbs and sayings with Chinese proverbs and sayings at the classes of Russian as a foreign language. The author concludes that the most important thing for every Chinese is national art. Examples from the plots of the Beijing opera, the masterpieces of Chinese painting in comparison with Russian similar cultural phenomena can significantly revitalize the educational atmosphere, contribute to the establishment of trusting relations between the teacher and students.

Keywords: culture, cultural studies, China, Russia, communication, education, competence.

Завьялова Наталья Алексеевна

Д.культурологии, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»; ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
N. A. Zavyalova@urfu.ru

Аннотация. Статья представляет собой рассуждение о современном состоянии международного образовательного рынка. В рамках проводимого обзора автор ставит важный вопрос о том, каким образом можно было бы повысить привлекательность российского образовательного пространства для студентов из Китая. Автор анализирует заявленную проблематику в диахроническом и синхроническом аспектах. В фокусе описания находятся традиции культурно-образовательных обменов между Россией и Китаем, заложенных в прошлом. С целью улучшения учебной ситуации автор рекомендует обращение на занятиях по русскому языку и культуре к приему сравнения русских пословиц и поговорок с китайскими пословицами и поговорками. Автор делает вывод о том, что важнейшим для каждого китайца является национальное искусство. Примеры из сюжетов пекинской оперы, шедевров китайской живописи в сопоставлении с российскими аналогичными культурными феноменами могут значительно оживить учебную атмосферу, способствуют установлению доверительных отношений между преподавателем и студентами.

Ключевые слова: культура, культурология, Китай, Россия, коммуникация, образование, компетенция.

Вопросы, находящиеся в спектре сопоставительной культурологии, имеют огромную практическую ценность и влияют на конкурентоспособность современного российского высшего образования. К проблематике сопоставительной культурологии в рамках данной статьи мы относим ситуации, когда происходит синхронное взаимодействие культур в учебном процессе. В качестве примера можно обратиться к российскому опыту обучения китайских студентов. Главный исследовательский вопрос заключается в следующем: существуют ли механизмы по улучшению адаптации китайских студентов в России?

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к широкому контексту современного Китая. Основной движущей силой роста китайской экономики является внутреннее потребление и установка на спрос в самом Китае. 80% китайских компаний получают основные доходы от домашнего рынка. С 2015 г. спрос в Китае на основные виды товаров вырос на 60%. Китайские власти ведут активную политику пропагандирования традиционных китайских ценностей, искусно сдвигая потоки

влияния на современный Китай из-за рубежа. Важнейшим принципом современности является ситуация, при которой Китай все меньше стремится раскрыть себя миру. Глобальное мировое сообщество, напротив, активно предпринимает попытки вступить в тесный контакт с Китаем.

В подобной ситуации в Россию из Китая направляют студентов, которые ориентированы в первую очередь на домашние ценности. Отправляясь в Россию на обучение, они стремятся быть полезными родине, получив знания русского языка и опыт взаимодействия с российской культурой. Учитывая данный фактор, необходимо в России существенно адаптировать учебный процесс путем интеграции китайских культурных реалий в российский контекст. В качестве примера можно порекомендовать обращение на занятиях по русскому языку и культуре к приему сравнения русских пословиц и поговорок с китайскими пословицами и поговорками. Важнейшим для каждого китайца является национальное искусство. Примеры из сюжетов пекинской оперы, шедевров китайской живописи в сопоставлении с россий-

Таблица 1. Планируемые результаты обучения

Личностные результаты	Предметные результаты	Метапредметные результаты
Развитие знаний, навыков и умений на занятиях по культурологии с использованием русского языка как иностранного	Выявление типологических различий между пекинской оперой и современной российской оперой. Описание базовых типологических признаков пекинской оперы, описание базовых типологических признаков оперных представлений в России	- Регулятивные Оценка уровня усвоения материала по культурологии на русском языке. - Познавательные Развитие навыка извлечения важной информации из видео на русском, английском и китайском языках, предъявление извлеченного материала на русском языке с использованием иллюстративного материала в виде изображений, схем и таблиц. - Личностные Развитие навыков самовыражения, приобщение к собственной культуре и ориентация на открытие иностранной (русской) культуры - Коммуникативные Развитие навыков учебной коммуникации с преподавателем-культурологом на русском языке.

Таблица 2. Ход занятия

Этапы занятия	Цель этапа	Деятельность преподавателя	Деятельность студента	Приёмы, методологии
1. Организационный момент	Активация студентов.	Обращение к студентам с вопросами на русском языке о том, любят ли они пекискую оперу. Утверждения, подчеркивающие интерес к пекинской опере в России, демонстрация видео с фрагментами пекинской оперы	Приветственное обращение педагога и знакомство с целью занятия— сопоставление пекинской оперы и современных российских представлений.	Регулятивные: планирование, координирование беседы. Личностные: активация внимания, фокусирование на теме занятия. Коммуникативные: беседа на тему почему для китайцев важна пекинская опера, как часто студенты посещают спектакли пекинской оперы и как там себя ведут.
2. Формулировка целей и задач занятия. Мотивация учебной деятельности студентов.	Предложить необходимую мотивацию для сопоставления оперных представлений в России и Китае. Обозначить общие зоны рекреационной культуры, стимулирующие навыки визуального и слухового восприятия.	Обращение к студентам с вопросами на русском языке о том, удалось ли им побывать в местном российском театре оперы и балета. Утверждения, подчеркивающие значимость оперы как классического искусства для россиян, обсуждение новаторских черт в современном оперном искусстве	Реагируют на вопросы преподавателя, обсуждают их. Обращаются к собственному опыту, приводят примеры из собственного рекреационного опыта.	Регулятивные: постановка целей, планирование, координирование групповой беседы. Познавательные: формулирование гипотезы, навыки обобщения и анализа полученной информации. Коммуникативные: навыки общения в группе, мозговой штурм, дискуссия.

Таблица 2 (продолжение). Ход занятия

Этапы занятия	Цель этапа	Деятельность преподавателя	Деятельность студента	Приёмы, методологии
3. Систематизация знаний.	Анализ известной информации о пекинской опере, ее типологические характеристики в сопоставлении с российскими оперными спектаклями.	Преподаватель систематизирует высказывания китайских студентов о пекинской опере, предлагает сформулировать типологические черты, сравнить их с типологиями российских оперных представлений. Важнейшее типологическое свойство пекинской оперы — наличие актеров, выполняющих 4 типа ролей, независимо от сюжета представления. Поведенческая типология — возможность пить чай и употреблять закуски во время представления пекинской оперы. Культурная типология — многие фрагменты пекинской оперы китайцы знают наизусть, поскольку они стали популярными вокальными произведениями традиционной китайской культуры.	Отвечают на вопросы преподавателя, приводят примеры из собственного рекреационного опыта, дополняют рассказ преподавателя собственными эмоциональными реакциями, проявляют готовность исполнить произведения пекинской оперы, обсуждают запреты на потребление пищи и напитков в российских театрах оперы и балета во время представления.	<i>Личностные:</i> осознание своих возможностей. <i>Регулятивные:</i> умение регулировать свои действия. <i>Коммуникативные:</i> планирование учебного сотрудничества с учителем и сверстниками. <i>Познавательные:</i> аналитические — выявление сходств и различий, обсуждение критериев для анализа материала.
4. Первичное усвоение полученных знаний.	Фиксация установленных типологических различий и подкрепление их иллюстрациями	Преподаватель фиксирует выявленные различия в форме электронного сообщения, корректирует ошибки студентов в высказываниях на русском языке	Принимают активное участие в дискуссии, фиксируют шаблоны-высказывания о типологических отличиях.	<i>Регулятивные:</i> координирование беседы. <i>Коммуникативные:</i> стимулирование беседы, развитие навыков дискуссии с возможностью высказывания различных, возможно, противоположных по коммуникативной направленности взглядов.

скими аналогичными культурными феноменами могут значительно оживить учебную атмосферу, способствуют установлению доверительных отношений между преподавателем и студентами.

Представляем план занятия (Табл. 1, Табл. 2), где учащимся предлагается проанализировать сходства и различия пекинской оперы и любого представления в местном театре оперы и балета в России. Мы убеждены

в том, что подобная практика сопоставления призвана стимулировать интерес китайских студентов к культуре России с опорой на родные образцы.

Цели занятия

Обучающая — научить китайских студентов строить высказывания на русском языке об особенностях пекинской оперы в сравнении с российскими оперными

Таблица 2 (продолжение). Ход занятия

Этапы занятия	Цель этапа	Деятельность преподавателя	Деятельность студента	Приёмы, методологии
5. Контроль усвоения, обсуждение ошибок и их коррекция.	Определить типичные ошибки в построении фраз на русском языке, объяснить правила построения анализируемых фраз.	Преподаватель предлагает упражнения на закрепление представленных шаблонов на русском языке	Выполняют упражнения, составляют развернутое высказывание на русском языке, иллюстрирующее типологические сходства и различия между пекинской оперой и российскими оперными спектаклями	<i>Регулятивные:</i> координирование устных высказываний, полная коррекция письменных высказываний. <i>Личностные:</i> самовыражение, приобщение к собственной культуре, установка на знакомство с российской оперной культурой. <i>Коммуникативные:</i> управление собственным коммуникативным поведением.
6. Обсуждение домашнего задания	Раскрыть возможные траектории в выполнении домашнего задания, предложить варианты	Формулирует формы домашнего задания: составление электронной презентации, где будут раскрыты сходства и различия пекинской оперы и российских оперных представлений	Обсуждают критерии выполнения домашнего задания, количество слайдов, тематику презентаций, предлагают собственные темы презентаций	<i>Регулятивные:</i> координирование обсуждения. <i>Коммуникативные:</i> планирование собственной деятельности.
7. Рефлексия деятельности	Подвести итог проделанной работе	Кратко напоминает выявленные типологические сходства и различия, обсуждает планы по посещению российского театра оперы и балета	Участвуют в беседе с преподавателем.	<i>Регулятивные:</i> координирование беседы. <i>Коммуникативные:</i> умение формулировать собственные мысли на английском языке. <i>Личностные:</i> осознание ценности полученных знаний, чувство природности к собственной культуре в сопоставлении с иностранной.

ми образцами. *Развивающая* — развить навыки и умения сопоставления с использованием русских языковых шаблонов. *Воспитательная* — знакомство с нормами поведения в современном российском театре оперы и балета в сопоставлении с поведенческими паттернами, принятыми на представлениях в пекинской опере. **Форма работы:** групповая. **Тип занятия:** комбинированный. **Оборудование:** видео проектор, настольные ПК с возможностью выхода в Интернет, интерактивная доска.

Борьба за китайских студентов на современном рынке образования имеет важное значение, поскольку сегодняшние студенты будут родителями новых граждан Поднебесной, которые также могут приехать

в Россию на обучение. Возможно, даже следует сделать попытку в чем-то превзойти домашних китайских педагогов. Здесь можно порекомендовать российским преподавателям изучать китайский язык, а не только английский. Знание китайского языка и культурного фона позволит быть более полезным педагогом в России для китайских студентов, расширит педагогический инструментарий.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что используя наследие прошлого и грамотно интерпретируя факты настоящего, у России есть шанс стать важным направлением образовательного туризма из Китая, привлекательным рынком для учебных проектов для китайских студентов.

Сущность заявленных шансов заключается в том, что Россия готова предоставлять образовательные услуги на выгодных для китайских студентов условиях по ценам значительно ниже мировых. Однако следует говорить о том, что российская система высшего образования должна перенастроить собственные **культурные образовательные коды**. Под культурными образовательными кодами мы понимаем поведенческие и семиотические стратегии, транслирующие идеи, обусловленные ситуационно. Образовательные коды соотносятся с идеями о культурной доминанте [5] и культурном тезаурусе наций [4].

Вопрос о сути кодов поднимался в обширном круге литературы. Однако в рамках данной статьи мы говорим об **образовательных культурных кодах**, которые проявляют себя в тематике лекций, коммуникации между преподавателем и студентами, формулировке проблем исследований для курсовых и выпускных квалификационных работ. В качестве примера можно обратить внимание на вопросы, возникающие в ходе обучения

китайских студентов на лингвистических направлениях. В российской лингвистической науке широко принято исследовать тропы, фигуры речи, стилистические приемы и экспрессивные средства. Однако китайская система лингвистического образования не ориентирована на стилистическое описание, а носит прикладной характер и сфокусирована преимущественно на изучении иностранных языков.

Необходимым условием выполнения задачи по привлечению китайских студентов традиционно принято считать улучшение материально-технической базы. Однако мы полагаем, что это не единственное возможное конкурентное преимущество России. Следует также говорить об общности российского и китайского менталитетов, отраженных в наборах семейных ценностей и служению Родине, общинному типу сознания [1], [2], [3]. По нашему убеждению, в ходе занятий с китайскими студентами необходимо сделать акцент на общих чертах в менталитетах культуры наших стран и эта задача может стать новым направлением сопоставительной культурологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялова Н. А. Культурно-коммуникативные формулы в рамках тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. — С. 152–162. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.12
2. Завьялова Н. А. Культурно-коммуникативные универсалии как современный этап развития культуры // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. — С. 77–88. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.7
3. Киссинджер Г. О Китае. Пер. с англ. В. Н. Верченко, Издание на русском языке «AST Publishers», 2017. — С. 15.
4. Луков В. А., Луков В. А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. Москва, 2008.
5. Ухтомский А. А. Доминанта, М. — Л., 1966.

© Завьялова Наталья Алексеевна (N. A. Zavialova@urfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АУДИТ САЙТОВ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

WEBSITES AUDIT OF THE CULTURAL INSTITUTIONS

O. Samakovskaya

Summary. The article deals with the official websites of cultural institutions as objects of verification of compliance of their content with the requirements of Russian legislation. Criteria and indicators for the audit of the content of official websites of cultural institutions are given. The obtained results can be used in the creation and modernization of the cultural sites, as well as in the development of an internal audit plan for the site of the cultural institution.

Keywords: cultural institutions sites, website audit, informatization, information and communication technologies, digital content, content of official sites.

Самаковская Олеся Валериевна

К.культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт культуры»
Olesya_20032003@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются официальные сайты учреждений культуры как объекты проверки на соответствие их контента требованиям российского законодательства. Приводятся критерии и показатели аудита контента официальных сайтов учреждений культуры. Полученные результаты могут быть использованы при проектировании и модернизации сайтов в области культуры, а также при разработке плана внутреннего аудита сайта конкретного учреждения.

Ключевые слова: сайты учреждений культуры, аудит сайтов, информатизация, информационно-коммуникационные технологии, цифровой контент, контент официальных сайтов.

В условиях информатизации общества на современные учреждения культуры возложена миссия формирования и укрепления отечественной культуры, в том числе и в электронной информационной среде. Сайты учреждений культуры становятся все более мощным средством обеспечения доступа к культурному наследию и информационным ресурсам широкого круга пользователей. Но сегодня официальный сайт учреждения культуры — это не только потребность современного общества, но и государственное требование. В связи с этим особую ответственность несут разработчики сайтов учреждений культуры, которые должны владеть не только знаниями программно-технической реализации, но и надежными знаниями и умениями в сфере разработки контента (содержания) сайтов, учитывая специфику учреждения.

Официальный сайт учреждения культуры — это официальное представительство учреждения (организации) сферы культуры в Интернет-пространстве в виде информационного ресурса, содержащего логически завершенную, полную, хорошо структурированную, достоверную и своевременную (актуальную) информацию, которая в пределах полномочий собственника сайта подлежит распространению в целях развития его официальных деловых отношений и не является предметом правовых и этических нарушений [6]. Причисление сайта учреждения культуры к категории «официальный» означает, что при его разработке в первую очередь необходимо учитывать требования федерального и регионального законодательства РФ. Следует иметь в виду, что невыполнение требований законодательства является нарушением, ответственность за которое несет первый руководитель учреждения.

В нормативно-технической документации определение понятия *Аудит* включает такие процессы, как «проверка», «изучение», «объективное оценивание» продуктов с целью установления соответствия запланированным показателям или установленным требованиям. Термин *Аудит официального сайта учреждения культуры* отсутствует и в контексте рассматриваемых задач может трактоваться как анализ сайта на предмет технической надежности, удобства пользования, соответствия его контента требованиям российского законодательства, а также требованиям его целевой аудитории. При этом целью аудита сайта является выявление проблем, недочетов, несоответствий и причин их возникновения, а также получение рекомендаций по повышению эффективности работы сайта.

Аудит сайта может быть *внешним* или *внутренним*. Внешний аудит — это аудит, проводимый второй или третьей стороной. Исполнение требований к сайтам учреждений культуры контролируют уполномоченные органы в сфере культуры. Внутренний аудит — это аудит, проводимый для внутренних целей обычно самой организацией (первой стороной) или от ее имени [2]. Для предотвращения нарушений требований законодательства и оптимизации работы сайта учреждению культуры следует с определенной периодичностью проводить внутренний аудит своего ресурса.

Анализ профессиональной литературы позволил выявить основные виды аудитов сайтов (см. табл. 1). Следует отметить, нормативные требования российского законодательства, применимые к официальным сайтам учреждений культуры, касаются только их информаци-

Таблица 1. Виды аудитов сайтов

	Вид аудита сайта	Характеристика	Бесплатные сервисы проверки
Ком- плекс- ный аудит	Технический аудит	Анализ технической составляющей сайта на предмет критических ошибок, связанных с работой программного кода веб-страниц сайта или хостинга.	W3C Markup Validation Service: https://validator.w3.org
	Поисковый аудит (SEO-аудит)	Процедура оценки сайта, нацеленная на поиск критических ошибок, снижающих эффективность продвижения в поисковых системах.	Google Search Console: https://search.google.com/search-console/about Яндекс Вебмастер: https://webmaster.yandex.ru/welcome/
	Аудит юзабилити (Usability-аудит)	Анализ сайта на предмет удобства пользования им. Основные задачи юзабилити заключаются в создании понятного и удобного для просмотра, изучения и навигации сайта.	PageSpeed Insights: https://developers.google.com/speed/pagespeed/insights/ Lighthouse: https://developers.google.com/web/tools/lighthouse
	Маркетинговый аудит	Оценка сайта на предмет его эффективности и соответствия маркетинговым целям и задачам.	Google Аналитика: https://developers.google.com/analytics Яндекс Метрика: https://metrika.yandex.ru/
	Аудит безопасности	Проверка сайта на уязвимости: ряд процедур, нацеленных на обеспечение стабильной работы веб-ресурса, безопасности данных и снижения рисков.	Rescan.Pro: https://rescan.pro/
	Аудит контента	Подробный анализ информационного наполнения сайта на предмет его соответствия требованиям российского законодательства в зависимости от направления деятельности учреждения.	отсутствуют

онного наполнения (аудит контента). Остальные разновидности аудитов носят рекомендательный характер и могут выполняться с целью улучшения работы электронного ресурса.

Как видно из таблицы (см.табл.1), комплексный аудит предполагает всесторонний анализ ресурса.

Технический аудит проводится с целью обнаружения проблемных мест в программном коде сайта. Как правило, этим занимаются специалисты — программисты, администраторы сайтов. Но можно и без специальной подготовки проверить сайт на наличие ошибок в специальных бесплатных сервисах, например, в W3C Markup Validation Service.

Поисковый аудит связан с анализом и продвижением сайта в базе данных поисковых систем. Результаты аудита позволяют определить видимость сайта в поисковых системах, оценить показатели веса сайта (определение «авторитетности» сайта с учетом качественной характеристики ссылок на него с других сайтов), проводить отслеживание информации по поисковым запросам и ключевым словам, участвовать в рейтинге поисковых запросов, рейтинге упоминаемости учреждения в Интернете (по отношению к другим) и прочее. Среди бесплатных сервисов поисковых

систем можно выделить Google Search Console и Яндекс Вебмастер.

При аудите юзабилити анализируются такие параметры, как оформление сайта (цветовая палитра, удобочитаемый шрифт, формы и способы представления информации), адаптация сайта под мобильные устройства, расположение конверсионных элементов страницы, наличие логотипа, фавикона и прочее. Например, проверить корректно ли отображается сайт на мобильных устройствах можно с помощью бесплатного сервиса PageSpeed Insights.

Объектами маркетингового аудита выступают преимущественно коммерческие сайты, а не сайты государственных учреждений. Однако, в ходе данного вида аудита анализируется целевая аудитория сайта. Результаты такого анализа, безусловно, необходимы и для учреждений культуры. Мониторинг аудитории сайта позволяет определить:

- ♦ совокупную аудиторию сайта и ее динамику,
- ♦ активность посетителей за определенный период и динамику активности в сравнении с предыдущими периодами,
- ♦ рейтинг поисковых запросов,
- ♦ глубину и время просмотра сайта посетителями,
- ♦ структуру переходов на различные страницы,

Таблица 2. Критерии и показатели аудита контента официальных сайтов учреждений культуры

№ п/п	Критерий	Показатель
1	Наличие основной официальной информации об учреждении	Полное и сокращенное название Дата создания, учредитель Место нахождения, почтовый адрес и схема проезда Режим и график работы Контакты (телефоны, адреса электронной почты); Структура и органы управления, ФИО и должности руководящего состава, структурных подразделений и филиалов
2	Наличие копий документов	Устав Учредительные документы Лицензии (при наличии) Приказы, устанавливающих цены на услуги. Планы финансово-хозяйственной деятельности Планы мероприятий Отчеты о выполнении государственного (муниципального) задания и результатах деятельности
3	Наличие информации об услугах	Виды предоставляемых услуг (основные и дополнительные) с указанием их стоимости Информация о материально-техническом обеспечении предоставления услуг
4	Наличие информации о проводимых мероприятиях	Информация о предстоящих выставках, экспозициях, конференциях, семинарах, праздничных мероприятиях и т.п.
5	Порядок оценки качества работы учреждения	Результаты независимой оценки качества оказания услуг План по улучшению качества работы организации
6	Своевременное обновление информации	Размещение и обновление обязательной информации в течение 10 рабочих дней со дня ее создания, получения или внесения соответствующих изменений; Размещение обновленных документов, устранение устаревших документов
7	Корректное отображение и размещение информации	Правильность оформления таблиц Возможность скачивания документов
8	Наличие основного функционала на сайте (сервисов)	Поиск (строка поиска по сайту) Карта сайта (интерактивное содержание всего сайта) Форма обратной связи Версия сайта для слабовидящих Мобильная версия сайта Электронные каталоги, тематические базы данных Онлайн-опросы
9	Согласие пользователя сайта на обработку его персональных данных	При проведении опросов, анкетировании, оформлении подписок, онлайн-покупок, заполнении формы обратной связи необходимо: размещение текста согласия на обработку персональных данных размещение кнопки «Даю согласие на обработку персональных данных»
10	Наличие познавательной для пользователя информации в «не скучном» формате	Видео Аудиозаписи Онлайн-трансляции Виртуальные экскурсии Интерактивные карты Фотопанорамы
11	Отсутствие пустых разделов на сайте	Все ссылки в меню должны быть активными

- ◆ географию посетителей по России и странам мира,
- ◆ интересы посетителей сайта и др.

Аудит безопасности заключается в определении достаточности защищенности сайта от несанкционированного вмешательства. В ходе его можно провести диагностику сайта на наличие вирусов, вредоносных скриптов и попыток взломов. Объектами данного вида аудита в основном являются коммерческие организации, связанные с финансовыми операциями.

Цель аудита контента — выявление недочетов, ошибок и проблем, которые приводят к нарушениям действующих регламентов в отношении информационного наполнения официальных сайтов. Стоит отметить, что данный вид аудита не подлежит автоматизации, он проводится экспертами. Внутренний аудит проводится специалистами конкретного учреждения культуры, ответственными за сайт. По результатам внутреннего аудита в учреждении разрабатывается План мероприятий по устранению несоответствий, нацеленный на улучшение качества работы сайта.

В результате анализа нормативно-правовых актов в сфере Интернет-ресурсов (см. Приложение 1), учебной [2,3] и методической литературы [4], определены показатели, характеризующие основные критерии аудита контента сайтов учреждений культуры (см. табл. 2).

Таким образом, независимо от типа учреждений культуры есть информация, которая должна быть представлена на их официальных сайтах. Это связано с реализацией принципа информационной открытости сведений об учреждении и права граждан на информацию. К таким сведениям относятся: основная информация об учреждении, наличие копий конкретных документов (учредительных, финансовых, плановых, отчетных), информация об услугах и проводимых мероприятиях. Также на федеральном уровне установлены требования к своевременному обновлению и корректному отображению информации, порядку оценки качества работы учреждения, обработке и размещению персональных данных пользователей. При проведении внутреннего аудита целесообразно осуществлять проверку контента сайта не только на соответствие требованиям нормативных документов, а также на отражение функций учреждения и удовлетворение требований всех категорий пользователей [2].

В заключение отметим, содержательная часть официального сайта учреждения культуры не ограничивается «обязательной» информацией, регламентированной законодательными документами. Вопрос о том, какой контент должен быть представлен на сайте учреждения культуры, с тем, чтобы сайт представлял собой каче-

ственный информационный ресурс, требует концептуального осмысления. В Кемеровском государственном институте культуры разработана концепция создания контента официального сайта в сфере культуры, отраженная в учебной литературе [2,3], в сборнике научных трудов [6]. Представленные в концепции подходы к разработке и последующей проверке контента официального сайта учреждений культуры полностью согласуются с документами, принятым на международном уровне в рамках проекта MINERVA [1,5].

Приложение 1

Нормативно-правовые акты, устанавливающие требования к сайтам учреждений культуры

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования: федер. закон от 21 июля 2014 N256-ФЗ ред. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов: федер. закон от 01 декабря 2014 N419-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 N149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Перечня дополнительной необходимой и достоверной информации, предоставляемой гражданам — потребителям услуг о деятельности учреждений культуры, подведомственных Министерству культуры Российской Федерации: приказ Минкультуры России от 06 августа 2013 № 1091. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями культуры: приказ Минкультуры России от 22 ноября 2016 г. № 2542. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении требований к содержанию и форме предоставления информации о деятельности организаций культуры, размещаемой на официальных сайтах уполномоченного федерального органа исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов

местного самоуправления и организаций культуры в сети «Интернет»: приказ Минкультуры России от 20 февраля 2015 г. № 277. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: федер. закон от 09 октября 1992 № 3612-1-ФЗ ред. от 05.12.2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЛИТЕРАТУРА

1. Взаимодействие веб-сайтов по культуре с пользователем. Рекомендации [Электронный ресурс]/ под редакцией рабочей группы проекта MINERVA ЕС «Качество, доступность и удобство работы». — Электрон.дан. — Режим доступа: <http://www.ifapcom.ru/ru/news/1046/?returnto=0&n=1>. — Загл. с экрана
2. Информационное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем [Текст]: учебник / Н. И. Колкова, И. Л. Скипор; Кемерово.гос.ин-т культуры. — Кемерово: Кемерово.гос.ин-т культуры, 2018. — 356 с.
3. Колкова Н. И. Технологии создания электронных информационных ресурсов [Текст]: учеб. пособие/ Н. И. Колкова, И. Л. Скипор. — Москва: Литера, 2013. — 360 с.
4. Методические рекомендации по созданию и эксплуатации сайтов и порталов учреждений культуры музейного типа [Электронный ресурс]: метод. рек. / Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. — Москва, 2017. — 80 с. — Электрон.дан. — Режим доступа: http://e-books.arts-museum.ru/site_method. — Загл. с экрана
5. Принципы качества веб-сайтов по культуре. Руководство [Электронный ресурс]/ под ред. Пятой рабочей группы проекта Minerva «Определение потребностей пользователей, содержания и критериев качества веб-сайтов по культуре». — Москва, 2006. — 62 с. — Электрон.дан. — Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/publications/Kachestvo_websaitov_po_kulture.pdf. — Загл. с экрана
6. Создание официальных сайтов учреждений культуры и образования: теория и практика [Текст]: сборник научных трудов / науч. ред.: проф. Н. И. Гендина; доц. Н. И. Колкова. — Санкт-Петербург: Профессия, 2015. — 384 с.

© Самаковская Олеся Валериевна (Olesya_20032003@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Кемеровский государственный институт культуры

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

THE VALUE POTENTIAL OF ETHNIC CULTURE AS A FACTOR IN PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

E. Topalova

Summary. The article is devoted to the analysis of the value content of ethnic culture as the most important identification resource of society. The article discusses the features of the psychological warehouse of the ethnic group, forming in ethnic culture. The importance of preserving ethnic traditions that preserve the symbols of collective identity is indicated. The author analyzes the phenomenon of the Great Victory, the internal organization of which allows to maintain a significant cultural, social and spiritual "code", thanks to which this event remains in the people's memory.

Keywords: ethnos, ethnic culture, traditions, identification, people, history, culture, values, Great Victory.

Топалова Екатерина Алексеевна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет» (Москва)
viky-87@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностного содержания этнической культуры как важнейшему идентификационному ресурсу общества. В статье рассмотрены особенности психологического склада этноса, формирующиеся в этнической культуре. Обозначена важность сохранения этнических традиций, которые хранят символы коллективной идентичности. Автором проанализирован феномен Великой Победы, внутренняя организация которого позволяет сохранить значимый культурный, социальный и духовный «код», благодаря которому данное событие остается в народной памяти.

Ключевые слова: этнос, этническая культура, традиции, идентификация, народ, история, культура, ценности, Великая Победа.

Переживаемый в настоящее время в России кризис идентичности вызван разрушением системы духовного самовоспроизводства и мировоззренческим вакуумом, в котором в последние два десятилетия оказалось общество; отсутствием такой общенациональной идеологии, которая могла бы консолидировать социум в единую духовную общность и выраженным снижением идентификационных возможностей российской культуры.

Важнейшим идентификационным ресурсом общества является ценностно — нормативный слой культуры, который выступает как системообразующая основа в сохранении преемственности поколений. Разрушение этого слоя, этой основы ведет к расколу социума, утрате консолидирующего мира и смысла существования не только отдельного человека, но всего сообщества. В связи с этим возникает необходимость осмысления ценностно — нормативного идентификационного потенциала этнической культуры и разработки условий его актуализации.

В процессе продвижения глобализации в России все более явно слышен лейтмотив сохранения и восстановления не только разрушенных форм жизни, власти, отношений собственности, но и преемственности культуры

самосознания, исторической памяти и достоинства, т.е., в конечном счёте — лейтмотив сохранения и восстановления традиций. Представляя собой основополагающий ценностно — функциональный элемент этнической культуры, который служит нормативом, направляющим быт и поведение социума, традиции, вместе с тем, выступают важнейшим условием ее сохранения. Формирующийся в этнической культуре психологический склад этноса, можно рассматривать как способ отношения к действительности, его окружающей, через призму сложившихся моделей и стереотипов поведения, традиций и ценностей. Именно опора на традиции и следование сложившимся образцам поведения и мышления, проявление стремления к их консервации и культивированию являются характерными детерминантами этнической культуры.

Этническая культура всегда обусловлена развитием этноса, культура и этнос — два взаимосвязанных феномена. С.В. Лурье, российский этнолог, историк и культуролог, определяет этнос как социальную общность с присущими ей специфическими культурными моделями, обуславливающими характер активности человека в среде его обитания. Этносы функционируют «в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества со-

отношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социокультурных изменений» [5, с. 4].

Таким образом, этническая культура представляет собой некую структуру, которая объединяет и оберегает от распада. Необходимость перестройки людей к изменяющимся внешним условиям их жизни, а также к условиям, создающимся происходящими изменениями элементов общественного, политического, экономического, социального и религиозного характера, которые обуславливают необходимость изменения в целом всей системы структурной организации, является определяющим и мотивирующим фактором динамики этнической культуры.

Следовательно, «культурогенез — это не единократное происхождение культуры где-то в глубокой древности, а совокупность постоянно протекающих процессов в культурах всех времен и всех народов. Это один из типов социальной и исторической динамики существования и изменчивости культуры, заключающейся в непрерывном порождении новых культурных феноменов наряду с наследованием и трансформацией прежних» [7, с. 155].

С течением времени, чтобы соответствовать обновляющимся объективным условиям жизни народа, картина мира этноса меняется, однако в ней остаются устойчивыми, взятые за основу логически необъяснимые блоки. Эти этнические константы, устойчивые составляющие этнической картины мира, традиции, и представляют собой инвариантный центр этнической культуры, на базе которых этнос надстраивает другие измененные картины мира, обладающие наибольшими адаптационными свойствами в определенный период его существования. Определяясь в своей основе бессознательным «образом в себе» этническая культура выражается через «образ для себя» и «образ для других», которые, корректируя друг друга, могут изменяться с изменением условий существования этноса, что влечет за собой изменение внешней и внутренней символики и мифологии. Поэтому и для внутреннего, и для внешнего наблюдателя, весь видимый слой культуры представляется подвижным.

В этой связи особый интерес представляет трактовка традиции известного социолога и антрополога, специалиста в области сравнительных исследований цивилизаций Ш. Эйзенштадта в его исследовании «Традиция, изменения и современность». В нем Ш. Эйзенштадт отмечал, что в традиционном обществе постоянно происходят, вызванные перестройкой всего социального каркаса общества, как малые, так и глобальные изменения. При этом характер изменений, происходящих в традиционном обществе, не носит произвольный характер,

он задается изнутри традицией. Поскольку каждое такое общество «имеет реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности [традиционного общества], определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в этом обществе служит не только символом непрерывности, но и определителем пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием социальной активности» [9, с. 52].

В своем исследовании Ш. Эйзенштадт опирается на трактовку культуры известного американского социолога Эдварда Шилза относительно того, что артикуляция символических и харизматических изменений институционального на макросоциальном уровне сосредоточена в так называемом общественным центре. Согласно Шилзу, «это центр потому, что он определен и нередуцируем <...> Центральная зона определяет природу сакрального. <...> Центр является также основой действия. Он является структурой деятельности, ролей и лиц внутри каркаса институции» [11, с. 118]. Некоторые специфические компоненты, кристаллизуясь вокруг этой зоны, тем самым упорядочивают ее и наделяют смыслом — полагающей функцией. «Это происходит посредством спецификации, во-первых, концепции общества, особенно с точки зрения его истоков и прошлого, во-вторых, общих атрибутов и основ социальной и культурной коллективной идентичности, а в-третьих, границ, которые отделяют данный коллектив от других, а также присущих ему [этому коллективу] типов культурных отношений как внутри, так и вовне его геополитического местопребывания» [9, с. 139]. Внутри этнической культуры формируется особенное и уникальное восприятие мира, этническое самосознание, историческая память и способность сохранять, накопленные этой культурой, навыки, умения и знания через сформировавшиеся традиции.

В процессе изменения образа мира целый ряд кажущихся крупных изменений может происходить для этноса совершенно безболезненно, однако, некоторые отдельные его черты, возможно, на первый взгляд незначительные, будут, по образному выражению С.В. Лурье, «пробиваться, как трава сквозь асфальт... то, что именно они и играют структурообразующую роль в данной культуре, можно будет понять, только проследив ряд культурных трансформаций, пережитых данным этносом» [6, с. 87]. Следовательно, чтобы определить содержание центральной зоны культуры этноса необходимо проследить процесс трансформации его образа мира.

Люсьен Пай, один из классиков западной политологии, описывая процессы модернизации в Бирме, отмечал, что наиболее устойчивой этнической чертой

является «чувство ассоциации», указывая тем самым на принципы самоструктурирования этноса [10, с. 51]. Этнические константы представляют собой устоявшиеся формы присущего этносу традиционного сознания, их наполнение определяется ценностной ориентацией каждого этноса, они находятся во взаимной связи как условие и цель действия. Являясь результатом свободного выбора людей, ценностная ориентация может меняться, а этнические константы остаются неизменными на протяжении всей жизни этноса.

Важнейшей неизменной этнической константой в российском обществе, которая традиционно скрепляет его картину мира в любой конфигурации, является образ себя как носителя добра, который выступает в трех основных ипостасях: как хранителя и возделывателя добра; как просветителя — миссионера, стремящегося нести миру свет; как защитника добра, готового бороться со злом и покровительствовать тем, кому это зло угрожает. При этом полем действия определяется любое пространство без границ, определяемое доминирующей в данный момент культурной темой.

Приоритетными становятся места поселения народов, которые нуждаются в защите. Условием действия становится осознание себя как силы отстаивающей правду и защищающей себя и своих братьев, попавших в беду, прежде всего статус братства является привилегированным положением для покровительства. А способом действия — служение, которое представляется выполнением нравственного долга [4]. Традиционно в российском обществе основополагающими добродетелями считались: верность долгу, преданность Отечеству, взаимовыручка, самоотверженность, стойкость, мужество, храбрость. Составляя основу военной доблести, эти ценностные качества особенно проявлялись во время битв и сражений за свободу и независимость нашей Родины. Все эти героические качества, традиции, национальные идеалы и ценности массово проявились в периоды опасности порабощения и стали духовно — нравственной основой мужества, стойкости и героизма для многих поколений созидателей и защитников России. В отличие от обыденной деятельности, особенность служения состоит в том, что оно охватывает как реальное пространство повседневности, так и пространство сакральное, в структуре которого символически представлено настоящее, прошлое и будущее.

Поэтому, в настоящее время, когда различными силами предпринимаются всевозможные попытки нивелирования ценностной ориентации и искажения нашей истории, особенно тех ее страниц, которые связаны с героической историей Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., значительное место принадлежит тому потенциалу, который включает в себя этническая

культура. Основу того потенциала, который заложен в этнической культуре составляют прежде всего нравственные и экзистенциальные ценности. В них сосредоточена многовековая мудрость предшествующих поколений, которые сохранили и осуществили отбор, бытовавших в прошлом и заслуживающих внимания в настоящем и будущем, тех норм, ценностей и идеалов, которые способствовали сохранению этноса.

Этнические традиции, формировавшиеся на протяжении всего существования этноса, выполняют, прежде всего, нормативную функцию, поскольку высказывания о том, что «так было всегда» или «люди всегда так считали» зачастую используются для оправдания или объяснения собственных поступков. Вбирая и сохраняя символы коллективной идентичности, традиции усиливают чувство принадлежности к сообществу и общих корней.

Таковы, прежде всего те традиции, которые корнями уходят вглубь веков и используют прошлое для того, чтобы объединить людей в настоящем. Традиции с их гимнами, флагами, мифологией, публичными ритуалами и эмблемами, символизированными в значках, лозунгах и легендах, придают чувства достоинства и гордости за сопричастность к данной социальной группе. Кроме того, традиции способствуют устойчивости развития сообщества, смягчая неудовлетворенность и помогая пережить разочарования, они поддерживают общество в периоды кризисов и, напоминая о былой независимости, препятствуют гибели народа в период порабощения.

Связывая людей внутри определенного пространства идеалов, смыслов, стремлений и ценностей, такую же роль играют традиции сохранения и приумножения памяти доблестных побед наших предков, в различные исторические периоды отстаивающих свободу и независимость нашей Родины. Поэтому, в настоящее время для самоопределения российского общества в условиях кризиса идентичности важнейшую значимость имеет сохранение такого культурного кода, каким для нашего народа является Победа в Великой Отечественной войне. А воспитание готовности к самоотверженному служению Отечеству на основе патриотизма, является целевой характеристикой воспитания детей и молодежи. «Стержневым компонентом готовности, обеспечивающей развитие личности, с ценностной направленностью на стабильность и безопасность общества и государства, является патриотический опыт личности» [3, с.25], при котором готовность служению Отечеству определяется как важнейшее качество личности, основная духовная ценность.

В этой связи представляют интерес взгляды американского биохимика и генетика Пьера Ван ден Берге, суть которых заключается в том, что «альтруистическое

поведение, уменьшая шансы данной особи на передачу своих генов следующему поколению, в то же время увеличивает возможность передачи его генов кровными родственникам. Таким образом, индивид помогает родственникам выжить и передать свои гены следующему поколению. «Поскольку «гены альтруизма» поддерживаются естественным отбором, такой тип поведения делает группу эволюционно более устойчивой, чем аналогичные другие группы, в которых альтруистическое поведение отсутствует.» Со временем из таких групп и получаются народы, способные на поступок, на свершения, на самопожертвование, на героические деяния» [8, с. 7]. Таким образом, бескорыстное, жертвенное служение своему народу и своей Родине является необходимым условием ее независимости и процветания. Исторический опыт показывает, что культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды — это сфера жёсткой конкуренции, а зачастую и открытого информационного противоборства. Идея патриотизма, пожалуй, одна из немногих, которая в социокультурном пространстве России еще не растратила свой ресурс, продолжает оставаться объединяющим и консолидирующим началом и противостоит этому противоборству.

Патриотизм, обуславливает подвижничество, наличие достаточной воли для защиты основ как общественного, так и индивидуального бытия готовность во имя Родины к самопожертвованию в отстаивании её процветания и независимости. В этом контексте феномен Великой Победы, представляет собой значимое событие, обладающее непроявленной на первый взгляд временно — пространственной организацией, в результате чего все процессы и отношения, которые с ним связаны, выделяют его среди других и помогают сосредоточиться на характеристиках его смыслов.

Такая внутренняя организация способствует сохранению его духовного и культурного кода, вследствие чего такое событие сохраняется в памяти народа. Наиболее убедительно сам код раскрывается в феномене. Именно этим он близок и понятен любому человеку каждой эпохи мифологической формы общественного сознания включающего в себя смыслы победы жизни над смертью и возрождения для жизни.

М.Б. Кусмарцев, разработавший оригинальную концепцию понимания российского патриотизма и его воспитания в современных условиях, отмечает, что внутреннее смысловое единство и сакральная сущность Великой Победы включает в себя торжество жизни над смертью и победу справедливости над беззаконием, он считает, что вхождение во внутренний пласт духовного наследия Великой Победы связывается не только и не столько с памятью, реконструкцией в сознании событий прошлого, сколько с надеждой на будущее в контексте вечной жизни, продолжении себя в другом [2]. Такая надежда утверждает и реализует цели жизни человека смыслы и ценности и определяет конкретные задачи и пути их решения.

Выдающиеся победы Советской Армии, подвиг всего нашего народа, с особой силой проявившиеся в Великой Отечественной войне, являются важнейшим средством воспитания, способствующим сохранению традиций и развитию преемственности поколений. Священная любовь к Родине национальные традиции и идеалы, которые в годы войны проявились с особой силой, всегда выступали в качестве основы военно-патриотического воспитания подрастающего поколения и высшей нравственной ценности [1].

Поэтому празднование Дня Победы с традиционными для него символами, такими как Знамя Победы, Георгиевская ленточка, Парад Победы, Салют Победы и, появившееся не так давно, но охватившее не только нашу Родину но и многие другие страны ближнего и дальнего зарубежья, шествие Бессмертного полка, является важнейшим фактором консолидации не только наших соотечественников, но и союзников, многих других государств, проявлявших благодарность и признательность стране, выполнившей великую освободительную миссию в борьбе с фашизмом, поистине всенародным праздником.

Традиции Великой Победы содержат в себе своеобразный защитный «код», особую программу сохранения и передачи из поколения в поколение ценностных установок защиты Отечества, берущих свое начало в древнейших пластах центральной зоны этнической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинский И. М. Великая Победа: наследие и наследники Знание. Понимание. Умение 2005 — № 2 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-pobeda-nasledie-i-nasledniki> — свободный — дата обращения: 7.01.2020 — Загл. сэкрана.
2. Кусмарцев М. Б. Патриотическое воспитание детей и молодежи: от образа Победы к духовной идентичности с поколением Победителей: монография. Волгоград: ВолгГМУ, 2013. — 192 с.
3. Левченко Т. В. Традиции российского казачества — духовный ресурс патриотического воспитания детей и молодежи: научно-методическое издание. — Волгоград: изд-во ВолгГМУ, 2013 г. — 118 с

4. Лурье С.В. В поисках русского национального характера // «Отечественные записки» № 3 (4) 2002 [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/3/v-poiskah-russkogo-nacionalnogo-haraktera> — свободный — дата обращения: 6.01.2020 — Загл. сэкрана.
5. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. М.: Академический проект, 1997. — 446 с.
6. Лурье, С. В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. [Текст] / С. В. Лурье-СПб., 1994–288с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://svlourie.narod.ru/metamorphoses/etnity.htm>. — свободный — дата обращения: 7.01.2020 — Загл. сэкрана.
7. Садохин А. П. Этнология: учебный словарь. М.: Гардарики, 2003–208 с. — ISBN5–8297–0100- Этнология [Текст]: учебный словарь / А. П. Садохин. — М.: Гардарики, 2002. — 208 с.
8. Федоров С.Е., Филюшкин А. И. История и теория наций и национализма: учебник. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. — 208 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.litmir.me/br/?b=593738&p> — свободный — дата обращения: 7.01.2020 — Загл. сэкрана.
9. Eisenstadt S. N. Tradition, Change, and Modernity. New York, Sydney, Toronto: John Wiley, 1973. — 367 p. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: https://www.persee.fr/doc/nnisn_0000-0000_1974_num_3_1_885 — свободный — дата обращения: 7.01.2020 — Загл. сэкрана.
10. Pye L. W. Politics, Personality, and National Building: Burma's Search for Identity. New Haven and London: Yale University Press, 1962. — 307p.
11. Shils E. Centre and Periphery. In: Polanyi M. (ed.), The Logic of Personal Knowledge: Essays. London: Ronthedge and Kegen Paul, 1961. — p. 73.

© Топалова Екатерина Алексеевна (viku-87@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Российский государственный социальный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

THE USE OF THE TRICKSTER ARCHETYPE IN THE MODERN RUSSIAN FEDERAL AND REGIONAL POLITICAL PRACTICE

N. Shkurko
N. Balynskaya
L. Efimova
S. Volkov
A. Pudov
N. Afanassiev

Summary. The article analyzes the use of archetypal images — the Hero and the Trickster — in the modern practice of political campaigns. When creating a «legend» and popularizing a candidate, this technology effectively connects images that are stably transmitted from generation to generation on the principle of «domination — submission».

Attractive images of government representatives are created by political strategists by transferring qualities demanded by voters to the archaic basis of the Hero — a defender from the forces of evil. The election legend, built on the basis of the trickster archetype as a destroyer of old foundations, a bearer of new ideals, an ironic, daring critic of the plans and decisions of the establishment, — steadily ensures the growth of ratings of a politician who is in opposition to the ruling party.

Keywords: archetype, political practice, mass consciousness, the hero-ruler, the trickster, the opposition leader, ruling party, «power vertical».

Шкурко Наталья Сергеевна

К.филос.н., доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный
федеральный университет им. М. К. Аммосова»
(г. Якутск)

Nat-shkurko@yandex.ru

Балынская Наталия Ринатовна

Д.полит.н., профессор, ФГБОУ ВО «Магнитогорский
государственный технический университет
им. Г. И. Носова» (Магнитогорск)
balynskaya@list.ru

Ефимова Людмила Степановна

Д.филол.н., профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный
федеральный университет им. М. К. Аммосова»
(г. Якутск)

ludmilaxoso@mail.ru

Волков Сергей Юрьевич

К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «Магнитогорский
государственный технический университет
им. Г. И. Носова» (г. Магнитогорск)
volkov.sv.1990@yandex.ru

Афанасьев Ньургун Вячеславович

К.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный
федеральный университет им. М. К. Аммосова»
(г. Якутск)

n.v.afanasev@mail.ru

Пудов Алексей Григорьевич

К.филос.н., доцент, ФГБОУ ВО «Якутская
государственная сельскохозяйственная академия»
(г. Якутск)

Agro-on-line@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется использование архетипических образов — Героя и Трикстера в современной практике политических кампаний. При создании «легенды» и популяризации кандидата данная технология эффективно связывает образы, стабильно транслируемые из поколения в поколение по принципу «господство — подчинение».

Привлекательные образы представителей власти создаются политтехнологами путем переноса востребованных избирателями качеств на архаичную основу Героя — защитника от сил зла. Имидж, построенный на основе архетипа трикстера — разрушителя старых устоев, носителя новых идеалов, дерзкого критика планов и решений истеблишмента — стабильно обеспечивает рост рейтингов политика, находящегося в оппозиции к правящей партии.

Ключевые слова: архетип, политическая практика, массовое сознание, герой-правитель, трикстер, лидер оппозиции, партия власти, «вертикаль власти».

Характерной чертой отечественной политической культуры является ее функционирование в условиях общества, в котором сохраняются «пережитки» авторитарных тенденций и отсутствует позитивный опыт либерально-демократических перемен. С целью укрепления легитимности принимаемых истеблишментом решений, СМИ, контролируемые властями на федеральном, региональных и местных уровнях, систематически осуществляют вброс в массовое сознание населения политических мифов, непосредственно влияющих на политическое поведение и политическое сознание россиян.

Научный интерес отечественных ученых в последнее десятилетие направлен на систему политических мифов, мифогенез, анализ отношений «власть — общество», результативность технологий конструирования политических мифов и политических легенд, в т.ч. на основе архетипов.

Цель данной статьи — уточнить возможности использования архетипических образов в конструировании востребованного электоратом имиджа политика.

Отдельные аспекты формирования имиджа политического лидера исследуются Д.М. Васильковской, Е.В. Егоровой-Гантман, Д.В. Ольшанским, Г.Г. Почепцовым, Е.Б. Шестопал и др. Так, Н.Р. Балынская имидж политика определяет как искусственно созданный конструкт, действующий в сфере виртуальной политической реальности и влияющий на предпочтения электората [1, с. 63]. Как «глубоко и эмоционально окрашенное отношение электоральных групп к политику» имидж осмыслился А.Г. Новиковым [2, с. 42]. Фигура трикстера как политического актора изучена явно недостаточно (глава в монографии А.Г. Дугина, работы Д.А. Кайбушева, Д.А. Гаврильева, М.В. Николко, Л. Абрамяна и др.) [3, с. 4]

Опыт отечественных кампаний показал, что наиболее удачной и востребованной продукцией политтехнологов и имиджмейкеров являются материалы (политическая «легенда», листовки, агитационные статьи и др.), где при создании политической биографии кандидата используется архетип — способ связи образов, переходящих из поколения в поколение и позволяющих личности погружаться в миф. В.Н. Гуляихин характеризует архетип как «поведенческий код, «наследуемый» человеком в процессе политической социализации. Формы архетипов (в отличие от их содержания) остаются практически неизменными и оказывают существенное влияние на формирование политического сознания личности [4, с. 21].

На начальном этапе создания имиджа политического лидера разработчиками обязательно учитываются основы легитимности кандидата, впервые выделенные М. Вебером:

- ♦ уважение и поддержка всех лучших традиций российской государственности, общества, культуры;
- ♦ обладание харизмой, т.е. наличие ярко выраженных черт, вызывающих уважение, любовь, закрепляющих авторитет;
- ♦ сформированное правосознание, законопослушное поведение, наличие «чистой» биографии и репутации.

Далее работа по формированию имиджа политического лидера в массовом сознании избирателей конкретного региона ведется путем «перезагрузки» абстрактного проекта разработок политтехнологов в адекватную каналам СМК и их аудиториям эмоционально-образную форму, которую можно транслировать с минимальными искажениями [1, с. 106].

Так, «догрузка» архетипа Героя конкретными деталями, ориентированными на предпочтения электората конкретной территории, позволяет группе политтехнологов или специалистов по PR построить агитационную биографию кандидата для предвыборной кампании таким образом, чтобы презентовать свой продукт избирателям как панегирик пассионарной личности, готовой действовать на благо общества и имеющей программу будущих подвигов.

Аттрактивность в глазах россиян образа В.В. Путина создают такие атрибуты героической личности, как: поединки на татами, мастерство верховой езды, меткая стрельба, катание на горных лыжах, полеты на военных самолетах и дельтаплане, подъем с морского дна амфор, охота в таежной глуши, одаривание малышей из малообеспеченных семей нарядными платьями и компьютерами, трудоустройство их безработных отцов являются высокопрофессиональной разработкой архетипа Героя. Мифический герой (Геракл, Ахиллес, король Артур, Илья Муромец, Ньургуун Боотур Стремительный) — бесстрашный, щедрый и благородный — поднимается к небесам, спускается в глубины, сражается с врагами, что через много столетий проделает харизматичный глава России — «герой-правитель» в представлениях большинства россиян.

С разной степенью профессионализма варианты героизации применяются в выборных кампаниях глав регионов и муниципальных районов. Так, по аналогии с президентскими выборами технология создания героя-губернатора для Челябинской области была успешно осуществлена группой политических консультантов для Бориса Александровича Дубровского в 2014 году. И хотя в настоящее время глава Челябинской области по собственному желанию оставил свой пост, но на этапе губернаторских выборов 2014 года именно имидж «героя

нашего времени» принес ему убедительную победу и кредит доверия у внушительного электората.

При разработке имиджа кандидата группой политических консультантов для Бориса Дубровского использовался архетип Героя, дополненный путинскими эталонными характеристиками и привлекательными чертами личности самого кандидата.

1. Деятельностный подход, собранность, приоритетное внимание решению социальных проблем, доступность и демократичность знаковые характеристики действий Президента РФ умело демонстрировались главой региона. Объезжая всю вверенную ему Челябинскую область как и.о. губернатора (был назначен на эту должность 15 января 2014, избран губернатором в единый день голосования — 14 сентября 2014 года) Дубровский «брал на карандаш» все проблемы, оставшиеся нерешенными его предшественником, требовал активных действий со стороны руководителей муниципалитетов. И хотя так импонирующие уральцам решительные действия Бориса Дубровского обеспечивались профессиональной работой его команды, мощной информационной поддержкой его инициатив СМИ, в массовом сознании электората сложился образ главы региона, как воплощения надежд простых челябинцев: «пока он с нами — все решается», «ничего не упускает», «контролирует нерадивых чиновников» и т.д.

В реализуемую имиджевую стратегию укладывалась и такая популярная черта, как «спортивность», скопированная с позиции В.В. Путина. Российский лидер задал своеобразный «тренд»: в мирное время архетип Героя воспроизводится через «мужские» виды спорта — контактные и бюджетные. Для населения области не является государственной тайной, что и Владимир Путин, и Борис Дубровский (как и вся политическая и бизнес элита Челябинской области или города Магнитогорска — основного наполнителя бюджета области) являются приверженцами трасс на горнолыжных комплексах Абзаково и Банное в Челябинской области. Несмотря на ореол мужественности и отваги, окружающий почитателей скоростных спусков, занятия горными лыжами высокопоставленных чиновников в последние годы редко освещаются российскими СМИ. Причина такой «тактичности» — отсутствие позитивных дивидендов у избирателей из-за элитарности данного вида спорта, требующего значительных финансовых затрат на экипировку и выезды.

Поэтому при разработке имиджа политика героизация и сопутствующая ей брутальность могут быть более attractивно продемонстрированы через «бюд-

жетные» виды спорта, охватывающие более широкий круг занимающихся и финансово доступные рядовому избирателю: самбо и дзюдо — у Президента РФ, гиревой спорт — у губернатора Челябинской области. В.В. Путин имеет 8-й дан дзюдо, звание заслуженного тренера РФ по самбо. Б.А. Дубровский на посту главы области проводил ежедневно 1 час в тренажерном зале. Губернатор одним из первых в Челябинске получил золотой значок ГТО, продемонстрировав впечатляющий результат — 67 раз поднимая пудовую гирю на соревнованиях в честь Дня России на глазах тысяч зрителей.

Как еще один знаковый компонент в конструировании образа Героя следует рассматривать его приверженность российской системе образования. Если для В.В. Путина позиционировалось в этом отношении обучение дочерей в Санкт-Петербурге, то Борис Дубровский во всех интервью характеризовал себя как выпускника Магнитогорского технического университета, и вся его семья была и остается привязанной к региону в сфере получения образования и в отношении работы.

На эти характеристики политика как «своего магнитогорского парня» политехнологами умело накладывались многочисленные официальные и неофициальные сентиментальные вставки: фото и репортажи с места трагедии в Магнитогорске, когда 31 декабря 2019 года обрушился в результате взрыва подъезд многоэтажного дома и погибли 39 жильцов, фото и репортажи с открытия детских клиник и др.

Все эти компоненты образа Героя для Бориса Дубровского успешно транслировались в массовое сознание СМК на всех уровнях: от федеральных медиа — до муниципальных.

Тем же алгоритмом успешно пользуется культовый политик муниципального уровня — спикер Магнитогорского городского Собрания депутатов Александр Олегович Морозов, занимающий свой пост уже четыре созыва подряд. Позиционируя себя не как «варяга», а как коренного магнитогорца, А.О. Морозов подчеркивает прочность своих связей с «малой родиной»: выпускник магнитогорской школы и ВУЗа, продолжатель отцовского дела (как и отец молодой специалист связал свою жизнь с градообразующим предприятием — ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат»). А.О. Морозов умело использует некоторые позиции образа «борца за справедливость»: покровительство над «униженными и оскорбленными» как визитная карточка. В рамках предвыборной кампании неоднократно подавалась информация, что Александр Морозов — основатель городской общественной организации «Союз защиты прав потребителей», деятельность которой носит ярко выраженный социальный характер.

Та же имиджевая калька в области спорта, внедряемая в общественное сознание, срывает и здесь, повышая рейтинг депутата. Все публикации в магнитогорских СМИ подтверждают, что спикер МГСд — спортивный политик: в лыжные, любительских забегах, кроссах — везде на первом плане Александр Морозов. Концепция спортивного героя-победителя нашла логическое продолжение в акции «Субботние пробежки с дядей Сашей», получившей мощную информационную поддержку городских СМИ.

В городском сквере, ранее не пользовавшимся популярностью у магнитогорцев, после реконструкции, стали проводиться в утренние часы субботы пробежки работников городской администрации, возглавляемые спикером городской Думы. На беговом маршруте политика горожане могут неформально обратиться к нему со своей проблемой. Данная акция существует более года и современный Герой, общающийся с гражданами в процессе тренировки, расценивается жителями Магнитогорска уже как неотъемлемая часть городской жизни.

Народу саха — титульной нации Республики Саха (Якутия) — свойственен патриархальный тип политической культуры, компонентами которого выступают этатизм, патернализм, иерархичность, концентрация власти в одних «сильных» руках [10, с. 157]. Население традиционно непромышленных улусов Якутии — электорат прежнего главы региона Егора Борисова и значимая часть электората нового Ил Дархана — Айсена Николаева ожидает от главы республики прежде всего решения социальных проблем якутского села, так каждая пятая сельская семья официально живет ниже уровня бедности (долги фермерских хозяйств республики превышают их годовые доходы), кредитов на строительство жилья и развитие малого и среднего бизнеса.

Выходец из простой сельской семьи Егор Афанасьевич Борисов всегда позиционировал наличие прочных связей с сельскими тружениками (в первую очередь, со своими земляками из Чурапчинского улуса (улус — административная единица в Якутии, соответствующая российскому району)) через проведение выездных заседаний, прямых эфиров, работу общественных приемных, щедрое финансирование проблем «малой родины», включая предоставление дополнительных квот для обучения за счет региона в университетах РФ и бюджетных мест в вузах РС(Я) [6, с. 86].

Так, заняв пост главы республики, Егор Борисов пролоббировал открытие в 4 км от своего родного села Чурапча института физической культуры и спорта федерального статуса (это при функционирующем на базе СВФУ крупнейшем в ДВФО Институте физической куль-

туры и спорта). XIX Спартакиада по национальным видам спорта «Игры Манчаары-2012» также проводилась в Чурапче, причем главным аргументом в пользу выбора места проведения стало не наличие соответствующей инфраструктуры, спортивные успехи молодых спортсменов-уроженцев этой территории, а факт отсутствия крупных спортивных соревнований за 27 лет в данном селе и бывшие победы чурапчинских борцов на Олимпийских играх 1972 и 1976 годов [7].

Каждый глава Якутии с разной степенью успешности стремился повторить опыт В.В. Путина при реагировании на беды и проблемы своего электората: наказание проштрафившихся чиновников, облет отдаленных территорий, организация помощи при ликвидации стихийных бедствий (пожары, летние засухи и наводнения). Новогодняя елка главы республики, как и елка в Кремле Президента РФ, собирает отличников, победителей предметных олимпиад и спортивных состязаний, детей, чьи физические возможности ограничены.

Культуротворческая деятельность прежнего главы республики заключалась в выдвижении многочисленных инициатив — от зимних международных Игр «Дети Азии» (как логическое развитие идеи Международных Игр «Дети Саха-Азия», разработанных Первым президентом РС(Я) Михаилом Николаевым) до международных чемпионатов по интеллектуальным играм, международных олимпиад по информатике, физике, математике, создание по республике специализированных школ для одаренных детей.

Введенный В.В. Путиным культ «спортивности» в высших эшелонах власти реализуется главами региона в форме покровительства вольной борьбе и национальным видам спорта, строительстве спортивных комплексов и стадионов для проведения статусных мероприятий — Международных Игр «Дети Саха-Азия», Игр Манчаары (республиканских состязаний по национальным видам спорта) и чемпионатов мира по вольной борьбе. Этнокультурная составляющая — пост президента Федерации вольной борьбы Якутии — знакового вида спорта — всегда занимает руководитель республики. Элитные виды спорта, которым отдают предпочтение первые лица Якутии — это горный велосипед у экс-главы Егора Борисова и конный спорт — у Айсена Николаева. К «бюджетным» видам спорта, увлеченность которыми описывают региональные журналисты — это бокс у прежнего (Егор Афанасьевич сам в студенческие годы участвовал в соревнованиях) и охота с рыбалкой (почти по путински) у Айсена Николаева.

Деяния глав региона обязательно транслируются в прайм-тайм региональным телевидением, занимают передовые полосы русско-и саха-язычной прессы,

авторские блоги. Хотя информационные потоки в республике основательно контролируются, предметом неустанной заботы глав республики является рейтинг, как собственный, так и Национальный рейтинг инвестиционной привлекательности региона (в конце мая 2017 года Якутия теряла 2 пункта и заняла 58 место из 85 регионов, положение выправилось по итогам 2018 года, когда Якутия вернулась в группу IC3 с высокой инвестиционной привлекательностью третьего уровня благодаря преференциальным режимам для инвесторов Дальнего Востока, вводу в эксплуатацию нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан и газопровода «Силы Сибири»).

Имиджам современных политиков, сконструированных на основе архетипа «культурный герой», твердо ориентированным на сохранение традиционного порядка в мире, противостоит харизматический образ трикстера — разрушителя, не приемлющего традиционный миропорядок за отсутствие свободного выбора, идеолога и создателя альтернативных путей развития. Образ трикстера в мировой культуре впервые был проанализирован П. Радиным, Г. Юнгом, К.К. Кереньи, В. Хайнсом, В. Доти. Политические аспекты образа трикстера исследовались А.Г. Дугиним.

Современный мир, окружающий человечество в XXI столетии, — это мир прагматического сознания, мир четко организованный и запрограммированный на определенные реакции и модели поведения. Трикстер же обитает в мире полисемантическом, располагаясь не рамках определенного контекста, но в метаконтексте, где присутствует «правда», но нет буквальности. И поэтому категории жестко иерархичного мира просто не существуют для него. Действуя на границе игры и действительности, трикстер корректирует, решает и трансформирует жизненные смыслы и ситуации, задает динамику и направление, по которому пойдет мир, чтобы продолжились процессы развития и созидания. Пока в общественной жизни действует закон «вызова-ответа», человечество будет иметь шансы на выживание и прогресс. Активно реализуя себя в мире через контакты и столкновения, трикстер реализуется как медиатор, предлагающий новые пути, новые модели развития мира. Поведение же других обитателей реальности — от культурного героя до обывателя — в большей степени задается уже самим созданным миром, вернее тем местом, которое отводится им в модели, сконструированной трикстером.

Современная ипостась архаического трикстера — политик-оппозиционер — интригует и лавирует для достижения своих целей, нарушая существующие правила политических игр, переходя границы и внося в стагнирующее общество дух авантюризма и перемен.

Если прежде классический трикстер подвергался гонениям за свои проделки, боролся за легитимность существования, выжидая «урочного часа», то современный трикстер действует не только в поле мифа, но и за его пределами — в конкретной социальной среде, где для воздействия на массовое сознание потенциальных избирателей СМК транслируют специально сконструированные политические мифы.

К базовым характеристикам трикстера, заложенным еще в архаические эпохи, относятся: гибкость принципов и тактик, разрушение традиционных запретов и устоев, посредничество между двумя мирами, обличение (высмеивание) врагов, аффективность, декларационность. Оставаясь актуальными и для политической практики XXI века они дополнены новыми характеристиками, такими как: трансгрессорство, амбивалентность, лиминальность, сакральный контекст и перформанс. Трикстеры наших дней стремятся трансформировать привычные, неоспоримые ценности социума, вводить новые критерии и оценки для существующей общественной практики. «Трикстер трансформирует слово и эффектный жест в особого рода перформанс, — указывает М.Н. Липовецкий, — в котором прагматика трюка редуцирована, а на первый план выдвигается художественный эффект» [9, с. 233]. Значимой чертой современных последователей трикстеров в сфере политики выступает искусство словесной эквилибристики: цинизм, умение остроумно высказываться в дискуссиях, теледебатах и праймериз, произносить речи и экспромты, использовать силлогизмы, «разить» противников словом и блокировать «удары» недоброжелательных СМИ. Как скандинавский Локи провоцировал на конфликты обитателей Вальгаллы, так и современные трикстеры из лагеря оппозиции разоблачают своих политических противников, высмеивая их деяния и высказывания, вытаскивая на суд общественности тщательно скрываемые секреты глав регионов и членов их команд.

Создаваемая российскими трикстерами оппозиционная антитеза, в которой первостепенное значение обретают ценности «непринадлежности», «непочтительности» — одним словом, свободы от системы, противостоит закрытому обществу с его «вертикалью власти», социальным цинизмом чиновников, культом должностей и преференций. Поэтому российские трикстеры-политики, даже имея амбивалентную репутацию, популярны у отдельных групп российских избирателей.

Так, обозревателем Ю. Иоффе из «The New Republic» анализируются такие базовые характеристики создателя «Фонда борьбы с коррупцией» А.А. Навального, как эпатажность, смелость, готовность к изменению картины мира и менталитета сограждан, эффективная политическая тактика: «Страшно воевать в одиночку с ве-

тряными мельницами, но если хочешь привлечь к атаке других, надо убедить их, что мельницы только кажутся страшными». Автор одного из самых читаемых блогов о коррупции стал в сознании россиян идеологом осознавшего себя как политическая сила «среднего класса». Предприниматели, инженеры, учителя, студенты, участвовавшие в акции на Болотной площади, продемонстрировали россиянам, что можно и должно жить счастливо и деятельно [11]. Сам Навальный гордится тем, что «сумел добиться доверия людей тем, что регулярно говорил правду».

Запущенный в 2018 году Навальным и его командой блог «Умное голосование» давал возможность избирателям, оппозиционным партии «Единая Россия», отдавать свой голос за другого кандидата. И хотя в начале декабря 2018 года сайт был заблокирован Роскомнадзором, «Умное голосование» Навального продемонстрировало свои возможности на последних выборах в МосГорДуму, когда нескольким независимым кандидатам удалось получить мандаты.

Эпатажность, «откровенность» разоблачений политических врагов из противоположного лагеря, азарт, амбиции, пылкие декларации об изменении мира, театральность являются слагаемыми яркого имиджа политического трикстера В.В.Жириновского. Находясь более двух десятилетий на политической арене, харизматичный глава ЛДПР закрепил за собой место в высшем эшелоне федерального уровня (руководитель фракции ЛДПР, вице-спикер) без падений и перерывов на вынужденный отдых, что мало кому удалось из российских парламентариев. Политическая карьера Жириновского всегда плавно двигалась только в одном направлении — вверх, начиная с президентских выборов 1991 г., когда не раскрученный на политическом Олимпе кандидат занял третью позицию после Б. Ельцина и Н. Рыжкова.

Благодаря своей интуиции, уму и политическому чутью, за все годы пребывания во власти В.В.Жириновский не совершил ни одной серьезной политической ошибки. «Да, принципы его поведения повергают в шок не желающего критически мыслить обывателя, но привлекают внимание депутатов Госдумы, экспертов, СМИ, даже если это негативное внимание. Резкие, рубленые фразы, провокационные речи, — лидер ЛДПР умен, прагматичен и умеет донести свое слово до тех, кто будет принимать решение. Поэтому его порой неадекватное поведение имеет целью не рассмешить, а вызвать обсуждение. С клоуном на арене большой политики Жириновского уже не сравнивают, потому что его прежние позиции оказались верными и предсказания сбылись» — и в отношении Украины, и в отношении Ближнего Востока. Идеи, которые казались в 1990-е маргинальными, — сейчас характеризуются как мейнстрим,

отмечает политолог К. Калачев, имея в виду «имперскую направленность партии власти, антизападный курс» [13].

В свое время имидж честного оппозиционера принес лидеру ЛДПР Дему седьмую строчку в топе «Семь самых честных политиков» информационного агентства РБК, четвертую позицию в рейтинге Центра информационных коммуникаций «Рейтинг» (ЦИК «Рейтинг») и третье место у пользователей Facebook (Иван Грозный, Алексей Навальный, Владимир Жириновский, Иосиф Сталин и Иван Охлобыстин). Со своими эмоциональными выступлениями Владимир Жириновский остается одним из самых трезвомыслящих членов Думы: «На Украине мы повторяем ошибки Афганистана. В 1979 году Институт востоковедения дал положительный анализ возможного введения войск в Афганистан. Ввели и увязли там на 10 лет, отношения со всем исламским миром испортили и ушли, ничего не добившись».

На Украине то же самое. Вернули Крым — великолепно, абсолютно правильно. Но если начали действия — доводите до конца. ...Война на Донбассе началась и никакого движения уже 5 лет. 13 тысяч русских погибли зачем? Ради чего?» [13].

На Урале репутацию политического трикстера имеет публицист и блогер Павел Борисович Верстов, которому принадлежит информационное агентство «Верстов.Инфо» (https://verstov.info/about_project.html). Учитывая, что Магнитогорск — «столица черной металлургии» — является моногородом, чье благополучие напрямую связано с судьбой могущественного ММК (Магнитогорского металлургического комбината), не только в экономической, социальной, но и информационной сфере, то агентство «Верстов.Инфо» выступает как коммуникационный центр оппозиции, а его учредитель — Павел Верстов — имеет прочную репутацию защитника и выразителя подлинных интересов простых горожан.

В своем блоге и статьях «звезда оппозиционных СМИ» открыто пишет о том, что базовые основы политической культуры — демократия и гражданское общество — недостижимы в городе, где при наличии любой проблемы будет доминировать мнение руководства градообразующего предприятия. Выборы любого уровня — в местные органы власти, в региональные и в федеральные — не состоятся без обязательного одобрения личности кандидата руководством ПАО «ММК».

С точки зрения «Верстов.Инфо» — у города нет вменяемой, четко продуманной стратегии развития. С одной стороны, городские власти ставят задачу экономии средств на использовании городского транспорта, с другой — открывают новые трамвайные ветки, «вытягивая» город на юг. Попытки отдельных активистов получить от-

вет, какова перспектива «брошенных» микротерриторий внутри города, лоббируются, поскольку это ставит под сомнение продуманность решений руководства города.

На страницах своего сайта «звезда оппозиционных СМК» активно критикует политику главы города, продвигающего в качестве очередного проявления заботы о благе горожан — финансово выгодное для исполнителя замощение тротуарной плиткой всех территорий Магнитогорска, ранее занятых зелеными газонами и куртинами. И хотя официальные СМИ характеризуют действия мэра как очередной этап благоустройства города, но благодаря сайту «Верстов.Инфо» более 90 процентов горожан получили шанс высказаться против замощения. И проведенный защитниками природы масштабный митинг осмелился информационно поддержать только «Верстов.Инфо».

Павел Верстов имеет трикстерские характеристики — трангрессивность, высокий уровень культурного иммунитета, эрудицию, остроумие до язвительности, креативность, умение находить альтернативные пути решения проблем, эмоциональное разоблачение действий власти. Его публицистическая деятельность по разрушению социокультурного (мейнстримного) мифа о процветании города под эгидой ММК — «город под чугунной плитой» это подтверждает.

В Республике Саха (Якутии) ярким представителем трикстерского корпуса выступает Федот Семенович Тумусов. Депутат Госдумы РФ от Якутии, секретарь Президиума Центрального Совета партии «Справедливая Россия» по вопросам национальной политики является в глазах многочисленных избирателей активным защитником народных интересов, смело критикующим федеральные и региональные власти за манипуляции с экономическим положением северян и сворачивание социальных программ. Лично самого Тумусова (без учета его партийной принадлежности) почти 52% жителей Якутии считают достойным поста главы республики. Электорат лидера регионального отделения оппозиционной партии «Справедливая Россия» включает нижний слой среднего класса — мелких предпринимателей и специалистов в сфере образования, медицины, культуры; рабочий контингент из промышленных районов; жителей арктических территорий Якутии, включая родовые общины малочисленных коренных народов Севера. Его кандидатуру поддерживает половина русскоязычного населения.

В региональных массмедиа за Тумусовым закрепился эпитет «политического каюра». Эта характеристика дана руководителю регионального отделения «Справедливой России» как за активную защиту интересов коренных малочисленных народов Севера, жителей северных поселений в Госдуме РФ и Госсобрании Республики Саха Ил Тумэн, так и за умение балансировать в столкнове-

нии партийных интересов, привлекать союзников для лоббирования конкретных законопроектов и решения социально значимых для якутян проблем.

По твердому убеждению политика, общероссийский кризис нельзя преодолеть без учета мировоззрения, менталитета народов, населяющих страну, без ясного осознания, что Россия — это, в конечном счете, северная цивилизация. РФ не нужно «поворачивать» на Запад (как считают либералы) или на Восток, ей следует развернуться лицом к собственному Северу: «...У России нет реальной северной государственной политики, отвечающей интересам населения приарктических и арктических территорий. А должно быть с точностью до наоборот. Северяне — это стражи России. Если люди есть на Севере, значит, есть там Россия. Если нет — нет там России. И мы боремся за то, чтобы у России была взвешенная и эффективная северная государственная политика» [14].

Результатом такой борьбы стали за 10 лет работы подготовленные и внесенные в Госдуму 88 законопроектов, (лично — 27), 11 из которых были приняты и подписаны Президентом РФ.

Федот Тумусов резко критикует партию власти и лично глав республики за «сдачу» природных богатств Якутии пришедшим концернам, активно занимается семейной и экологической политикой. Он привлек внимание на самых высоких уровнях к ситуации с бывшим бюджетобразующим республиканским предприятием «Газпром» (с 2007 года «Якутская топливно-энергетическая компания»), находящимся теперь под контролем братьев Магомедовых: «Чем думали государственные мужи, продавая столь лакомый и стратегически важный для республики актив — остается только гадать. ...Я считаю, что весь газовый сектор должен находиться в собственности республики. А сейчас налицо полное противоречие здравому смыслу — территория принадлежит Якутии, газ находится в якутских недрах, предприятие находится на якутской земле, но республике достаются крохи налогов, дым от переработки и ущерб экологии.

Предприятием должны заниматься не менеджеры, зарабатывающие деньги и выводящие их за пределы республики, а специалисты в газовой отрасли, работающие во благо территорий и поселений, на которых находятся запасы полезных ископаемых».

Один из последних примеров трикстерского разрушения Ф. С. Тумусовым иерархической системы — доработка федерального закона о дальневосточном гектаре, которую он возглавил в Якутском отделении «Справедливой России», объединив предложения, выдвинутые общественными движениями «Сир» и «Сомо50» и отдельными депутатами Госсобрания Республики Саха

(Якутия) Ил Тумэн. Учитывая, что первоначальный вариант законопроекта был «просто неприемлемым для интересов простых граждан республики», политик внес 40 поправок во втором чтении, 15 из которых вошли в окончательный текст закона. Наиболее важной поправкой, во многом изменившей дух и букву закона, стала поправка к ст. 7: 26 пунктов ограничений на получение земли, включая запрет раздавать пастбищные земли, земли лесного фонда, земли охотничьих угодий коренных малочисленных народов Севера и др. ограничения, которые не позволят хищнически разбазаривать земли Якутии.

В мае 2019 депутат Госдумы РФ от Якутии оперативно отреагировал на опубликованные Министерством экономики республики данные о среднем заработке якутянина, составившим в 2019 году 66 тыс. рублей. Якутский справедливородец заявил с трибуны в Госдуме РФ, что заработки большинства жителей республики в 2 раза меньше официальной статистики: «Где эти 66 тыс. рублей? Кто получает столько зарплаты? Понятно, что Вася кушает мясо, Петя кушает капусту, а в среднем они едят голубцы».

Согласно рейтингу ресурса «Психоаналитика» Института социально-экономических и политических исследований якутский политик занимал 7 место в номинации

«Региональные политики с федеральными перспективами» (2017). Последовательно разрушая мифы руководителей республики и их «команд» о настоящем и грядущем процветании региона, Тумусов действует как трикстер.

ВЫВОД

Имиджи современных политиков — представителей партии власти и сторонников оппозиции — создаются на основе архетипов с учетом социокультурных особенностей и предпочтений электората конкретной территории. «Вечные» архетипы — Героя и Трикстера, затрагивающие глубинные иррациональные пласты политического сознания и подсознания электората, эффективно внедряются с помощью СМИ в массовое сознание россиян. Аппетитность образов представителей власти достигается политтехнологиями с помощью трансфера востребованных избирателями качеств на архаичную основу Героя — защитника от сил зла.

Профессиональное конструирование имиджа политика на основе архетипа трикстера эффективно работает на рост рейтинга лидера оппозиции. Остроумный и яркий трикстер своими словами и действиями формирует качественно новую реальность и «открывает глаза» потребителям политических мифов, транслируя новые идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балынская Н. Р. Специфика участия СМИ в политическом процессе современной России. — Екатеринбург: УраГС, 2009. — 234 с.
2. Новиков, А. Г. О менталитете саха / А. Г. Новиков. — Якутск, изд-во АНЦ, 1996. — 146 с.
3. Кайбушев, А. Д. Политическая культура и основные культурные тенденции современной политической элиты России: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Кайбушев Аскар Дисович; [Место защиты: Астрахан. гос. ун-т]. — Астрахань, 2009. — 26 с.
4. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Керенки / Пол Радин. — СПб.: Евразия, 1999. — 288 р.
5. Гуляихин, В. Н. Правовая социализация человека: монография / В. Н. Гуляихин — М.: Юстицинформ, 2014. — 282 с.
6. Лубский Р. А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства / Р. А. Лубский // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — № 6 (16). — С. 156–157.
7. Платонова, Р. И. Специфика формирования конкурентоспособного специалиста спортивно-педагогического профиля: опыт регионального вуза РС(Я) / Р. И. Платонова, Н. С. Шкурко // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта, 2009. — № 12 (58) — С. 85–90.
8. Уххан сирэ. Игры «Манчаары-2012» прошли в Чурапче // URL: <http://uhhan.ru/news/2009-06-25-1079> (обращение 12.09.2013)
9. Кайбушев, А. Д. Место персонажа политического трикстера в политической культуре А. Д. Кайбушев // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 11. — С. 102–106.
10. Липовецкий, М. Н. Трикстер и «закрытое» общество / М. Н. Липовецкий // Новое литературное обозрение. — 2009. — № 6 (100). — С. 224–245.
11. Шкурко, Н. С. Интерпретация социальной памяти регионального сообщества в политических мифах Якутии / Н. С. Шкурко // Регионология. — 2011. — № 1. — С. 26–39.
12. Калачев К. Клоуном Жириновского уже не называют // РБК // URL: <http://www.rbc.ru/politics/30/05/2016/574c49e89a79470af0d5d1d8> (обращение 30.05.16)
13. Последняя речь В. Жириновского // Обращение ЛДПР // URL: <https://ldpr.ru/leader/speech/> (обращение 08.01.2020)
14. Федот Тумусов ответил на вопросы Sakhalife [Эл. ресурс] // Sakhalife // URL: <http://sakhalife.ru/fedot-tumusov-otvetil-na-voprosy> (обращение 28.07.2018)

© Шкурко Наталья Сергеевна (Nat-shkurko@yandex.ru), Балынская Наталья Ринатовна (balynskaya@list.ru),
Ефимова Людмила Степановна (ludmilaxoco@mail.ru), Волков Сергей Юрьевич (volkov.sv.1990@yandex.ru),
Афанасьев Ньургун Вячеславович (n.v.afanasev@mail.ru), Пудов Алексей Григорьевич (Agro-on-line@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Андреева Елена Ивановна

К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный педагогический университет»

(г. Оренбург)

andreevaeliv@yandex.ru

PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT OF INCLUSIVE ADDITIONAL EDUCATION IMPLEMENTATION OF STUDENTS WITH SPECIAL NEEDS

E. Andreeva

Summary. The article presents the main aspects of the psychologist's work with teachers, parents and students in the context of inclusive additional education. Problems of inclusive additional education implementation are described. The features of psychological and pedagogical support for the implementation of inclusive education are considered. The importance of forming an inclusive corporate culture is underlined.

Keywords: additional education, inclusive education, inclusive culture, psycho-pedagogical support, students with special needs.

Аннотация. В статье кратко представлены основные аспекты работы психолога с педагогами, родителями и обучающимися в условиях инклюзивного дополнительного образования. Описаны проблемы реализации инклюзивного дополнительного образования. Рассмотрены особенности психолого-педагогического сопровождения внедрения инклюзивного образования. Обозначена важность формирования инклюзивной корпоративной культуры.

Ключевые слова: дополнительное образование, инклюзивное образование, инклюзивная культура, психолого-педагогическое сопровождение, обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья.

Инклюзивное образование — одно из стратегических направлений развития современного образования в контексте международных стандартов обеспечения реализации прав на образование всех обучающихся, независимо от их особенностей и потребностей [1; 8].

Задачи дополнительного образования заключаются в формировании ценностей: этических, социальных, развития личности [8; 9].

Ценность инклюзивного дополнительного образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья в том, что оно дает возможность сделать акцент не только на коррекционном потенциале — работе с нарушениями развития, но и обратиться к ресурсным возможностям обучающегося, развить его способности, учесть интересы, социализировать.

Для типично развивающихся обучающихся в данных условиях появляется возможность научиться принимать людей такими, какие они есть в многообразии их осо-

бенностей, научиться с ними адекватно и эффективно взаимодействовать, ценить различия как материал для собственного личностного развития.

Однако внедрение инклюзивного образования в практику работы учреждений дополнительного образования, его реализация связана с разного рода трудностями.

В рамках реализации курсов повышения квалификации по актуальным вопросам дополнительного образования нами был проведен опрос педагогов и психологов нашей области с целью выявления проблем реализации инклюзивного образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья.

Трудности в реализации инклюзивного образования педагоги дополнительного образования области связывают со следующими аспектами:

- ♦ 91% опрошенных обозначили проблему отсутствия в организациях дополнительного образования системы психолого-педагогического

сопровождения лиц с ограниченными возможностями здоровья в силу разных причин (отсутствие педагога-психолога или специального психолога, невнимание к данным вопросам со стороны данных специалистов и нежелание/отсутствие времени оказывать помощь педагогам, неоднозначность позиции руководства в отношении системности данной деятельности и других причин);

- ♦ 83% респондентов высказали опасения по поводу того, что они сами недостаточно готовы к реализации инклюзивного дополнительного образования (как психологически, так и с позиции владения специфическими умениями в данной сфере);
- ♦ многие педагоги не согласны на данном этапе развития общества (неготовность большей части общества к инклюзии) и образования в целом (отсутствие необходимого финансирования для создания архитектурных и материально-технических специальных образовательных условий, специалистов, нормативов по соотношению обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и типично развивающихся обучающихся, критериев стимулирования деятельности педагогов и т.п.) с эффективностью процесса инклюзивного дополнительного образования обучающихся с конкретными нарушениями развития (умственная отсталость (интеллектуальные нарушения) — 78%, расстройства аутистического спектра — 83%, тяжелые и множественные нарушения развития — 99%, психические расстройства — 79%, слепота и глухота — 73%);
- ♦ большинство педагогов (78%) отметило неадекватный выбор родителями образовательного маршрута для своего ребенка с ограниченными возможностями здоровья (неподходящие программы, форма обучения, завышенные требования к ребенку и образовательной организации, нежелание предоставить информацию по поводу необходимых ребенку специальных образовательных условий, следовать рекомендациям педагогов).

У педагогов-психологов, специальных психологов и других специалистов сопровождения организаций дополнительного образования сложилось немного другое мнение:

- ♦ 100% опрошенных специалистов отметили сложности регламентации своего рабочего времени (отсутствие федеральных нормативов, регламентирующих работу с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья в дополнительном образовании);

- ♦ 83% — отсутствие системности психолого-педагогического сопровождения развития обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в силу разных причин (дискуссионности вопроса об организации деятельности психолого-педагогического консилиума, отсутствие нормативных документов, регламентирующих организацию данного процесса в организациях дополнительного образования).

Часть педагогов и психологов выделили следующие позитивные аспекты поддержки реализации инклюзивного дополнительного образования:

- ♦ диссеминация опыта работы с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья, существующего в области (дополнительное образование на базе специальных (коррекционных) школ, клубы для молодых инвалидов, дающие возможность общения с типично развивающимися сверстниками, творческие коллективы, инклюзивные спектакли и т.п. — 86% опрошенных);
- ♦ существование методических рекомендаций по разработке адаптированных дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ (72% опрошенных);
- ♦ работа системы повышения профессиональной компетентности педагогических работников (возможности системы повышения квалификации, в том числе дистанционное обучение, вебинары специалистов ведущих организаций по теме, образовательный коворкинг и т.п.) (67% опрошенных).

Противоречие между выделенными педагогами проблемами организации психолого-педагогического сопровождения реализации инклюзивного дополнительного образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и признанным инклюзивным потенциалом дополнительного образования обусловило актуальность предложенной темы.

Проанализировав данные опроса, социальный заказ на повышение квалификации и подключив собственный опыт практической работы по психолого-педагогическому сопровождению развития лиц с ограниченными возможностями здоровья в организации дополнительного образования (ООДТДМ им. В. П. Поляничко г. Оренбурга), по поддержке профессионального развития специалистов системы дополнительного образования, мы выделили ключевые аспекты психолого-педагогического сопровождения реализации инклюзивного дополнительного образования.

1. Формирование инклюзивной корпоративной культуры организации дополнительного образова-

ния — области культуры, сформированной в процессе совместной деятельности субъектов образовательного пространства и направленной на реализацию ценностей инклюзивного образования, принимаемых и разделяемых всеми членами коллектива [2].

Сначала психологу образовательной организации совместно с методистом мы рекомендуем провести диагностику готовности педагогов образовательной организации к реализации инклюзивного образования, выявить проблемные зоны:

- ♦ теоретической готовности к успешной реализации инклюзивного образования — знания нормативных документов, возрастно-психологических особенностей обучающихся разных категорий, их особых образовательных потребностей, теоретико-методологические основы инклюзии и т.п.;
- ♦ практической — умения, навыки в сфере инклюзивного образования: разработка и реализация программ и занятий, работа с родителями обучающихся, создание специальных образовательных условий, учет потребностей и интересов обучающихся и т.д.;
- ♦ личностной готовности членов педагогического коллектива — ценности, интересы, эмоции, мотивация, личностные качества.

Проанализировав полученные результаты, психолог и методист образовательной организации смогут более эффективно спланировать систему мероприятий по оказанию психолого-педагогической поддержки педагогам, реализующим инклюзивную практику, в том числе адресной [1; 2].

Роль педагога-психолога в формировании инклюзивной корпоративной культуры нами видится в проведении тренинговых мероприятий с педагогами в аспекте всех трех видов готовности, перечисленных нами выше, тогда как деятельность методиста будет сконцентрирована преимущественно на первых двух (теоретической и практической).

2. Участие в деятельности психолого-педагогического консилиума учреждения дополнительного образования или других образовательных организаций, которые посещают обучающиеся (школы, детские сады) посредством сетевого взаимодействия.

Несмотря на то, что вопрос об обязательности создания психолого-педагогического консилиума учреждения дополнительного образования для многих руководителей и педагогических работников является дискуссионным, утвержденное распоряжением министерства просвещения примерное положение о де-

ятельности психолого-педагогического консилиума указывает на то, что он может быть создан на базе любой организации, осуществляющей образовательную деятельность, с целью «создания оптимальных условий обучения, развития, социализации и адаптации обучающихся посредством психолого-педагогического сопровождения» [5].

На наш взгляд, создание психолого-педагогического консилиума необходимо для успешной реализации инклюзивного образования, но в случаях отсутствия необходимых специалистов можно заключить договоры о сетевом взаимодействии со школами и детскими садами, которые посещают обучающиеся, получающие дополнительное образование в учреждении, и пользоваться их ресурсами (участвовать в деятельности психолого-педагогических консилиумов данных организаций).

3. Целенаправленная работа с родителями, особенно на этапе выбора программы дополнительного образования и заключения договора с организацией.

К сожалению, наша практика показывает, что большая часть родителей детей с ограниченными возможностями здоровья при выборе дополнительной общеобразовательной общеразвивающей программы не учитывают особые образовательные потребности ребенка, его склонности и интересы. Помимо этого часть родителей пытаются скрыть статус своего ребенка, наивно считая, что его «особенности не проявятся в условиях безотметочной системы дополнительного образования».

Информирование родителей о целесообразности предоставления документов обучающихся (копия заключения ПМПК — получение рекомендаций по линии дополнительного образования, при необходимости выписки из ИПРА), их ответственности в случае сокрытия данных, о существующих дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программах, в том числе адаптированных для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья с обоснованием развивающего, инклюзивного и коррекционного потенциалов каждой программы является неотъемлемой частью предварительной работы с родителями до момента заключения с ними договора об оказании образовательных услуг.

Помимо этого одной из важных задач работы психолога совместно с педагогами дополнительного образования можно назвать выяснение индивидуальных особенностей ребенка, его способностей, интересов — это также влияет на содержание рекомендаций для родителей по выбору программы дополнительного образова-

ния, на дальнейшую разработку ее содержания, реализацию.

Еще одним ключевым аспектом взаимодействия психолога с родителями обучающихся (и типично развивающихся, и обучающихся с ограниченными возможностями здоровья) является включение в культуру инклюзивного образования, трансляция его ценностей.

Главное, как показывает практика, показать родителям готовность их всегда выслушать и помочь решить проблемы, с которыми они сталкиваются, т.к. инклюзивное образование часто связано с необходимостью личностных трансформаций, с различными, в том числе, и с негативными эмоциями и состояниями, например, агрессией, отрицанием, сопротивлением, страхом.

Эффективными формами работы с родителями могут быть семинары-практикумы, занятия с элементами тренинга, совместные с детьми инклюзивные мероприятия. Для некоторых родителей в силу занятости будут актуальными формы опосредованного дистанционного взаимодействия с психологом посредством мессенджеров, социальных сетей и других средств.

4. Работа с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и типично развивающимися обучающимися — включение всех обучающихся в инклюзивную культуру организации дополнительного образования.

На наш взгляд, наибольшим инклюзивным потенциалом обладают дополнительные образовательные общеразвивающие программы, реализующиеся в области творческой деятельности, разработанные с позиции субъектно-художественного подхода, предложенного Е.А. Медведевой [3; 7]. Решение совместных творческих задач позволяет обучающимся создать социокультурную общность, основанную на принципах уважения различий, развития собственных интересов, поддержки субъектной позиции, а разнообразие видов искусства позволяет подобрать вид деятельности, который был бы доступен, понятен и интересен, в том числе и тем или иным обучающимся с ограниченными

возможностями здоровья с учетом их индивидуальных возможностей и потребностей. Данный подход идеален для психолога-арттерапевта, так как позволяет реализовать индивидуальную и групповую работу средствами арт-технологий в системе психолого-педагогического сопровождения реализации инклюзивного дополнительного образования, способствующую социализации обучающихся [3; 6; 7].

Невозможно обойти вниманием разработку и реализацию адаптированных дополнительных общеразвивающих программ для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья других направленностей, которые реализуют коррекционный потенциал дополнительного образования и могут выступить как в качестве подготовительных к инклюзии, так и основных — в рамках которых произойдет внедрение ребенка с ограниченными возможностями здоровья в среду типично развивающихся сверстников и развитие их специфических способностей или интересов [4].

Таким образом, основными аспектами психолого-педагогического сопровождения реализации инклюзивного дополнительного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья являются:

- ♦ формирование инклюзивной корпоративной культуры организации дополнительного образования;
- ♦ деятельность психолого-педагогического консилиума организации дополнительного образования;
- ♦ целенаправленная работа с родителями на этапе выбора программы дополнительного образования и заключения договора с организацией;
- ♦ работа с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и типично развивающимися обучающимися.

Реализация данных мероприятий, на наш взгляд, позволит системно подойти к организации эффективного процесса психолого-педагогического сопровождения реализации инклюзивного дополнительного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина С.В., Шеманов А. Ю. Инклюзивная культура как ценностная основа изменений высшего образования // Развитие инклюзии в высшем образовании: сетевой подход. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2018. С. 5–13.
2. Макарова Ю. А. Понятие инклюзивной корпоративной культуры в организациях общего образования // Образование и воспитание. 2018. № 4. С. 1–4. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/101/3433/> (дата обращения: 10.01.2020).
3. Медведева Е. А. Дополнительное образование художественного направления как ресурс социокультурного развития личности ребенка с ограниченными возможностями здоровья // КПЖ. 2017. № 3 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnoe-obrazovanie-hudozhestvennogo-napravleniya-kak-resurs-sotsiokulturnogo-razvitiya-lichnosti-rebenka-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (дата обращения: 10.01.2020).

4. Методические рекомендации по реализации адаптированных дополнительных общеобразовательных программ, способствующих социально-психологической реабилитации, профессиональному самоопределению детей с ограниченными возможностями здоровья, включая детей-инвалидов, с учетом их особых образовательных потребностей: письмо Министерства образования и науки РФ от 29 марта 2016 г. № ВК-641/09.
5. Об утверждении примерного Положения о психолого-педагогическом консилиуме образовательной организации: распоряжение Минпросвещения России от 09.09.2019 № Р-93.
6. Тарасенко А. А. Современные методы арт-терапии в психологическом консультировании: перспективы практического применения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 07. С. 92–97.
7. Шеманов А.Ю., Макаева Д. Э. Творчество и инклюзивная культура образовательной организации // Психолого-педагогические исследования. 2016. Т. 8. № 1. С. 24–34.
8. Bizova, N. Peculiarities of inclusive education in children's leisure time with special educational needs // Problems of Education in the 21st Century. 2010. № 20. P. 182–190.
9. Non-formal education: Parliamentary Assembly Recommendation 1437 (2000). URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-en.asp?FileID=16762&lang=en>

© Андреева Елена Ивановна (andreevaeliv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Оренбургский Государственный Педагогический Университет

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОСВЯЗИ КОМПОНЕНТА «ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ» СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ РАЗНОГО УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ

**SPECIFICITY OF INTERRELATION
OF COMPONENT "SOCIABILITY"
OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL
COMPETENCE AND INDIVIDUAL STYLE
OF SELF-REGULATION AT STUDENTS-
PSYCHOLOGISTS OF DIFFERENT LEVEL
OF EDUCATION**

N. Babintseva

Introduction: this article discusses the features of the relationship between the component "sociability" of socio-psychological competence and individual style of self-regulation in psychology students of different levels of education. **Materials and methods:** the Presented problem is revealed by means of correlation analysis. To study the components of socio-psychological competence in psychology students used a test for the diagnosis of communicative social competence (KSK); to study the components of self-regulation were used: questionnaire "Style of self-regulation of behavior" (Morosanova V. I.), test questionnaire Zverkova A. V. and Eidman E. V. "Study of volitional self-regulation". **Results of the study:** differences in the relationship of sociability and components of the individual style of self-regulation of psychology students studying in the specialty and undergraduate. **Conclusion:** the relationship of sociability with self-regulation and its structural components, such as planning, modeling, evaluation of results and strong-willed perseverance, was revealed in psychology students studying at the specialty. These relationships in the structures of socio-psychological competence and individual style of self-regulation in psychology students studying in the bachelor's degree were not found.

Keywords: socio-psychological competence, individual style of self-regulation, sociability, psychological activity of a psychologist, professionally important qualities of psychologists.

Бабинцева Людмила Николаевна

Старший преподаватель, ГАУ ДПО «Институт развития образования Иркутской области», г. Иркутск
lyu-kolmyrina@yandex.ru

Введение. В данной статье рассматриваются особенности взаимосвязи компонента «общительность» социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции у студентов-психологов разного уровня образования.

Материалы и методы. Представленная проблема раскрывается посредством проведения корреляционного анализа. Для изучения компонентов социально-психологической компетентности у студентов-психологов использовали тест для диагностики коммуникативной социальной компетентности (КСК); для исследования компонентов саморегуляции были использованы: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В. И.), тест-опросник Зверькова А. В. и Эйдмана Е. В. «Исследование волевой саморегуляции». **Результаты исследования:** Выявлены различия во взаимосвязи общительности и компонентов индивидуального стиля саморегуляции студентов-психологов, обучающихся на специалитете и в бакалавриате. **Заключение:** у студентов-психологов, обучающихся на специалитете выявлены взаимосвязь общительности с саморегуляцией и ее структурными компонентами, такими как планирование, моделирование, оценивание результатов и волевой настойчивостью. Данных взаимосвязей в структурах социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции у студентов-психологов, обучающихся в бакалавриате не обнаружено.

Ключевые слова: социально-психологическая компетентность, индивидуальный стиль саморегуляции, общительность, психологическая деятельность психолога, профессионально важные качества психолога.

Введение

Согласно федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования для работников психологических специальностей, одной из задач является развитие общекультурных и профессиональных компетенций, которые способствуют

быстрой адаптации к изменяющимся условиям и высокой эффективности в профессиональной деятельности. Как мы писали ранее, «под компетенциями понимают не только способность применять для успешной деятельности полученные знания и умения, но и личностные свойства, которые являются профессионально важными качествами» [4, с. 293].

Профессионально важные качества, которые являются личностными особенностями играют важнейшую роль в формировании личности профессионала. Их развитие необходимо для наиболее эффективной профессиональной деятельности, т.к. они оказывают значительное влияние на успешность, надежность и другие объективные показатели профессиональной деятельности [17, 27].

Профессиональная деятельность психолога, пишет А.С. Сиротюк, — «это общественно значимая трудовая деятельность психолога, владеющего комплексом профессиональных компетенций, приобретенных в результате специальной подготовки, и имеющего соответствующие специфике деятельности профессионально-важные качества, что обуславливает результативное выполнение профессиональных задач и дает возможность получать необходимые средства не только для существования, но и для развития профессионального, творческого и интеллектуального потенциала специалиста» [28, с. 21].

Личности профессионала психолога и его профессионально важным качествам посвящено множество работ [1, 2, 7, 14, 19, 22, 23, 27]. Основными ПВК психолога, кроме высокого общего и социального интеллекта, общих и специальных знаний, требований к письменной и устной речи являются: хорошая память, богатое воображение и интуиция, целостность и гибкость мышления, творческий склад ума, наблюдательность, общительность, открытость, непринужденность, умение устанавливать контакты, эмпатия, отзывчивость, доброжелательность, умение проявлять интерес к людям, вызывать доверие и найти подход к людям, умение слушать и слышать, понимать постороннего человека, его внутренний мир, терпимость к отличным от собственных взглядам и суждениям, ответственность, готовность помочь, эмоциональная стабильность, уравновешенность, терпимость к фрустрации и неопределенности, умение контролировать свое поведение (т.е. сохранять самообладание в процессе общения), способность к самоанализу, рефлексии, к анализу своего поведения, готовность к нестандартным ситуациям (т.е. способность сохранять спокойствие и рациональность мышления), умение разрабатывать планы и отслеживать результаты своей деятельности. Многие из вышеперечисленных профессиональных качеств психолога являются структурными компонентами социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции.

Изучением социально-психологической компетентности занималось множество исследователей (Ю.М. Жуков, Ю.Н. Емельянов, Г.А. Ковалев, Л.А. Петровская, А.Н. Сухов и др.) [9, 10, 25, 30]. Индивидуальный стиль саморегуляции изучали такие авторы как О.А. Коноп-

кин, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий и др. [16, 21, 24]. В процессе изучения современными исследователями феномена индивидуальной саморегуляции выявилась его связь со свойствами темперамента человека [15, 21], с базовыми эмоциями [21], с различными чертами характера, [3, 6, 8, 11, 12, 21, 26], с мотивами достижения успеха и избегания неудач [6], различной деятельностью человека, такой как спортивная [29], профессиональная [12, 18, 24, 31] и учебная [20]. Социально-психологическая компетентность и индивидуальный стиль саморегуляции являются достаточно изученными направлениями в психологии, но развиваются они независимо друг от друга. Малоизученным и достаточно актуальным на сегодняшний день направлением исследования является изучение влияния социально-психологической компетентности на формирование профессиональной деятельности во взаимосвязи с индивидуальным стилем саморегуляции. Нами ранее уже изучалась взаимосвязь различных компонентов социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции [4] у студентов-психологов, обучающихся на разных уровнях образования. В данных работах были описаны взаимосвязи таких компонентов социально-психологической компетентности саморегуляции как «самоконтроль», «эмоциональная устойчивость», «склонность к асоциальному поведению» с различными функциональными компонентами индивидуального стиля саморегуляции.

Поскольку Карпов А.В. говорит о том, что большая роль в организации профессиональной деятельности принадлежит коммуникативным процессам, что связано с самой организацией многих видов профессиональной деятельности — их субъект-субъектным характером, предполагающим необходимость постоянных контактов между работниками, а профессия психолога относится к таким видам. Так же автор говорит, что общение и деятельность являются двумя основными равнозначными понятиями, характеризующими трудовую активность человека [13]. Поэтому можно говорить о том, что одним из основных структурных компонентов социально-психологической компетентности является «общительность».

Учитывая рассмотренные характеристики личности профессионала, которые входят в состав социально-психологической компетентности и функциональные компоненты индивидуального стиля саморегуляции, на наш взгляд, можно проследить их связи у будущих психологов. Мы предполагаем, что «общительность», как компонент социально-психологической компетентности может быть взаимосвязан с общим уровнем саморегуляции, «оцениванием результатов» и регуляторной «гибкостью», а также самостоятельностью. Так как эффективное взаимодействие с окружающими людьми,

Таблица 1. Корреляционные связи компонента «общительность» социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции

А Общительность		1 курс		2 курс		3 курс		4 курс		5 курс
		спец	бак	спец	бак	спец	бак	спец	бак	спец
Пл		0,22	0,06	0,08	0,18	0,25	0,26	0,08	0,14	0,49
Мд		0,11	0,13	0,27	0,33	0,22	0,13	0,41	0,15	0,53
Пр		0,22	0,12	0,3	0,1	0,24	0,12	-0,07	0,1	0,27
Ор		0,3	-0,01	0,16	0,05	0,23	0,14	-0,02	-0,04	0,33
Г		0,62	0,31	0,35	0,17	0,08	0,31	0,38	0,04	0,16
См		-0,25	-0,12	0,04	0,04	-0,06	-0,12	-0,13	0,07	-0,14
ОУР		0,04	0,17	0,28	0,31	0,41	0,30	0,42	0,17	0,47
Вс		0,22	0,22	0,08	0,22	0,25	0,22	0,08	0,22	0,47
Сб		0,22	0,262	0,3	0,22	0,24	0,22	-0,07	0,22	0,27
Нст		0,06	0,07	0,27	0,06	0,02	0,06	0,11	0,06	0,53

Примечание: Пл– планирование, Мд– моделирование, Пр — программирование, Ор — оценивание результатов, Г– гибкость, См– самостоятельность, ОУР — общий уровень саморегуляции, ВС — волевая саморегуляция, Сб — самообладание, Нст — настойчивость

специалисты		
p<0,001	p<0,01	p<0,05
0,51	0,4	0,32

бакалавры			
	p<0,001	p<0,01	p<0,05
1, 2 курс	0,57	0,43	0,34
3, 4 курс	0,54	0,42	0,33

выстраивание отношений с клиентами в профессиональной деятельности требует высокой саморегуляции своего поведения, адекватности в оценивании результатов своей деятельности, самостоятельности в принятии решений, а также предполагает пластичность всех регуляторных процессов при возникновении непредвиденных обстоятельств, возникших при общении с другими людьми.

Также, учитывая тот факт, что у специалистов и бакалавров (согласно ФГОС ВО для специалистов и для бакалавров) готовят к одинаковым видам деятельности, но с различной постановкой задач, возможны различия во взаимосвязях «общительности» и компонентов индивидуального стиля саморегуляции. Поэтому можно предположить, что существуют различия в структурах взаимосвязи общительности и компонентов индивидуального стиля саморегуляции студентов-психологов, обучающихся на специалитете и в бакалавриате.

Цель нашего исследования — выявить особенности взаимосвязи компонента «общительность» социально-психологической компетентности и индивиду-

ального стиля саморегуляции у студентов-психологов, обучающихся на специалитете и бакалавриате.

Материалы и методы

В ходе исследования были использованы следующие психодиагностические методики: тест для диагностики коммуникативной социальной компетентности (КСК); опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В. И.); тест-опросник Зверькова А. В. и Эйдмана Е. В. «Исследование волевой саморегуляции». Для выявления многоуровневых статистически значимых связей между компонентом «Общительность» социально-психологической компетентности и компонентами индивидуального стиля саморегуляции личности студентов разных выборок, мы использовали корреляционный анализ. Полученные результаты были обработаны с использованием системы для статистического анализа данных Statistica 6.0.

В исследовании приняли участие студенты-психологи факультета психологии Иркутского государственного университета: 1–5 курсов, обучающихся на специалитете

и 1–4 курсов, обучающихся на бакалавриате. Общая выборка составила 344 человека.

Результаты исследования

С целью изучения взаимосвязи «общительности» с различными компонентами индивидуального стиля саморегуляции мы использовали корреляционный анализ. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что на специалитете на 1 и 2 курсах обнаружена взаимосвязь «общительности» (А) с регуляторной гибкостью (Г). На 3 курсе появляется и сохраняется до 5 курса прямая взаимосвязь «общительности» (А) и общего уровня саморегуляции (ОУР) ($p < 0,01$). На 4 курсе появляется взаимосвязь «общительности» (А) с моделированием (Мд) ($p < 0,01$), которая усиливается к 5 курсу ($p < 0,001$). На 5 курсе специалитета появляется взаимосвязь «общительности» с волевой саморегуляцией (ВС) ($p < 0,01$) и волевой настойчивостью (Нст) ($p < 0,001$), а также планированием (Пл) и оцениванием результатов своей деятельности и поведения (Ор). В структуре взаимосвязей на бакалавриате связей «общительности» с компонентами индивидуального стиля саморегуляции не обнаружена.

Наличие вышеперечисленных взаимосвязей у студентов-психологов, обучающихся на специалитете можно объяснить тем, что за время обучения в вузе у них развивается общительность. Данная личностная характеристика у студентов-психологов специалистов формируется к 3 курсу, и ее развитие происходит до конца обучения. Такие студенты-психологи к концу обучения на специалитете показывают следующие личные качества: они становятся более открытыми, легко общаются, у них есть появляется желание сотрудничать, проявлять внимательность к другим. Могут строить и поддерживать межличностные отношения, формировать разнообразные связи в общении, находить соответствующие способы поведения в различных ситуациях, связанных с общением, быстро менять способ поведения в непредвиденных ситуациях, подстраиваться под новые обстоятельства и новым партнерам общения, оказывать влияние на других людей во взаимодействии с ними. Умеют справляться со своим эмоциональным состоянием в процессе общения с окружающими, выступают медиаторами в межличностных отношениях. Отмечается высокая потребность в общении. Развитие компонентов социально-психологической компетентности, в том числе и «общительности» мы рассматривали ранее [5]. Отсутствие таких взаимосвязей у бакалавров можно объяснить тем, что «общительность как компонент социально-психологической компетентности за время обучения в вузе не развивается» [5, с. 146].

Развитие «общительности» как компонента социально-психологической компетентности можно связать с особенностями учебных программ, реализуемых для студентов-психологов, обучающихся на специалитете. Так как согласно ФГОС ВО для специалистов и бакалавров предусмотрены различные требования к результатам освоения программ у специалистов и бакалавров: область и объекты профессиональной деятельности; виды профессиональной деятельности; профессиональные задачи, которые должен выполнять выпускник и соответственно компетенции, которые будут сформированы в результате освоения программ. Так во ФГОС ВО психологов-специалистов кроме общеобразовательных компетенций, которые направлены на развитие общительности также включены и профессиональные компетенции. Во ФГОС ВО психологов-бакалавров содержатся только общеобразовательные компетентности, направленные на развитие общительности. Поэтому согласно плану учебных занятий для специалистов, предусмотрены также специальные учебные дисциплины («Методы психологического воздействия», «Психология общения и переговоров», «Психология конфликта», «Социально-психологические технологии разрешения конфликтов в служебной деятельности»), которые включают в себя практические и тренинговые занятия, способствующие развитию такого личностного качества как общительность. Учебные программы студентов, осваивающих программу бакалавриата, содержат в основном общие, базовые предметы, недостаточно практических курсов, тренингов, которые способствовали бы по развитию такого личностного профессионального качества психолога, как общительность. Сеем предположить, что это связано с недостаточностью общего количества времени, отведенного на обучение.

Поскольку взаимосвязь «общительности» с вышеперечисленными компонентами саморегуляции прямая, то это говорит о том, что, чем выше уровень саморегуляции и ее компонентов, тем выше уровень «общительности». Так, студенты-психологи со сформированной системой саморегуляции произвольной активности человека, умеющие выделять значимые условия достижения целей, с высоким уровнем произвольного контроля эмоциональных реакций и состояний являются открытыми и легкими в общении, легко идут на контакт и выстраивают взаимоотношения. Это положительно влияет на успешность в таких видах деятельности, как практическая, организационно-управленческая и педагогическая.

Заключение

За время обучения в вузе у студентов-психологов, обучающихся на специалитете «общительность» как компонент социально-психологической компетентности

развивается, у бакалавров развития такого компонента не наблюдается. В связи с чем в структуре взаимосвязей социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции у студентов-психологов специалитете появляются взаимосвязи общительности с саморегуляцией и ее структурными компонентами,

такими как планирование, моделирование, оценивание результатов и волевой настойчивостью. Чего нет в структурах взаимосвязей социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции у студентов-психологов, обучающихся в бакалавриате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, Г. С. Введение в практическую психологию/ Г. С. Абрамова. — М.: Московская педагогическая академия, 1994. — 237 с.
2. Аминов, Н.А. О компонентах специальных способностей будущих школьных психологов/ Н. А. Аминов, М. В. Молоканов// Психологический журнал. — 1992 — Т. 13. — № 5. — С. 104–109.
3. Аронова, Е. А. Регуляторная роль самосознания в произвольной активности человека: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. А. Аронова. — М., 2004. — 190 с.
4. Бабинцева, Л. Н. Взаимосвязь социально-психологической компетентности и индивидуального стиля саморегуляции у студентов-психологов, обучающихся на разных уровнях высшего образования / Л. Н. Бабинцева// Человеческий фактор: Социальный психолог. — 2017. — № 2(34) — С. 293–296.
5. Бабинцева, Л. Н. Особенности развития социально-психологической компетентности за время обучения в вузе у студентов-психологов разного уровня образования/ Л. Н. Бабинцева// Человеческий фактор: Социальный психолог. — 2019. — № 1 (37). — С. 143–149.
6. Бадмаева, Д. Г. Саморегуляция активности личности в стрессовых ситуациях: На примере экзаменационного стресса: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Д. Г. Бадмаева. — Красноярск, 2004. — 157 с.
7. Бачманова, Н.В. К вопросу о профессиональных способностях психолога/ Н. В. Бачманова, Н. А. Стафурина// Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. — Л. — Вып. I. — 1985. — С. 72–77.
8. Гаралева, М. Д. Индивидуально-типические особенности саморегуляции агрессивного поведения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / М. Д. Гаралева. — М., 2006. — 246 с.
9. Емельянов, Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности: дис. ... д-ра психол. наук 19.00.05 / Ю. Н. Емельянов. — Л., 1990. — 403 с.
10. Жуков, Ю. М. Проблема диагностики социально-перцептивной компетентности (в педагогическом общении)/ Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, П. В. Растяниников// Активные методы обучения педагогическому общению. — М., 1987. — С. 38–65.
11. Злоказов, К. В. Многомерно-функциональный анализ саморегуляции личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / К. В. Злоказов. — Екатеринбург, 2005. — 139 с.
12. Индина, Т. А. Регуляторные и личностные детерминанты принятия решений: на материале политического голосования: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Т. А. Индина. — М., 2007. — 203 с.
13. Карпов, А. В. Психология менеджмента: учебное пособие / А. В. Карпов. — М.: Гардарики, 2005. — 584 с.
14. Климов, Е. А. Психология профессионала/ Е. А. Климов — М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — 400 с.
15. Коноз, Е. М. Индивидуально-типические особенности саморегуляции при экстраверсии и нейротизме: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. М. Коноз. — М., 2000. — 197 с.
16. Конопкин, О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности/ О. А. Конопкин; изд. 2, испр. и доп. — М.: Ленанд, 2011. — 320 с.
17. Корнеева, Л. Н. Профессиональная психология личности/ Л. Н. Корнеева // Психологические основы профессиональной деятельности: хрестоматия/ сост. В. А. Бодров. — М.: ПЕР СЭ; Логос, 2007. — С. 301–310.
18. Кутузова, Д. А. Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Д. А. Кутузова. — М., 2006. — 213 с.
19. Красавцева, Л. Е. Профессиональная деятельность педагога-психолога образовательного учреждения по адаптации младших школьников к переходу на вторую ступень обучения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03/ Л. Е. Красавцева. — Тверь, 2011. — 204 с.
20. Моросанова, В. И. Взаимосвязь мотивации и осознанной саморегуляции учения/ В. И. Моросанова, И. Ю. Цыганов, А. В. Ванин, Е. В. Филиппова, // Психологические исследования. — 2012. — Т. 5. — № 24. — С. 5.
21. Моросанова, В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека/ В. И. Моросанова. — М.: Наука, 2010. — 519 с.
22. Обозов, Н. Н. Психологическое консультирование/ Н. Н. Обозов; СПбГУ: Центр прикладной психологии. — СПб.: Б. и., 1993. — 49 с.
23. Овчарова, Р. В. Технологии практического психолога образования. Учебное пособие для студентов вузов и практических работников/ Р. В. Овчарова. — М.: ТЦ «Сфера», 2000. — 448 с.
24. Осницкий, А. К. Развитие саморегуляции на разных этапах профессионального становления/ А. К. Осницкий, Н. В. Бякова, С. В. Истомина// Вопросы психологии. — 2009. — № 1. — С. 3–12.
25. Петровская Л. А. Компетентность в общении/ Л. А. Петровская. — М.: МГУ, 1989. — 216 с.
26. Плахотникова, И. В. Соотношение личностных свойств и стилей саморегуляции активности учащихся: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / И. В. Плахотникова. — М., 2004. — 198 с.

27. Сизова, И. Г. Личность и профессиональная деятельность психолога: социальные представления у различных профессиональных групп: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / И. Г. Сизова. — Тверь, 1999. — 214 с.
28. Сиротюк, А. С. Профессиональная деятельность психолога по формированию толерантности у детей дошкольного возраста в условиях инклюзивной развивающей среды: 19.00.03 / дис. ... канд. психол. наук / А. С. Сиротюк. — Тверь, 2012. — 249 с.
29. Соколова, Л. А. Индивидуальные особенности саморегуляции и успешность спортивной деятельности (на примере спортивной стрельбы): автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Л. А. Соколова. — М., 1990. — 19 с.
30. Сухов А. Н. Социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов / А. Н. Сухов [и др.]; под ред. А. Н. Сухова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 615 с. — ISBN 978-5-238-02192-8. — Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/1028856>
31. Фомина, Т. Г. Индивидуальные особенности саморегуляции и общительности учителя, в педагогическом взаимодействии: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Т. Г. Фомина. — М., 2012. — 25 с.

© Бабинцева Людмила Николаевна (lyu-kolmynina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Г. Иркутск

ЛИЧНОСТНЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ У ЖЕНЩИН С ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ И ОСЛОЖНЕННОЙ БЕРЕМЕННОСТЬЮ

PERSONAL AND EMOTIONAL CHARACTERISTICS IN WOMEN WITH PHYSIOLOGICAL AND COMPLICATED PREGNANCY

**V. Vasil'eva
T. Botasheva
I. Pelipenko
Z. Elzhorukaeva
E. Zheleznyakova
O. Zavodnov**

Summary. A comprehensive psychological examination of 174 pregnant women in the period of 35–36 weeks was carried out. During the study, we found that the personality characteristics of women with physiological and complicated pregnancy are different. The obtained results of the study made it necessary to create and implement a program aimed at psychological prevention and correction, and its effectiveness was also tested. According to the results of the study, it was found that it is possible to optimize the psycho-emotional status of pregnant women through the introduction of a psychological support program. It will also contribute to reducing the number of complications that can happen during pregnancy and childbirth.

Keywords: physiological pregnancy, complicated pregnancy, personality traits, emotional status, psychocorrection.

Васильева Валентина Валерьевна

Д.б.н., в.н.с., Ростовский государственный
медицинский университет
v.vasiljeva@rniir.ru

Боташева Татьяна Леонидовна

Д.м.н., профессор, г.н.с., Ростовский
государственный медицинский университет
t_botasheva@mail.ru

Пелипенко Ирина Григорьевна

Аспирант, Ростовский государственный
медицинский университет
rim.cesar@yandex.ru

Эльжорукаева Жанна Азретовна

К.м.н., с.н.с., Ростовский государственный
медицинский университет
elzhorukatva@mail.ru

Железнякова Елена Васильевна

К.м.н., н.с., Ростовский государственный
медицинский университет
elena.Gel.1961@yandex.ru

Заводнов Олег Павлович

К.б.н., н.с., Ростовский государственный
медицинский университет
ozz2007@mail.ru

Аннотация. Проведено комплексное психологическое обследование 174 беременных в сроке 35–36 недель. В процессе проведения исследования нами было обнаружено, что личностные характеристики женщин с различным течением беременности (физиологическим и осложненным) отличаются. Полученные результаты обусловили необходимость создания и реализации программы, направленной на психологическую профилактику и коррекцию, а также была проведена проверка ее эффективности. По результатам исследования было выявлено, что существует возможность оптимизировать психоэмоциональный статус беременных за счет внедрения программы психологического сопровождения. Она же будет способствовать и снижению числа осложнений, которые могут случиться в процессе беременности и родов.

Ключевые слова: физиологическая беременность, осложненная беременность, личностные особенности, эмоциональный статус, психокоррекция.

Беременность — это особое состояние организма, которое оказывает ярко выраженное воздействие как на психические, так и на соматические процессы, протекающие в женском организме. По данному вопросу проводилось достаточно большое количество исследований и отечественными, и зарубежными специалистами [1–5]. Тем не менее, в то время как исследователи обращают внимание на физиологические

процессы, протекающие в женском организме во время беременности, то сфере психики уделяется недостаточное количество внимания, в особенности личностным и психоэмоциональным характеристикам. В то же время, ряд исследований показывает, что разные нарушения, которые касаются психоэмоциональной сферы беременных, часто сопровождаются самыми разнообразными клиническими осложнениями гестации [6, 7, 8].

Анализ специальной литературы показал, что психология беременности охватывает огромный пласт самых разнообразных исследований [9–14], при этом она практически не содержит исследования, включающие в себя количественный сравнительный анализ особенностей личности беременных как в процессе нормальной, физиологической беременности, так и при наличии осложнений. Также анализ литературы позволяет говорить об актуальности проведения психопрофилактики и психокоррекции с беременными. Таким образом, можно отметить, что в психологической науке есть необходимость системного анализа всех методов, позволяющих подготовить женщину к материнству и процессу родов, и сформировать на этой основе комплексный подход.

Цель исследования

Выявить групповые различия ряда личностных характеристик женщин с физиологическим и осложненным течением беременности и проанализировать динамику изменения психоэмоционального состояния в процессе проведения комплексной программы психологического сопровождения беременности.

Материалы и методы

Для психологического тестирования ретроспективно были отобраны 194 беременные в сроке 35–36 недель (основная группа), проходившие клиническое обследование в течение всего периода беременности. В рамках основной группы, в соответствии с акушерским заключением были выделены две подгруппы: с физиологическим течением гестации 108 беременных («норма») и с наличием различных осложнений гестации в течении всего периода беременности 86 беременных («угроза»). Обследование беременных проводилось с помощью комплекса диагностических психологических методик, который включал в себя: шкалу реактивной и личностной тревожности (Ч.Д. Спилбергер, адаптация Ю.Л. Ханина), 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, цветовой тест М. Люшера, определение типа психологического компонента гестационной доминанты И.В. Добрякова [15], опросник «Самочувствие. Активность. Настроение» (САН), опросник нервно-психического напряжения (Т.А. Немчин) [16]. Тестирование с помощью тестов Кеттелла, Спилбергера-Ханина и Люшера проводилось с помощью компьютера, который также автоматически анализировал полученные результаты. Интерпретация осуществлялась при помощи существующих описаний к заявленным методикам [1]. Результаты по каждому из факторов Кеттелла были переведены в стеновые значения, учитывая половозрастные особенности испытуемых. Результаты интерпретировались с помощью стенов по каждому из 16 факторов. Средние значения стенов означают то, насколько в среднем выражено определенное свойство,

в то время как слишком высокие или же слишком низкие значения будут значить то, что оно выражено слишком сильно или, соответственно, слишком слабо.

Когда нами анализировались данные по методике исследования тревожности, то мы исходили из того, что значения показателей распределялись по градации от низкой тревожности до очень высокой. В случае анализа по методике САН учитывается сумма баллов по каждой из шкал, которые оцениваются по градации от низкого до высокого. Цветовой тест Люшера базируется на феномене того, что предпочитаемые цвета позволяют продиагностировать нервно-психическое состояние и выявить то, какие потребности и внутриличностные конфликты присутствуют. Нами он использовался в качестве индикатора психоэмоционального состояния беременных. По данным теста мы оценивали показатель СО, который является эталонным индикатором нервно-психического благополучия — суммарное отклонение от аутогенной нормы и показатель ВК — вегетативный коэффициент. В зависимости от того, насколько в числовом значении предпочтения цветов находились далеко от нормы, можно узнать о состоянии вегетативной нервной системы, а также об энергетическом балансе, эмоциональном резерве личности и ее общем эмоциональном состоянии. Все расчеты проводились в соответствии с необходимыми стандартами и по формулам, которые позволяли сказать о том, готова ли испытуемая тратить свою энергию — об этом будет говорить выбор ярких цветов сначала, или же наоборот, стремится сократить энергетические траты — в случае если отмечает яркие цвета (например, красный) ближе к концу. Классификация Т.А. Немчина позволила определить уровень нервно-психического напряжения [15], который также варьируется от слабого до высокого в пределах от 30 до 90 баллов. Также при помощи опросника для определения типа психологического компонента гестационной доминанты [14] нами выделялось 5 основных психотипов, среди которых оптимальный, гипогестогнозический, эйфорический, тревожный и депрессивный.

Полученные данные обрабатывались при помощи методов математической статистики — параметрических и непараметрических. К используемым методам описательной статистики относились оценка среднего значения, а также ошибки среднего значения. Для статистического анализа нами использовался стандартный пакет Statistika 6.0. В качестве метода параметрической обработки данных использовался t-критерий Стьюдента для равных и неравных выборок. Оценка проводилась на уровне значимости результатов $p \leq 0,05$.

Ввиду того, что в рамках исследования необходимо было применить комплексный подход к ситуации материнства и родов, после того, как все существующие ме-

тоды были проанализированы и систематизированы, нами была предложена специальная программа, направленная на психологическую профилактику и коррекцию состояния беременных, включавшая в себя три основных блока — информационный, развивающий и физический. В частности, нами учитывалось то, что главная причина нервно-психического напряжения беременных — это чувство неопределенности из-за недостатка информации, в информационный блок программы были включены лекции с видео-материалами, посвященными данной тематике. Также беременных информировали о причинах возможных акушерских осложнений, о том, как протекает лечение и процесс родов при патологии. Данный подход активно применяется в рамках когнитивной психотерапии, т.к. позволяет снизить нервно-психическое напряжение, уровень тревогу и уменьшить количество переживаний, воспрепятствовать «уходу в болезнь», а также улучшить отношение женщины к возможным патологиям беременности. Благодаря данному методу женщина может осознать то, насколько значимы болезненные проявления, а также — насколько ей требуется квалифицированная медицинская помощь. В информационный блок входили сведения о том, как физиологически протекает процесс родов, какие могут быть осложнения в период беременности, информация об особенностях режима, питания, гигиены, а также основных психологических особенностях данных процессов, включавший в себя и процессы после рождения ребенка. Развивающий блок включал в себя разнообразные групповые и индивидуальные занятия с психологом. Групповая терапия была организована в формате группы встреч в соответствии с методами гуманистической психотерапии.

На занятиях обучали процессу эмоциональной саморегуляции — обучали необходимым техникам саморелаксации, процессу регуляции эмоций, техники поиска ресурсов. Также будущих матерей обучали, как правильно общаться с ребенком, говорили о важности тактильных взаимодействий, эмоций и об аспектах привязанности. Задачей психологической коррекции было преодолеть избегание женщин, как когнитивное, так и эмоциональное, а также воздействовать на мыслительные установки и убеждения, которые обычно сопровождают процесс гестации и родов и вызывают страх, социальную тревогу. В основном психологическая коррекционная программа базировалась на методах когнитивно-поведенческого анализа, включающего в себя анализ автоматических бессознательных мыслей, затем эмоций, которые они вызывают, и уже потом реакций, к которым приводят.

Физический блок включал в себя комплекс дыхательных техник, самомассаж, физические упражнения, предназначенные специально для беременных, обучение техникам нервно-мышечной релаксации. Данную про-

грамму проходили 125 беременных, которые составили контрольную группу испытуемых. В экспериментальную группу входило 194 беременных, которые не участвовали в программе психологического сопровождения. В каждой из групп равномерно были представлены клинические группы с разным течением гестации — нормальным и осложненным. На констатирующем этапе эксперимента проводилось обследование по методикам САН, Немчина и Спилбергера-Ханина в обеих группах — на 11–12 неделе. На контрольном этапе обследования проводились после того, как была проведена программа по психологическому сопровождению и психокоррекционной работе — 36–37 недель. После того, как программа была завершена, нами проводилось анкетирование испытуемых на анонимной основе для того, чтобы выявить субъективные впечатления о том, насколько проведенная программа была эффективна.

Результаты исследования

В рамках исследования нами проводилась диагностика психоэмоционального состояния женщин с нормальным течением беременности и женщин с осложнениями. В результате было обнаружено, что у них присутствуют определенные различия в личностной и психоэмоциональной сферах.

Результата 16-факторного опросника личности Кеттелла показали значимые различия по следующим шкалам:

- ♦ «замкнутость-общительность» ($t=3,48$; $p \leq 0,05$);
- ♦ «доверчивость-подозрительность» ($t=2,43$; $p \leq 0,05$);
- ♦ «уверенность в себе — тревожность» ($t=3,15$; $p \leq 0,05$);
- ♦ «уровень самоконтроля» ($t=2,66$; $p \leq 0,05$);
- ♦ «расслабленность-напряженность» ($t=2,86$; $p \leq 0,05$).

Также было обнаружено, что показатели по шкале эмоциональной устойчивости находились в шкале низких значений. Можно было сказать о том, что средний профиль личности группы при нормальном развитии беременности находится в рамках нормы, а разброс результатов невысок. Нами было также обнаружены высокие показатели по шкале открытости и замкнутости, и при этом низкие значения по фактору эмоциональной стабильности, спонтанности и дисциплинированности. Таким образом, мы можем сказать, что женщины с нормально протекающей беременностью открыто идут на общение, активны и доверчивы, доброжелательны, проявляют толерантность, уверенность в своих силах, отсутствие требовательности. Однако при этом они недостаточно дисциплинированы и недостаточно эмоционально устойчивы. Говоря о группе беременных с осложнениями в процессе беременности можно сказать, что у них преобладают значения по факторам О, Q4, L и при этом низкие значения по факторам А и С.

Таблица 1. Значения средних показателей стенов факторов (по методике Кеттелла), имеющих достоверные отличия в группах беременных «норма» и «угроза»

Группы/ Факторы	A	C	L	Q3	O	Q4
Норма	7,8±0,23*	4,4±0,18	5,2±0,12*	4,6±0,15*	6,2±0,13*	5,3±0,19*
Угроза	4,8±0,21	4,1±0,15	6,8±0,14	5,9±0,16	7,7±0,15	7,4±0,16

Также можно обратить внимание на то, что высокие значения по шкале L сочетаются с низкими по шкалам A и C, в связи с чем можно говорить о том, что у них нарушено межличностное взаимодействие и это обуславливает амбивалентность взаимодействий с другими людьми. Эти женщины ищут внимание и заботу со стороны других людей, и в то же время проявляют холодное отношение, отсутствие доброжелательности и нежелание идти на компромиссы. Качественный анализ профиля позволяет сказать о том, что в данной группе испытуемых много замкнутых женщин, у которых внутренний локус контроля, внимание направлено на собственные переживания и их личность характеризуется проявлениями ригидности, высокой строгостью в процессе оценивания окружающих, а также скептицизм.

Для женщин, у которых существует риск возможного прерывания беременности, характерна подозрительность, низкая уверенность в своих силах и возможностях, отсутствие эмоциональной устойчивости, низкий уровень толерантности к разочарованию, а также возбуждение и беспокойство. Завершая анализ средних значений личностных профилей можно сказать о том, что для представительниц обеих групп характерно низкое значение по шкале C, что говорит о проблемах с эмоциональной устойчивостью. Таким образом, сведения, полученные в результате нашего исследования, дополняют данные, которые были получены другими учеными [3, 5, 7].

Для количественной оценки данных нами использовался цветовой тест Люшера, который позволил оценить уровень психоэмоционального напряжения беременных обеих групп. По данным диагностики по этому тесту женщины обеих групп отличаются по показателям и CO, и BK. Для женщин с физиологической беременностью среднее значение CO составило 17,5±3,8, а для женщин с осложнениями — 26,1±3,7. Это говорит о том, что высокие показатели CO характерны для проявлений непродуктивной напряженности, ощущения зажатости, высокой утомляемости, преобладании отрицательных переживаний и отсутствии стабильности. Среднее значение BK у 87% беременных в группе с физиологической беременностью было 0,88–1,21. У 54% женщин в группе с осложнениями — низкие показатели BK (0,41–0,68), и у 37% женщин в данной группе — высокие показате-

ли BK (1,25–3,4). Таким образом, мы можем сказать о том, что в группе с физиологической беременностью функциональное состояние является оптимальным и находится в рамках средних значений 0,9–1,2, и женщины ориентированы на то, чтобы тратить энергию, а не сберегать ее, выполнять активные действия. Если же значения данного показателя низкие, то у таких женщин преобладают энергосберегающее поведение, они стремятся минимизировать свои усилия, нуждаются в отдыхе, не готовы к активности, к тому, чтобы мобилизовать свои усилия, преодолевать трудности. Также высокие показатели говорят о вероятном развитии состояния перевозбуждения. Качественный анализ результатов по данной методике позволил определить ряд особенностей, характерных для испытуемых в нашем исследовании. В группе женщин с физиологической беременностью у 27% женщин первым и вторым выбором оказывался зеленый цвет, у 24% — красный, у 19% — желтый. У женщин из группы с осложнениями результаты были следующие: 29% выбирали первым серый цвет, 26% — фиолетовый, 21% — коричневый. По данным теста ситуативной тревожности Спилберга-Ханина мы можем сделать следующие выводы. В среднем в группе женщин с физиологической беременностью значение показателей составило 48,0±4,5 ус.ед, а для группы женщин с осложнениями в беременности — 54,1±4,1. Такие данные дают нам возможность сказать о том, что уровень ситуативной тревожности высокий у представительниц обеих групп. По средним данным личностной тревожности можно говорить о том, что присутствуют статистически значимые различия. В группе женщин с физиологической беременностью уровень личностной тревожности был равен 42,8±5,1, что попадает в диапазон средних значений, а в группе женщин с осложнениями — 53,2±3,0, что попадает в диапазон высоких значений. Уровень различий составил $t=2,37$; $p\leq 0,05$.

По данным методики на определение типа психологического компонента гестационной доминанты нами были обнаружены следующие результаты. У 59% женщин из группы с физиологической беременностью доминировал оптимальный тип. В той же группе у 7% был выявлен эйфорический тип, у 8% — тревожный, у 7% — гипогестогнозический, и для 19% женщин данной группы был характерен смешанный вариант типа, включающий особенности всех выше перечисленных. В группе

Таблица 2. Результаты теста САН при обследовании основной группы беременных

Группы / Шкалы	Самочувствие	Активность	Настроение
Норма	48,1±2,3*	50,1±4,0	55,7±2,8*
Угроза	36,4±2,9	49,2±4,5	44,3±3,2

Таблица 3. Динамика показателей психоэмоционального статуса беременных после проведения программы психологического сопровождения (%)

Динамика/Группы	Контрольная	Основная
Положительная	75%	15%
Отрицательная	3%	30%
Незначительная	9%	25%
Неустойчивая	13%	30%

Таблица 4. Частота осложнений родового процесса и послеродового периода у женщин наблюдаемых групп (в %)

Параметры / Группы	Контрольная группа	Основная группа
Дискоординация родовой деятельности	3	9
Слабость родовой деятельности	6	15
Гипоксия плода в родах	3	16
Разрывы шейки матки и тканей влагалища	17	39
Неэффективное поведение женщины в родах (отсутствие правильного дыхания, техник расслабления и т.п.)	4	85
Медикаментозное обезболивание	18	48
Нарушение сна в послеродовом периоде	20	45
Нарушение лактации	10	23

женщин с осложнениями у 42% женщин был обнаружен тревожный тип, у 16% гипогестогнозический, у 5% — эйфорический, у 18% оптимальный и 2% — депрессивный. Для 17% женщин данной группы был свойственен смешанный. По Немчину уровень НПН в группе с физиологической беременностью составил 43,1±4,4, в то время как в группе с осложнениями он был 52,1±7,2. Мы можем видеть, что в группе женщин с осложнениями наблюдается повышение НПН на значимом уровне, что составляет $t=3,37$; $p \leq 0,05$. Более того, можно сказать о том, что для данного показателя характерен большой разброс показателей — от 37 до 86 баллов. Результаты теста САН позволили нам выявить то, что самооценка по представленным шкалам различалась на достоверном уровне в представленных группах. Показатели самооценки в группе с осложнениями были низкими. Однако, самооценка по шкале активности не была отличной. Данные можно увидеть в таблице 2.

На контрольном этапе эксперимента, когда нами было проведена программа психологического сопровождения и повторная диагностика, мы обнаружили, что присутствуют достоверные различия между группами. Так, обобщив результаты можно обнаружить наличие общих тенденций в группе женщин с физиологической беременностью, которые представлены в таблице 3.

Нами были обнаружены следующие варианты оценок: положительная динамика со сдвигами показателей в положительную сторону, отрицательная со сдвигом, соответственно, в отрицательную, незначительная, где изменения несут незначительные, и неустойчивая, где по одним параметрам показатели положительные. По другим же факторам показатели являются либо незначительными, либо отрицательными. Таким образом, мы можем утверждать, что программа психологической коррекции была эффективна, т.к. нам удалось нормализовать психоэмо-

циональное состояние женщин, понизить их уровень личностной тревожности, нервно-психического напряжения, а также повысить все данные по шкалам САН. Также, анонимное анкетирование, которое проводилось с целью анализа эффективности программы позволило выявить с помощью контент-анализа, что женщины, прошедшие программу психопрофилактики начали чаще употреблять такие слова как «знания», «уверенность», у них снизилось чувство страха, повысилось настроение, они начали ощущать прилив энергии, а также проявлять общительность и выходить на контакт с другими матерями. В таблице 4 можно увидеть результаты по контрольной и экспериментальной группам о течении родов после комплексной программы психологической коррекции.

Благодаря анализу клинических результатов было обнаружено, что женщины, прошедшие психопрофилактику, реже сталкивались с осложнениями в процессе родов. Их эмоциональное состояние было адекватным, что способствовало гармоничному включению естественных механизмов регуляции интенсивности деятельности организма при родах. В связи с этим редко происходили осложнения, а также не было необходимости в медикаментозных пособиях — они реже в 2 раза применяли анальгетики и реже в 3 раза применяли наркотические препараты. В связи с этим можно сказать, что роженицы применяли техники дыхания и расслабления, которым их обучали в процессе программы психопрофилактики.

Заключение

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим заключениям. Для каждой будущей матери характерны определенные личностные особенности, которые могут служить показателем либо нормального, либо осложненного протекания беременности. В рамках исследования мы установили, что существуют определенные психологические характеристики, которые могут быть связаны с клиническими осложнениями во время беременности, в связи с чем необходимо в дальнейшем искать пути для того, чтобы усовершенствовать методы прогноза и диагностики определенных нарушений психоэмоциональной сферы беременных.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что личностные и эмоциональные особенности женщин с разным вектором успешности протекания беременности отличаются. Например, тревожность является одной из базовых качеств личности, влияющих на протекание беременности. Беременность обуславливает повышение ситуативной тревоги, которое, в свою очередь положительно сказывается на механизмах адаптации к стрессовой ситуации вынашивания ребенка и его

рождения. В то время как повышенная личностная тревожность отрицательно влияет на процесс гестации, однако при грамотном психологическом сопровождении, позволяющем сформировать правильную мотивацию и повысить уровень компетентности матери, возможно улучшение данного показателя. Некоторые исследования показывают, что высокая тревожность и страхи перед родами взаимосвязаны с недостаточной критичной оценкой состояния организма [1,4,7,12]. Говоря о нервно-психическом напряжении, необходимо сказать, что оно повышается в зависимости от наличия осложнений во время гестации. Обычно всегда присутствует определенный умеренный уровень НПН, благодаря которому активизируются адаптационные механизмы, однако при высоком уровне НПН могут появиться негативные последствия. По данным методики САН можно сказать о том, что у беременных с осложнениями низкий уровень самочувствия и настроения. Тест Люшера позволяет сказать о том, что у женщин с осложнениями беременности негативно изменяется вегетативно-эмоциональное состояние. Таким образом, можно сказать, что это свидетельствует о высоком уровне психоэмоционального напряжения у беременных с осложнениями. Однако, важно отметить и то, что полнота физического и психического здоровья женщины зависит от того, как именно сбалансированы факторы, приводящие к поведенческим нарушениям. Важное значение имеет и то, как женщина снимает стресс, каким образом тратит свою энергию. Таким образом, наличие определенных благоприятных личностных и психоэмоциональных характеристик будет характеризовать нормальное течение беременности. Подводя итог, можно сказать о том, что на сегодняшний день беременные нуждаются в квалифицированной психологической помощи и психопрофилактике. Психологическая программа позволяет подготовить женщину к материнству в рамках комплексного подхода. Благодаря данной программе был снижен уровень НПН, нормализовано их психоэмоциональное состояние, а также снижено число осложнений, сопровождающих беременность. Благодаря грамотно сформированной программе психопрофилактики можно повысить у беременных уверенность в своих силах, настроение, мотивацию и адекватное поведение при родах. Результаты, полученные в процессе нашего исследования, говорят о том, что программы психологического сопровождения беременных имеют свою важность и ценность. Врач акушер-гинеколог и психолог могут сотрудничать вместе, в результате чего появляется возможность создать положительный эмоциональный фон у беременной. Таким образом, программа психологической профилактики и коррекции для беременных может быть эффективной для снижения числа осложнений в процессе беременности и родов, что в свою очередь положительно скажется на укреплении здоровья нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамченко В. В. Психосоматическое акушерство. — СПб., 2001. — 320 с.
2. Васильева В. В. Механизмы формирования и функционирования репродуктивных доминант в спонтанных и стимулированных циклах // Журнал Физиология человека. — 2010. — Т. 36, № 3. — С. 55–65.
3. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 240 с.
4. Куприянова И. Е., Захаров Р. И., Ефанова Т. С., Лисовская М. Я., Ротова И. А. Психическое здоровье беременных (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. — 2012. — № 2. — С. 80–84.
5. Guardino C. M., Schetter C. D. Coping during pregnancy: a systematic review and recommendations // Health Psychol Rev. — 2014. — Vol. 8, N. 1. — P. 70–94.
6. Rauchfuss M., Maier B. Biopsychosocial predictors of preterm delivery // J Perinat Med. — 2011. — Vol. 39, N. 5. P. 515–521.
7. Чехонацкая М. Л., Чернышкова Е. В., Чехонацкий А. А., Кипчатова Т. Ю. Особенности психоэмоционального статуса у беременных с фето-плацентарной недостаточностью // Саратовский научно-медицинский журнал. — 2012. — Т. 8, № 2. — С. 541–547.
8. Турченко Н. М., Боташева Т. Л., Сагамонова К. Ю., Закружная М. А., Железнякова Е. В. Обоснование необходимости использования психотерапевтических подходов в акушерской практике // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. — 2006. — № S25. — С. 52–54.
9. Радостева А. Г. Личностные характеристики беременных женщин в зависимости от возрастных и социально-демографических различий // Фундаментальные исследования. — 2012. — № 11 (часть 5). — С. 1149–1153.
10. Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. — 2000. — № 5. — С. 18–27.
11. Бибикова А. Е., Добряков И. В. Особенности психологического компонента гестационной доминанты у женщин с различными типами сбалансированности семейной системы // Профилактическая и клиническая медицина. — 2012. — № 4. — С. 56–60.
12. Лохина Е. В. Особенности психо-эмоционального состояния беременных и формирование психологического компонента гестационной доминанты в третьем триместре беременности // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=9058>
13. Di Pietro J., Novak M. F. et al. Maternal psychological distress during pregnancy in relation to child development at age two // Child development. — 2006. — Vol. 77, N. 3. — P. 573–587.
14. Агаркова Л. А., Гуткевич Е. В., Габитова Н. А., Нелидова Н. А., Бухарина И. Ю. Психоэмоциональный статус беременных с гиперандрогенией: новые клинические аспекты // Сибирский медицинский журнал (Томск). — 2008. — Т. 23, № 4–1. — С. 29–32.
15. Добряков И. В. Диагностика и лечение невротических расстройств у беременных женщин // Перинатальная психология в родовспоможении: Сб. материалов конф. — СПб., 1997. — С. 16–24.
16. Немчин Т. А. Состояние нервно-психического напряжения. — Л., Наука, 1983. — 56с.

© Васильева Валентина Валерьевна (v.vasiljeva@niiar.ru), Боташева Татьяна Леонидовна (t_botasheva@mail.ru),
 Пелипенко Ирина Григорьевна (rim.cesar@yandex.ru), Эльжорукаева Жанна Азретовна (elzhorukatva@mail.ru),
 Железнякова Елена Васильевна (elena.Gel.1961@yandex.ru), Заводнов Олег Павлович (ozz2007@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

REASONS FOR THE FORMATION AND DISSEMINATION OF SELF-DAMAGING BEHAVIOR IN THE ADOLESCENT

E. Isagulova

Summary. Self-harming behavior (SB) is a serious problem that requires fundamental medical study and treatment. In adolescents with SB, other risk factors are often also observed, which can subsequently lead to various personality disorders. SP is a major risk factor for completed suicide, which is recorded in the history of a third of young suicides. The risk of suicide can be reduced by early recognition and treatment of cases of repeated self-harm. The objective of this study is to analyze the validity of using DBT with a low level of emotions management skills and resistance to frustration and discomfort in adolescents with self-injurious behavior.

Keywords: self-harming behavior, adolescence, suicidal behavior, parasuicidal behavior, dialectic behavior therapy.

Исагулова Елена Юрьевна

Соискатель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
9477877@gmail.com

Аннотация. Самоповреждающее поведение (СП) представляет собой серьёзную проблему, требующую фундаментального медицинского изучения и лечения. У подростков с СП часто наблюдаются также и другие факторы риска, которые впоследствии могут приводить к различным расстройствам личности. СП является основным фактором риска завершённого суицида, что регистрируется в анамнезе у трети молодых самоубийц. Риск самоубийств может быть снижен путём раннего распознавания и лечения случаев повторного самоповреждения. Задачей настоящего исследования является анализ обоснованности использования ДПТ при низком уровне навыков управления эмоциями и устойчивости к фрустрации и дискомфорту у подростков с самоповреждающим поведением.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, подростковый возраст, суицидальное поведение, парасуицидальное поведение, диалектическая поведенческая терапия.

Определения

Для описания акта самоповреждающего поведения традиционно использовалась различная терминология, в том числе узкое понятие «многократного не ведущего к самоубийству нанесения себе порезов умеренной тяжести», используемое М. Darche и более широкие понятия, включающие нанесение себе ожогов, препятствование заживлению ран, нанесение себе побоев/укусов, упомянутые S. Herpetz, попытки суицида и действия, направленные на него, отмеченные A. D. Brittlebank et al. [22, с.18]. В более ранних работах самоповреждение описывалось М. Simpson как «попытка суицида» и «демонстративный суицид» (парасуицид) N. Kreitman, однако впоследствии возникли споры по причине неоднозначности намерения пациента с СП совершить самоубийство [41; 34]. В данной работе будет использоваться термин «намеренное самоповреждающее поведение» (СП) в определении К. Хотона и Дж. Каталана, т.е. как «акт намеренного самоотравления (передозировки) или нанесения повреждений вне зависимости от видимой цели и намерения» [26, с. 89].

Уровень распространения СП у подростков. Суицидальное поведение у детей и подростков является важнейшей проблемой в области здравоохранения по мнению Н. М. Евлашкиной [6]. В 2016 г. правительство РФ рекомендовало Министерству здравоохранения

и медицинским учреждениям обратить особое внимание на вопросы психогигиены молодого населения с целью снижения уровня самоубийств к 2020 г. [16]. В рамках данной рекомендации было предложено сосредоточить усилия на выявлении факторов риска самоповреждающего поведения и суицида. Количество СП у детей и подростков составляло 8,3% от общего уровня СП, причём 27% молодого населения сообщали о сопровождающих СП суицидальных мыслях [7]. Около четверти попыток самоубийства по мнению R. Diekstra остаются без внимания со стороны профессионального сообщества [24]. К. Хотон также сообщает, что значительная часть молодых людей, совершивших самоубийство с предшествующими самоповреждениями, никогда не обращались к врачу [27]. Подавляющее большинство способов СП у подростков, зарегистрированных медицинскими учреждениями (около 90%) составляет приём чрезмерных доз лекарственных препаратов, остальные 10% — в основном, случаи нанесения порезов без серьёзного вреда для здоровья по данным, приведенными С. Нав [25]. Половина случаев СП по причине передозировки лекарств, зарегистрированных в раннем подростковом периоде, происходит из-за приёма назначенных врачом препаратов, утверждает М. Керфут [32].

В начале 2000-х гг. наблюдалось незначительное повышение уровня СП у подростков, однако в 2015 гг. в среде старших подростков женского пола произошел

скачок. В период с 12 до 16 лет у девочек уровень СП путем передозировки лекарств значительно повышается и далее не изменяется [18]. У мальчиков повышение уровня происходит более медленно, так, у них количество СП в 18 лет соответствует количеству СП у девочек в 14 лет. В исследуемой возрастной группе количество СП у девочек и молодых женщин в среднем выше, чем у мальчиков и мужчин, однако в возрасте 20 лет показатели сравниваются. Случаи жестокого самоповреждения со смертельным исходом (повешение, использование оружия, прыжки с высоких зданий и автомобильные аварии) более характерны для молодёжи мужского пола [18].

Д. Шаффер и П. Фишер представили данные о том, что около 23% подростковых самоубийств происходит в течение 2 недель до или после дня рождения (количество, в 3 раза превышающее ожидаемое значение) [40]. К. Норгейт определила похожую тенденцию в случаях СП, следующих за днём рождения и выявила сезонные колебания: в период рождественских и летних каникул количество случаев СП у детей и подростков уменьшается, в то время как количество попыток суицида у взрослого населения, наоборот, растёт [38].

Общая статистика СП. СП обычно впервые регистрируется в среднем и старшем подростковом периоде и достигает пика в 15–24 лет у женщин и в 25–34 лет у мужчин. Средний возраст пациентов с СП обоих полов — 30 лет, в основном это одинокие люди и женщины, часто с неполной занятостью на позициях, не соответствующих образованию по данным, приведенным Ю. А. Александровским [2].

В 1970-х гг. соотношение женщин к мужчинам в СП было в соотношении 2 к 1. По данным более поздних исследований J. Williams разница значительно уменьшилась и в конце 1990-х гг. количество случаев СП у женщин немногим превосходило СП у мужчин [42]. По мнению С. Канетто и И. Сакиновского, различие в показателях СП у женщин и мужчин тесно связано с культурной средой, например, в Финляндии этот показатель выше у мужчин [20]. Автор делает заключение, что значительное различие уровня СП у разных полов можно наблюдать в обществах, где от женщин и мужчин ожидается разное суицидальное поведение. Ожидания в обществе оказывают влияние на выбор индивида и на объяснения его поступку со стороны других членов общества.

Социальные причины СП. Известно, что самоповреждению предшествуют неблагоприятные события в жизни пациентов. По данным исследования L. Kotila et al. у пациентов с СП такие события происходили в четыре раза чаще в период за полгода до инцидента, чем у участников контрольной группы [33]. Данные под-

тверждаются другими исследователями М. Jack [31]. Однако, несмотря на то, что стрессогенные события чаще приводят к парасуицидальному поведению, чем к иным расстройствам личности, не все пациенты, пережившие такие события, впоследствии практикуют парасуицид. Следовательно, существует возможность устранения неблагоприятных последствий стресса за счёт развития и использования соответствующих навыков и ресурсов индивида.

За последние 30 лет XX в. значительно возросла роль социальных факторов, ведущих к СП у подростков. К таким факторам относится ослабление семейных уз в результате возросшего количества разводов, что совпало с тенденцией более раннего вступления во взрослую жизнь у молодёжи и столкновения с сопутствующими трудностями [15]. Доказано, что отсутствие поддержки со стороны близких людей в период стресса может приводить к депрессии.

Биологические причины СП

С точки зрения биологии, пациенты, демонстрирующие жестокое или суицидальное поведение, имеют пониженный уровень 5-гидроксииндолуксусной кислоты (5-ГИУК, основной метаболит серотонина) в спинномозговой жидкости [19]. Низкий уровень 5-ГИУК в СМЖ связан со склонностью к суицидальному и импульсивному поведению у пациентов с депрессией, различными расстройствами личности, шизофренией и алкоголизмом [21]. П. Нордстрём обнаружил, что низкий уровень 5-ГИУК в СМЖ является фактором риска суицида у пациентов с предшествующим СП поведением в состоянии депрессии [37].

Генетические причины СП

Родственники погибших от суицида демонстрируют суицидальное поведение чаще остальных людей, что дает причину предполагать наличие генетического компонента. Стоит, однако, отметить, что родственники обычно проживают в той же среде, что и пациент. Коэффициент конкордантности по суициду у монозиготных близнецов составляет 13,2%, в то время как у гетерозиготных он не превышает 0,7% в исследованиях А. Роя [39]. Существуют также данные о суицидальном поведении в приёмных семьях. В национальном исследовании датских социологов содержатся сведения о 12 случаях самоубийств среди 269 биологических родственников 57 приёмных детей, которые впоследствии также совершили самоубийство [33]. Связи между суицидом у приёмных детей и остальных членов их семей обнаружено не было (ни одного самоубийства среди 148 приёмных родителей и других небологических родственников детей, совершивших самоубийство).

Влияние факторов психического развития на возникновение СП. Период возникновения первых эпизодов самоповреждающего поведения позволяет предположить, что в его формировании играют роль различные факторы, с которыми сталкиваются молодые люди в процессе психического созревания, например, сложности адаптации в обществе и установления межличностных отношений. Сложная взаимообусловленность внутренних задач, которые приходится решать подростку, и давления со стороны общества может приводить к случаям СП у психически уязвимых индивидов, считает М. McClure [36]. Зарегистрированное с 1960-х гг. повышение распространения СП может быть следствием усиления роли социального давления. Такие проблемы современного общества как безработица, употребление наркотических веществ, новые социальные роли и ожидания общества от молодых людей на фоне ухудшения качества семейной и социальной поддержки оказываются причинами усиления предрасположенности к СП. Ниже приводится список задач и навыков, необходимых для их решения и приобретения по мере взросления.

1. Формирование чёткого личного самосознания.
2. Принятие нового образа собственного тела.
3. Выход из-под родительской опеки.
4. Создание собственной системы ценностей.
5. Достижение финансовой и социальной независимости.
6. Построение отношений с представителями обоих полов.
7. Приобретение навыков осознанности и абстрактного мышления.
8. Развитие способности контроля поведения в соответствии с общепринятыми социальными нормами и умения брать ответственность за собственные действия.

Продолжительная зависимость от семьи и завышенные ожидания со стороны окружающих препятствуют этому естественному процессу.

Считается, что, столкновение ощущений от изменившегося тела, ума и чувств с необходимостью нести ответственность, которое испытывает подросток в возрасте 14–15 лет, ввиду неразвитых навыков переживания возрастных изменений может приводить к состоянию отчаяния. М. Ходс предполагает, что употребление превышающих норму доз лекарственных препаратов и иные способы самоповреждений являются формой коммуникации, и что осознанную «передозировку выбирают люди, ощущающие собственное бессилие» [30, с. 37].

В контексте СП у подростков важную роль играет формирование восприятия смерти. Отношение к смерти имеет особое значение в рамках психологии когнитивного развития. В детском и подростковом сознании

смерть представляется чем-то далёким, дети часто считают себя бессмертными пишет Е.Л. Николаев [15]. Отсутствие понимания реальных последствий употребления лекарств и иных токсичных веществ негативно сказывается на поведении молодых людей.

Намеренное самоповреждение у подростков и его функции

В большинстве случаев подростки практикуют СП без намерения убить себя, утверждает в своей работе R. Diekstra [24]. К. Хотон обнаружил, что только треть из 50 обследованных после актов самоповреждения подростков намеревались умереть, в то время как 42% высказали незаинтересованность в результате, а четверть сообщили, что не хотели таким образом закончить свою жизнь [28]. По мнению Т.Ю. Ласовской, несмотря на то, что в некоторых случаях подростки указывают на собственные суицидальные намерения, акты самоповреждения обычно не приводят к смерти [10]. Возможно, указание на суицидальные намерения при СП является запросом на признание действия социально приемлемым или на получение помощи от социальных структур. По результатам исследования, подростки, совершающие СП без суицидальных намерений, «имели расстройства социального поведения, испытывали влияние острых проблем и хотели, чтобы помощь была им оказана немедленно. Они могли быть импульсивными, их эмоции и мотивы поведения были нестабильны, но в будущее они смотрели с оптимизмом». В то же время подростки, вовлеченные в СП с суицидальными намерениями, были «подавлены, одиноки, смотрели в будущее без надежды и меньше выражали запрос о помощи», утверждает в своем исследовании L. Brown et al. [19, с. 67]. Авторы отметили, что подростки из обеих групп были обеспокоены внутренними переживаниями и невозможностью их контролировать, но у пациентов без суицидальных намерений значительно более серьёзное беспокойство вызывали межличностные отношения. Они сообщали о потере контроля над чувствами и о невозможности дать объяснение причинам самоповреждения. События, послужившие непосредственным поводом к СП, у участников групп не отличались.

В качестве наиболее частого объяснения акту СП подростки описывали невыносимую ярость, чувство изолированности или желание выйти из болезненной ситуации, что, по мнению Р. Диекстры, К. Кайнхорста, позволяет увидеть причину СП в отсутствии навыков переживания нежелательных событий [24]. Эти чувства могут возникать по причине отсутствия коммуникации внутри семьи и психологической дестабилизации в результате разрыва отношений с родителями или партнерами.

К. Хотон отмечает, что, в отличие от медицинского персонала, обслуживающего подростков после актов

самоповреждения, лишь незначительное количество подростков объясняет свое поведение желанием наказать окружающих или осуществить манипуляцию [27]. У взрослых разница между объяснением причин СП пациентами и врачами еще более значительна [18]. Наиболее часто подростки объясняют лекарственное СП желанием «получить облегчение», «найти выход» и «показать отчаяние».

По мнению К. Хо, выявление намерений подростков с СП представляет сложности по причине их завуалированности и многокомпонентности [25]. У старших подростков передозировка лекарственных средств может происходить на фоне алкогольного опьянения. Две трети мужчин и около половины женщин употребляли алкоголь в течение нескольких часов перед лекарственным, утверждает Ю. Б. Можгинский [14].

Предпосылки к СП у подростков. Выявление факторов, ассоциированных с СП, имеет решающее значение для определения лиц в группе повышенного риска. Информация о наличии таких факторов позволяет разрабатывать превентивные стратегии и меры повышения навыков переживания эмоций. Акты самоповреждающего поведения у детей и подростков, по большей части, являются импульсивными. К. Хотон и Дж. Каталани представили результаты о том, что две трети из 98 подростков, намеренно отравившихся лекарственными препаратами, решили это сделать менее чем за 1 час до происшествия [26]. В большинстве случаев СП является результатом наличия чёткого провоцирующего фактора. В 50–75% случаев дети до 16 лет в качестве такого фактора называют ссоры с родителями. Триггерами могут служить проблемы в школе, с друзьями или дома. У молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, в особенности девушек, СП может быть спровоцировано ссорой с возлюбленным/-ой. По данным Д. Шафера, 67% лекарственных СП происходят после ссоры, 19% связаны со сложностями в школе [40]. Спонтанная природа СП может говорить об отсутствии навыков переживания определенных чувств и эмоций и желании избавиться от негатива путём СП.

М. Керфут обнаружил устойчивую корреляцию между детским СП и родительскими проблемами, в том числе их преступными действиями и зависимостью от получаемых от них благ [32]. Дети в семьях с проблемами, приведшими к разводу или разводу родителей и находящиеся в интернатах, в 20 раз чаще своих одноклассников совершают акты СП [40]. Более половины детей до 16 лет во время СП проживают только с одним из биологических родителей, в основном из-за произошедшего развода, и около 40% из них проводят время в муниципальных социальных учреждениях. Треть детей проживало с одним из родителей, десятая часть — без родителей

и один из семи имел опыт нахождения в социальных учреждениях. М. Керфут обнаружил устойчивую связь СП с проблемами в семейных отношениях (наиболее частыми причинами лекарственного СП) и с личными особенностями ребёнка, такими как поведенческие проблемы, ощущение безнадежности и депрессия [32].

Среди молодых людей работоспособного возраста, совершающих акты СП, уровень безработных превышает средние показатели по региону. Высокий процент молодых людей (в особенности, мужского пола), проживали не в семьях или с друзьями, что является фактором риска для повторного СП и суицида [3].

Употребление лекарственных, а также иных токсичных веществ и препаратов является серьёзным фактором риска для суицида и СП. Жертвы суицида, как правило, имели длинную историю употребления токсичных веществ (в основном, алкоголя), находились в глубокой депрессии, обычно предшествующую злоупотреблению веществами, суицидальные мысли в течение последней недели и семейный анамнез с злоупотреблениями и проблемами с законом. К. Хотон обнаружил, что подростки и молодые люди с СП (в основном, мужчины) часто злоупотребляют алкоголем и наркотическими веществами [28]. СП часто связано с употреблением алкоголя (в основном, у мужчин и у женщин в период обучения). Кроме того, учёные отметили связь злоупотребления алкоголем не только с СП, но и с злоупотреблением наркотическими веществами.

На формирования СП поведения оказывает значительное влияние обстановка в семье. Напряженные отношения с близкими, в особенности с матерью, напрямую связаны с развитием депрессии и суицидальными мыслями в семьях с дисфункцией решения проблем и избеганием по мнению Д. Крейсмана, Х. Страуса [9]. Часто, сталкиваясь с высоким уровнем внутреннего или социального стресса, члены семьи не осуществляют нормальную коммуникацию друг с другом. Кроме того, некоторые (или все) члены семьи могут не обладать способностью решения проблем [26].

Н. М. Евлашкина обнаружили более высокий процент психических расстройств и предшествующих злоупотреблений лекарственными препаратами у членов семьи пациентов [7]. М. Лайнен приводит доказательства того, что родительская депрессия и злоупотребления препаратами в большей степени повышают риск суицида у подростков, чем их собственная депрессия или злоупотребления, по причине значительного влияния на ребёнка среды, в которой находится родитель с психическим заболеванием [11]. Бурно выражаемые разногласия, физическое, сексуальное и бытовое насилие, а также отсутствие психологической поддержки в семье

чаще приводят к суицидальному, в том числе повторному, поведению, чем к психиатрическим проблемам или нарушению социальных норм [10]. Исследование показало, что почти все осуществляющие попытки самоубийства взрослые женщины ранее подвергались сексуальному насилию. Если случаи сексуального насилия повторялись, присутствовала пенетрация, они были осуществлены с применением физической силы и за ними следовала сепарация от родителей, то риск СП значительно возрастал. В работе М. Хоудса выдвинуто предположение, что ригидность семейных отношений и развитие суицидальных намерений у подростков связаны с подростковым дефицитом способности к решению проблем [30]. Суровая (ригидная) семья характеризуется «негибкими отношениями, которые не облегчают протекание функциональных изменений в ответ на проблемы или потребности взросления» [30, с. 113]. Отсутствие адаптивности в ответ на сложные ситуации в такой семье препятствует развитию гибких и эффективных навыков решения проблем, что, в свою очередь, накладываясь на сопутствующую нехватку веры в возможность преодоления проблем, увеличивает риск возникновения суицидальных намерений. Бездомные или убежавшие из дома подростки также находятся в зоне риска по СП. К. Хотон отмечает отсутствие видимых провоцирующих факторов в трети случаев и предполагает, что в этих случаях более вероятно развитие депрессии [26].

Сопутствующие диагнозы. Психические расстройства у подростков ассоциированы с ростом риска суицида и иных высокорисковых расстройств. У порядка 30–40% пациентов, попавших в больницу по причине СП, диагностируется психическое заболевание, около трети ранее обращались в психиатрические службы [38].

У взрослых СП, в особенности неоднократное, часто регистрируется у пациентов с пограничным расстройством личности. По результатам исследования К. Хо, 46% пациентов, обратившихся в медучреждение по поводу СП, страдают расстройством личности [25]. Многие психиатры называют пограничное расстройство личности наиболее частым расстройством личности у пациентов с СП, в то время как К. Хо с коллегами считают главными сопутствующими СП расстройствами параноидальное, тревожное и импульсивное расстройство личности. Сравнение пациентов с СП на фоне личностных расстройств с теми, у кого СП зарегистрировано не было, показало более тяжёлую степень расстройств у пациентов с СП. Таким образом, СП может считаться маркером тяжести расстройства. К. Хо, однако, отмечает, что проведение исследования СП среди пациентов больницы могло привести к отклонению результатов в сторону людей с наиболее тяжёлыми формами расстройств [25]. Другие диагнозы, ассоциированные с СП, включают большое депрессивное расстройство (клиническую депрессию),

диссоциативное расстройство личности, обсессивно-компульсивное расстройство, злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами, расстройства пищевого поведения, шизофрению, тревожные расстройства, расстройства адаптации и иные расстройства личности. По общему мнению, увеличение количества сопутствующих факторов (имеющих или не имеющих эффект) увеличивает риск попыток суицида. Существует мнение, что во время первого эпизода депрессии у подростка существует повышенный риск суицида. К. Хо провела исследование в группе из 150 взрослых пациентов с СП и выяснила, что более 70% участников находились в состоянии глубокой депрессии по критериям МКБ-10 [25]. Около половины эпизодов депрессии были тяжёлыми или психотическими. В той же работе содержатся данные о высоком преобладании сопутствующих психических заболеваний и расстройств личности (44%) у пациентов с СП. Крейсман Д. и Страус Х. выяснили, что СП на фоне различных расстройств увеличивает риск суицида пациента в шесть раз по сравнению с наличием только расстройства (без СП) [9]. Расстройства кластера Б (импульсивно-агрессивные) ассоциированы с невозможностью управления интенсивным аффектом и агрессией, что приводит к риску возникновения СП.

Подростки с самоповреждениями могут находиться в зоне риска по возникновению нарушений личности в дальнейшем, таких как повторяющиеся расставания, неумение решать социальные проблемы и установление близких отношений.

Выводы

Количество случаев СП в настоящее время увеличивается у населения всех полов и возрастов. Причины роста СП могут быть комплексными, но, отчасти, связаны с изменениями в социальной структуре и структуре ожиданий, такими как увеличение уровня безработицы, количества разводов, уменьшение количества и качества поддерживающих отношений и социальная изоляция. Тот факт, что впервые СП обычно происходит в среднем подростковом возрасте, стимулировал исследование зависимости между задачами взросления в подростковом периоде и изменением ожиданий от взрослеющего ребёнка. На этапе взросления возможно возникновение трудностей и конфликтов в отношениях с друзьями и родителями. Эти трудности накладываются на проблемы среды в семьях с высоким уровнем разногласий, случаями физического и сексуального насилия, что приводит к появлению у подростка чувства гнева, ощущения изолированности и желания выйти из невыносимой ситуации. Исследования показывают, что у некоторых людей снятие напряжения от таких ситуаций может происходить путем самоповреждения. Установлена связь между СП и увеличением количества злоупотреблений

алкоголем и наркотическими веществами. Наличие психических нарушений, в особенности выраженных психических заболеваний, значительно повышает риск СП

и суицида. Пограничные расстройства личности и клиническая депрессия являются основными ассоциированными с СП диагнозами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхин А. Н. Психические расстройства в практике психолога. СПб.: Сенсор. 2009. С. 34–37.
2. Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. — М.: Наука, 2000. С. 426–429.
3. Амбрумова А. Г. К вопросу о саморазрушающем поведении подростков // Саморазрушающее поведение у подростков: сб. научных трудов НИИНИ им. В. М. Бехтерева. Л. 1991. С. 45–48.
4. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб.: Питер. 2019. С. 321–324.
5. Девятова О. Е. Пограничные психические расстройства у детей, находящихся в условиях семейной депривации // Автореф. дис. канд. мед. наук. М. 2005. С. 46–48.
6. Евлашкина Н. М. Влияние различных стилей детско-родительских отношений на проявление агрессивного поведения у подростков с девиантным поведением // Неврологический вестник им. В. М. Бехтерева. 2011. т. 43. № 3. С. 23–26.
7. Евлашкина Н. М., Холмогорова А. Б. Мотивация аффилиации и динамика агрессивного поведения у подростков с девиантным поведением // Дефектология. 2011, № 4. С. 17–19.
8. Зарецкий В. К., Смирнова Н. С., Зарецкий Ю. В., Евлашкина Н. М., Холмогорова А. Б. Три главные проблемы подростков с девиантным поведением. Почему возникают? Как помочь?: учебное пособие. М.: Форум. 2011. С. 67–69.
9. Крейсман Д., Страус Х. Я ненавижу тебя, только не бросай меня. Пограничные личности и как их понять. СПб.: Питер. 2018. С. 47–51.
10. Ласовская Т. Ю. Самоповреждающее поведение при пограничном личностном расстройстве // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 2. С. 32–37.
11. Лайнен М. М. Когнитивно-поведенческая терапия пограничного расстройства личности. М. — СПб.: ООО «ИД Вильямс». 2018. С. 270–273.
12. Лайнен М. М. Руководство по тренингу навыков при терапии пограничного расстройства личности. М. — СПб.: ООО «ИД Вильямс». 2018. С. 19–21.
13. Менингер К. Война с самим собой. М.: ЭКСМО-Пресс. 2000. С. 69–72.
14. Можгинский Ю. Б. Агрессивность детей и подростков. Распознавание, лечение, профилактика. М.: Когито-Центр. 2008. С. 89–92.
15. Николаев Е. Л. Медико-психологическая коррекция и профилактика пограничных нервно-психических расстройств у школьников-подростков. Дис. канд. мед. наук. Новосибирск. 2001. С. 112–113.
16. Попов Ю. В., Пичиков А. А. Суицидальное поведение у подростков. СПб.: СпецЛит. 2017. С. 366–367.
17. Эллис А., Уинди Д. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. М: Речь. 2002. С. 89–93.
18. Brittlebank A. D., Cole A., Hassanyeh F., Kenny M., Simpson D., Scott K. Hostility, hopelessness and deliberate self-harm: a prospective follow-up study // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1990. № 81. P. 113–115.
19. Brown L., Ebert M. H., Goyer T. S. Aggression, suicide and serotonin: relationships to cerebrospinal fluid amine metabolites // *American Journal of Psychiatry*. 1982. № 139. 160 p.
20. Canetto S. S., Sakinofsky G. The gender paradox in suicide // *Suicide and Life Threatening Behaviour*. 1998. № 28 (1). P. 56–59.
21. Coccaro E. F., Seiver L. J., Klar H. M., Maurer G., Cochrane K., Cooper T. B., Mohs R. C., Davis K. L. Serotonergic studies in patients with affective and personality disorders // *Archives of General Psychiatry*. 1989. № 46. P. 35–39.
22. Darche M. A. Psychological factors differentiating self-mutilating and non self-mutilating adolescent inpatient females // *Clinical Psychology Review*. 1990. № 18 (5). P. 531–554.
23. Diekstra R. F. W. The epidemiology of suicide and parasuicide // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1993. № 37. P. 63–65.
24. Diekstra R. F. W., Keinhorst C., DeWilde E. Suicide and suicidal behaviour among adolescents. Psychosocial disorders in young people: time trends and their causes. Chichester: Wiley. 1995. P. 357–359.
25. Haw C., Hawton K., Houston K., Townsend E. (2001) Psychiatric and personality disorders in deliberate self-harm patients // *British Journal of Psychiatry*. 2001. № 178. P. 214–216.
26. Hawton K., Catalan J. Attempted suicide: a practical guide to its nature and management. Oxford: Oxford University Press, 1987. 356 p.
27. Hawton K., Cole D., O'Grady J., Osborn M. (1982). Motivational aspects of deliberate self-poisoning in adolescents // *British Journal of Psychiatry*. 1982. № 179 (6). P. 263–268.
28. Hawton K., Houston K., Shepperd R. Suicide in young people. Study of 174 cases, aged under 25 years, based on coroners and medical records // *British Journal of Psychiatry*. 1999. № 175. P. 166–167.
29. Herpetz S. Self-injurious behaviour: Psychopathological and nosological characteristics in sub-types of self-injuries // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1995. № 91, P. 23–28.
30. Hodes M. (1990). Overdosing as communication: a cultural perspective // *British Journal of Medical Psychology*. 1990. № 63. 147 p.
31. Jack M. S. Personal fable: a potential explanation for risk-taking behaviour in adolescents // *Journal of Paediatric Nursing*. 1989. № 4 (1). P. 36–39.
32. Kerfoot M., McHugh B. The outcome of childhood suicidal behavior // *Acta Paedo-psychiatrica Scandinavica*. 1992. № 55. P. 82–86.

33. Kotila L., Lonnqvist J. Suicide and violent death among suicide attempters // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 1989. № 79. P. 23–31.
34. Kreitman N. *Parasuicide*. London: Wiley, 1977. P. 13–15.
35. Marttunen M.J., Aro H. M., Longvist J. K. (1993). Adolescence and suicide: a review of psychological autopsy studies // *European Child and Adolescent Psychiatry*. 1993. № 2, P. 120–123.
36. McClure G.M.G. Suicide in children and adolescents in England and Wales 1970–1998 // *British Journal of Psychiatry*. 2001. № 178. P. 120–125.
37. Nordstrom P., Samuelson M., Asberg M., Traskman-Bendz L., Aberg-Wistedt A., Nordi C., Bertilsson L. CSF 5-HIAA predicts suicide risk after attempted suicide // *Suicide and Life Threatening Behaviour*. 1994. № 24. P. 19–23.
38. Norgate K. Deliberate self-harm in children and adolescents // *Paediatric Nursing*. 1996. № 8. P. 13–17.
39. Roy A., Segal N. L., Canterwall B. S., Robinette D. Suicide in twins // *Archives of General Psychiatry*. 1991. № 48. P. 63–65.
40. Shaffer D., Gould M. S., Fisher P., Trautman P., Moreau D., Kleinman M., Flory M. (1996). Psychiatric diagnosis in child and adolescent suicide // *Archives of General Psychiatry*. 1996. № 54 (4). P. 34–36.
41. Simpson M. A. Self-injury: The phenomenology of self-mutilation in a general hospital setting // *Canadian Psychiatric Association Journal*. 1975. № 20. P. 537.
42. Williams J.M.G. *Cry of Pain. Understanding suicide and self-harm*. London: Penguin Books Ltd. 1997. P. 450–458.

© Исагулова Елена Юрьевна (9477877@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ У ДЕТЕЙ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ В КОНТЕКСТЕ ВОЗЗРЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

QUESTIONS OF FORMATION OF COMMUNICATION IN CHILDREN WITH SPECIAL EDUCATIONAL NEEDS IN THE CONTEXT OF VIEWS OF DOMESTIC AND FOREIGN SCIENTISTS

**I. Kutkova
J. Chizhova**

Summary. The article analyzes the approaches of Russian and foreign scientists in the field of psychology, linguistics, and psycholinguistics to the definition of the essence and structure of communication. The authors reveal the issues of ontogenetic formation of communication. The main indicators of the formation of the child's communicative competence as a basic characteristic of the personality are presented.

Keywords: communication, communication, communication and speech difficulties, communicative competence, children with speech disabilities, children with autism spectrum disorder.

Куткова Ирина Анатольевна

Аспирант, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва)
kutkovai@mail.ru

Чижова Юлианна Владимировна

Аспирант, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва)

Аннотация. В статье дан анализ подходов отечественных и зарубежных ученых в области психологии, лингвистики, психолингвистики к определению сути и структуры коммуникации. Авторами раскрыты вопросы онтогенетического становления коммуникации. Представлены основные показатели сформированности коммуникативной компетентности ребенка, как базисной характеристики личности.

Ключевые слова: коммуникация, общение, коммуникативно-речевые трудности, коммуникативная компетентность, дети с недостатками речи, дети с расстройством аутистического спектра.

Введение

Коммуникация всегда интересовала специалистов в различных областях науки, о чем свидетельствует проведенный анализ отечественной и зарубежной литературы в области психологии, педагогики, лингвистики, психолингвистики. Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, В.С. Выготский, М.И. Лисина, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, М. Томаселло, Э. Эриксон и многие другие занимались исследованием процессов коммуникации (общения). Основным вопросом исследователей данной проблемы в контексте разработки общих теоретических подходов к генезису сущности коммуникации, является изучение ее развития на разных стадиях.

Цель

Обозначить и раскрыть различные грани проблематики становления и развития коммуникации (общения) у детей с особыми образовательными потребностями.

Изложение основного материала статьи

Проблема коммуникации у детей и подростков с особыми образовательными потребностями и по сей день актуальна, что подтверждает проведенный нами анализ отечественной и зарубежной научной литературы в области психологии, педагогики, лингвистики, психолингвистики и пр. Многие аспекты данной проблемы остались не охваченными.

Отечественная психология накопила многочисленные исследования в изучении проблематики коммуникации или, как часто называют этот процесс — общение.

Впервые вопрос о роли коммуникации был поднят в исследованиях В.М. Бехтерева. Общение рассматривалось как механизм объединения людей в группы, как условие социализации личности. Эта же категория рассматривалась Б.Г. Ананьевым с точки зрения формирования

человека как личности; как субъекта деятельности; воспитания индивидуальности. Ученый считал, что благодаря общению человек строит свои отношения с другими людьми, так же общение участвует в формировании всей психической организации человека.

Проблема общения нашла отражение и в концепции Л.С. Выготского. От рождения и в течение всей жизни общение генетически предшествует высшим психическим процессам; опосредует их и является их универсальной составляющей. Строение процесса коммуникации сходно со строением психических процессов, вследствие того, что психические функции появляются в раннем возрасте при интериоризации процессов общения.

«Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей» [3, с. 145].

Коммуникация у ребенка изначально появляется при его непосредственном взаимодействии, общении со взрослыми, чуть позже со сверстниками и далее происходит интериоризация, накопление коммуникативного опыта, который ребенок использует в дальнейшем при разрешении новых коммуникативных задач.

Опираясь на теорию Л.С. Выготского, М.И. Лисиной было выдвинуто новое направление в отечественной психологии — общение ребенка со взрослым и новый подход к его научному исследованию. Согласно трактовке М.И. Лисиной общение — взаимодействие двух и более людей, ориентированное на налаживание отношений и достижения общего результата.

В своем исследовании автор выделила четыре формы общения детей:

- ◆ ситуативно-личностная (от рождения до 6 месяцев),
- ◆ ситуативно-деловая (от 6 месяцев до 2 лет),
- ◆ внеситуативно-познавательная (от 3 до 5 лет),
- ◆ внеситуативно-личностная (от 6 до 7 лет).

В исследовании затрагивалось две области контактов — взрослые и сверстники, была отмечена важная роль каждой из этих областей в психическом развитии ребенка, обозначен усложняющийся характер генезиса общения [8].

На разных этапах своего взросления потребности ребенка в общении изменяются: от 2 до 5 мес. малы-

шу необходимо доброжелательное внимание; от 6 мес. до 3 лет — сотрудничество; от 3 до 5 лет — уважительное отношение взрослого; от 5 до 7 лет — взаимопонимание и сопереживание. Таким образом процесс становления общения имеет сложное строение и обусловлен активностью и постоянным развитием ребенка. [8].

В рамках обозначенной концепции общения явно прослеживается развитие самосознания у ребенка до семи лет. Одним из критериев построения теории личности является выделение в образе Я — ядра (переживание постоянства, тождества и преемственности самому себе) и периферии (знание о себе) и связи между ними.

Позиция М.И. Лисиной близка трактовке идентичности в концепции американского психолога, представителя направления эго-психологии Э. Эриксона. В своей теории личностного развития Э. Эриксон определил и охарактеризовал восемь жизненных стадий:

1. Кризис доверия — недоверия (в течение первого года жизни).
2. Автономия в противоположность сомнениям и стыду (в возрасте около 2–3 лет).
3. Появление инициативности в противовес чувству вины (примерно от 3 до 6 лет).
4. Трудлюбие в противоположность комплексу неполноценности (возраст от 7 до 12 лет).
5. Личностное самоопределение в противоположность индивидуальной серости и конформизму (от 12 до 18 лет).
6. Интимность и общительность в противовес личностной психологической изолированности (около 20 лет).
7. Забота о воспитании нового поколения в противоположность «погружению в себя» (между 30 и 60 годами).
8. Удовлетворенность прожитой жизнью в противоположность отчаянию (старше 60 лет).

На каждой стадии развития своего Эго, человек определяет актуальные направления по отношению к себе и окружающей социальной среде. [16]. Несмотря на то, что стадии развития строго следуют одна за другой, американский ученый выявил различные пути развития. Один путь предполагает успешное развитие психики человека, другой путь — нарушенное, деструктивное развитие. Следовательно, можем предположить, что генезис общения имеет два направления: нормальный путь развития, так и аномальный.

Например, на стадии 3–6 лет актуализируется выбор между инициативой или виной, в коммуникативной сфере личности возможно формирование противоположных качеств: в случае развития инициативы — свобода самовы-

ражения, возможность инициировать новые контакты, занимать лидерские позиции, рефлексировать и преодолевать собственные трудности, активно экспериментировать с новыми коммуникативными ролями; с случае актуализации вины — конформизм, застенчивость, неумение сотрудничать, отстаивать свои позиции, трудности самонаблюдения, самовыражения и самоизменения; на стадии 7–12 лет развивается либо чувство умелости, компетентности (в общении проявляется уверенность, готовность преодолевать трудности, ребенок овладевает эффективными коммуникативными техниками); либо неполноценности (снижение активности, фрустрация коммуникативных потребностей, страх самопрезентации, нежелание общаться). Следовательно, на каждой стадии развития в коммуникативной сфере формируются различные новообразования. Каждое из них возникает в результате разрешения ребенком конфликта между двумя полюсами, один из которых способствует поступательному развитию личности (обеспечивает преодоление коммуникативных преград, конструктивное коммуникативное развитие), а другой тормозит его (не позволяет преодолеть коммуникативные преграды, раскрыть коммуникативные способности). [14]

Таким образом, коммуникация ребенка выступает в различных формах и на каждой стадии развития разнообразна и разнохарактерна.

Исследованием вербального общения, наряду с отечественными психологами, занимались и психолингвисты (Т.В. Ахутина, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Т.Н. Ушакова), поскольку объектом психолингвистики являются в первую очередь речевые процессы.

На богатейшем научно-исследовательском материале было убедительно показано, что, во-первых, «...ребенок с самого начала является социальным существом, что общение с окружающими уже с самого начала является основной формой его жизнедеятельности, что отношение ребенка к вещам уже с самого раннего возраста опосредствовано общением со взрослыми и что все формирование его психической деятельности происходит в процессе этого общения, способы которого меняются, но которые всегда остаются основной движущей силой развития» [10 с. 532]

Общение — сложноорганизованная структура, в которой особое место занимает коммуникативная потребность, мотив, средства. [3,8,10] Коммуникативная потребность определяется как стремление человека к познанию и оценке других людей, а через них и с их помощью к самопознанию и самооценке.

Понятие потребности тесно связано с понятием мотива. Мотив общения совпадает с его объектом и реа-

лизуется в тех качествах человека и других людей, ради познания и оценки которых этот человек вступает в контакт с кем-то из окружающих.

Так, Макл Томаселло выделил три основных типа коммуникативных мотивов, возникших в ходе эволюции. Первый тип мотивов — «просьба, запрос», коммуникативный сигнал, чтобы другие выполнили то, что от них хотят. Второй базовый мотив — «информирование», то есть информирование друг друга о положении дел с желанием помочь, даже в отсутствие непосредственного сотрудничества. Третий тип базового коммуникативного мотива — мотив разделения чувств, взглядов, опыта, знаний. Томаселло подчеркивает, что последний тип мотивов возникает в онтогенезе довольно рано и выражается у детей в доречевых указательных жестах, когда ребенок хочет обратить внимание взрослого, например, на присутствие кого-то [14].

Исследователь определил, что эти три базовых коммуникативных мотива играют ключевую роль при рассмотрении возникновения человеческой коммуникации в онтогенезе и филогенезе.

Иерархическая структура коммуникативных потребностей, составляющая мотивационно-потребностную основу общения, была предложена Л.И. Марисовой. Автором было обозначено девять групп коммуникативных потребностей:

1. в другом человеке и взаимоотношениях с ним;
 2. в принадлежности к социальной общности;
 3. в сопереживании и сочувствии;
 4. в заботе, помощи и поддержке со стороны других;
 5. в оказании помощи, заботы и поддержки другим;
 6. в установлении деловых связей для осуществления совместной деятельности и сотрудничестве;
 7. в постоянном обмене опытом, знаниями;
 8. в оценке со стороны других, в уважении, авторитете;
 9. в выработке общего с другими людьми понимания и объяснения объективного мира и всего происходящего в нем [10].
- Анализ этих групп потребностей показывает, что одни из них вполне могут быть включены в другие, при этом потребность в другом человеке и взаимоотношениях с ним имеет интегрирующий характер в отношении всех выделенных потребностей.

Однако, это включение происходит естественно и незаметно в норме, но требует специального обучения при нарушенном развитии.

Так для детей с расстройством аутистического спектра (РАС) характерны выраженные трудности формирования коммуникации (не важно, жестами, словами или

знаками) и социального взаимодействия при ограниченных стереотипных формах поведения и интересах.

В общении таких детей выражен дефект адекватного восприятия и распознавания социальных признаков и эмоциональных состояний; снижены направленность и ориентировка на эти признаки, что, безусловно, затрудняет установление адекватных отношений с другими людьми [5,13].

Несформированность механизмов коммуникативного поведения у детей с недостатками речевого развития проявляется в незрелости мотивационно-потребностной сферы общения: снижении интереса к взаимодействию, неумении ориентироваться в ситуации общения, самостоятельно преодолевать возникшие затруднения в процессе коммуникации [15].

В работах И. Т. Власенко, Е. М. Мастюковой, Г. В. Чиркиной, В. В. Юртайкина отмечаются трудности в последовательном выполнении интеллектуальных операций, потеря конечной задачи, переключения на несущественные раздражители свидетельствуют о недостаточной сформированности планирующей и регулирующей функции речи [7. с. 67].

Детям с задержкой психического развития свойственны мотивационные коммуникативные трудности, которые проявляются в сложности вступления в контакт, в неумении начать разговор, застенчивости. Таким детям присуще отсутствие эмпатии, затруднение в осуществлении диалога, но, тем не менее, они обращаются за помощью и принимают ее. Импульсивности поведения, неспособность выбрать продуктивную модель взаимодействия, неумение прогнозировать конфликтные ситуации свидетельствует о наличии содержательных трудностей. Операциональные коммуникативные трудности характеризуются недостаточностью средств общения, речевая продукция бедна, характеризуется наличием коротких фраз, прослеживается неправильная подача и изложение речевого материала, что связано с неправильной смысловой организацией высказываний. Дети проявляют низкую критичность к результатам общения [3].

В диссертационном исследовании «Система психологической помощи детям с недостатками речи» Т.Н. Волковская выделила психологические особенности данных детей, обуславливающие симптомокомплекс коммуникативной дезадаптации, препятствующий социализации этих детей в обществе. [15]

У детей с недостатками речи прослеживались общие нарушения на всех уровнях психологической организации коммуникативной системы, а именно речевой дея-

тельности, языковых средствах и когнитивных функциях, что в свою очередь влияло на процесс межличностного общения.

Недостатки речевого развития снижают уровень общения, способствуют возникновению психологических особенностей, порождают специфические черты общего и речевого поведения, что приводит к снижению активности в общении.

Наличие коммуникативных трудностей, речевая пассивность отрицательно сказываются на познавательной и речемыслительной деятельности, всецело накладываясь на процессы общения, тормозят дальнейшее личностное развитие ребенка.

В своих исследованиях М. И. Лисина, Б. Ф. Ломов указывают на то, что общение ребенка со взрослыми способствуют психическому развитию и формированию его личности.

Для успешной социализации необходимо направленное коррекционное воздействие по формированию коммуникативной компетентности, которая рассматривается как *базисная характеристика личности*, отражающая отношения с другими людьми.

Главной задачей коммуникативной компетентности является развитие и регуляция коммуникативной деятельности в целом. Исключительно на основе коммуникативной компетенции формируется способность планировать и порождать высказывания, адекватные данной системе языковых норм и данной ситуации; способность понимать смысл высказываний партнеров, продолжать их адекватным способом и оценивать высказывания.

Коммуникативная компетенция, по мнению Г. В. Чиркиной, включает в себя способность выбирать из доступного человека грамматически правильных выражений те формы, которые наиболее соответствуют нормам вербального поведения в конкретных актах взаимодействия. [6, с 134.]

Например, у старших дошкольников с недостатками речи отмечаются стойкие трудности с обеспечением понимания и с реализацией секвенций (последовательностей) коммуникативных действий, которые решают данные проблемы.

Дошкольник неточно обрабатывает высказывания своих партнеров, поэтому у него отмечается только иллюзия понимания, но, если происходит поэтапное осуществление инструкции, то вероятность полноценной обработки высказывания возрастает, поэтому

оценка собственного понимания становится более адекватной.

Таким образом, важным аспектом коммуникативной компетентности является способность к самоанализу собственного процесса понимания и управлению им.

Отметим основные показатели сформированности коммуникативной компетентности ребенка: наличие осознанного интереса к общению; активность и самостоятельность, полноценное использование своих речевых возможностей и дальнейшее использование их для решения коммуникативных задач; способность прислушиваться к совету партнера по общению, взаимовыручка; правильное оценивание вклада каждого участника, критически относится к результатам общения.

Таким образом, общение считается одной из базовых потребностей человека, только благодаря ему человек обретает возможность быть включенным в социум и культуру. Только в общении происходит формирование человеческой личности, общества в целом.

ВЫВОДЫ

В настоящее время не существует единой точки зрения по вопросу дифференциации понятий «коммуникация» и «общение». В научной литературе эти термины либо четко разграничиваются, либо заменяются друг другом. Из приведенного выше анализа литературных источников следует, что имеющиеся научные подходы к изучению коммуникации (общения) имеют свою специфику и стремятся понять каким образом, происходит процесс становления коммуникации и вербального общения между людьми.

Важное значение приобретает коммуникативный подход к анализу проблемы общения у детей и подростков с особыми образовательными потребностями. Его теоретические позиции легли в основу функционального подхода к формированию средств общения у детей с недостатками речи, который опирается на лингвистические представления о коммуникативной компетенции как базисной личностной характеристике, которая способствует личностному развитию и дальнейшей социализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова Т. Г. Особые образовательные потребности детей с ограниченными возможностями здоровья как основа организации инклюзивного обучения // Специальная педагогика и специальная психология: современные проблемы теории, истории, методологии: сборник материалов междунар. теоретико-методол. семинара / МГПУ. М., 2015.
2. Волковская Т. Н., Куткова И. А. Особенности коммуникативного потенциала дошкольников с общим недоразвитием речи. В сборнике: Актуальные проблемы современного раннего и дошкольного образования детей с инвалидностью и ОВЗ. Сборник научных статей по материалам региональной научно — практической конференции. 2018. С. 59–62.
3. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии // Собр. Соч.: В 6 т. М., 1984
4. Глозман Ж. М. Общение и здоровье личности М.: Издательский центр «Академия», 2002
5. Каган В. Е. Клинико-психологические аспекты онтогенеза коммуникативности. — Вопросы психологии № 3, 1986 с. 96–100
6. Коммуникативно-речевая деятельность детей с отклонениями в развитии: диагностика и коррекция Текст.: моногр. / под ред. Г. В. Чиркиной, Л. С. Соловьевой. Архангельск: Поморский университет, 2009. — 403с.
7. Куткова И. А. Теоретические аспекты проблемы коммуникативного потенциала дошкольников с недостатками речи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание» № 10, 2019 с. 64–69
8. Лисина М. И. Проблема онтогенеза общения. — М.: Педагогика, 1986.
9. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
10. Лурия А. Р. Развитие речи и формирование психических процессов. — В кн.: Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959. С. 516–577.
11. Маланчук И. Г. Коммуникативные и коммуникативно связанные потребности как фактор продуцирования речи [Электронный ресурс] https://elibrary.ru/download/elibrary_11781499_35313546.pdf (дата обращения: 06.01.2020 г.)
12. Марисова, Л. И. О мотивационно-потребностной основе общения / Л. И. Марисова. — Берлин, 1978
13. Никольская О. С. Аутичный ребенок. Пути помощи / О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. — 8-е изд. — М.: Теревинф, 2014.
14. Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности ребенка проблемы, диагностика, коррекция. — Санкт-Петербург 2011.
15. Система психологической помощи детям с недостатками речи Волковская Т. Н. диссертация на соискание ученой степени доктора наук/ ГОУ «Московский городской педагогический университет». Москва. 2012 г.
16. Эриксон, Э. Детство и общество: пер. с англ. / Э. Эриксон. — СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
17. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М., 2011

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КРЕАТИВНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Ледовских Ирина Александровна

К.псх.н., доцент, Пензенский государственный
университет
sitra@inbox.ru

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF CREATIVE DEVELOPMENT OF STUDENTS OF THE UNIVERSITY

I. Ledovskikh

Summary. This article analyzes the problem of the development of creativity of student psychologists through the implementation of psychological and pedagogical support of this process in higher education. To determine the level of creativity of students-psychologists, the criteria for the effectiveness of their formation — cognitive and motivational, are highlighted, as well as the structural components of pedagogical support — motivational-targeted, cognitive-substantive, organizational-activity, evaluative-effective. In addition, the article describes the stages and psychological mechanisms for the development of creativity of student psychologists in the process of professional training at a university.

Keywords: higher professional education, creativity, psychological and pedagogical support.

Аннотация. В данной статье анализируется проблема развития креативности студентов-психологов за счет реализации психолого-педагогической поддержки данного процесса в условиях высшего профессионального образования. Для определения уровня сформированности креативности студентов-психологов выделены критерии эффективности их становления — когнитивный и мотивационный, а также выделены структурные составляющие педагогической поддержки — мотивационно-целевая, когнитивно-содержательная, организационно-деятельностная, оценочно-результативная. Кроме того, в статье приведены этапы и психологические механизмы развития креативности студентов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, креативность, психолого-педагогическая поддержка.

Анализ научной литературы по проблеме развития профессионализма у студентов-психологов показал, что в настоящее время в любой области человеческой жизнедеятельности, особенно в области психологии, востребована креативная личность.

Изучением проблемы креативности с точки зрения выявления механизмов развития творческого подхода к учебной деятельности занимались многие отечественные ученые: Г.С. Батищев [1], Б.Д. Богоявленская [2], А.В. Брушлинский [3], А.М. Матюшкин [4], Ж. Пиаже [5], Г.В. Сорокумова [6], Е.Е. Туник [7], Е.Е. Щербакова [8].

На основе анализа их трудов и с учетом собственных теоретических и практических наработок креативность студентов-психологов мы интерпретируем как интегративное свойство личности, которое отражается в сформированности познавательных потребностей, жизненных смыслах, субъектной позиции и сложившейся совокупности творческих интересов в области психологии, и которое способствует продуцированию новых, нешаблонных материальных объектов или нравственных

явлений (процессов) за счет рефлексии, самоконтроля, саморегуляции, прогнозирования, организации и корректирования своей деятельности.

Студент-психолог непрерывно находится в поиске креативных решений профессиональных и учебных задач, совмещая разнообразные способы учебно-познавательной деятельности, демонстрируя способности интерпретировать узнаваемые явления в новых обстоятельствах, готовность проектирования своей деятельности в нешаблонном аспекте. Эффективное решение творческих задач, которые возникают в учебно-познавательной деятельности студентов-психологов, возможно в том случае, когда на помощь приходят: креативность студента, выражающаяся в оперативном анализе задачи, нахождении нетривиального, но объективного результата; сообразительность в ситуациях прогнозирования будущих событий; грамотная совокупность способов деятельности, связанных единой целью (синтез и анализ); способность нешаблонно мыслить при возникновении новой ситуации (дивергентное мышление); выявление взаимосвязей между психологическими процессами

(легкость ассоциаций); готовность к поиску позитивного решения проблем (творческая мотивация), в добросовестном отношении к собственной деятельности (социальная ответственность).

Становление и дальнейшее развитие данных качеств личности студентов-психологов происходит в процессе их профессиональной подготовки в вузе. С целью определения уровня сформированности креативности студентов-психологов нами выделены критерии эффективности их становления: *когнитивный* (выявляющий уровень формирования познавательных (мыслительных) качеств личности, выражающийся в таких показателях, как сообразительность, умение анализировать и сочетать (синтез и анализ), дивергентное мышление, легкость ассоциаций); *мотивационный* (выявляющий ответственность и добросовестность личности, ее познавательные потребности и жизненные смыслы, выражающийся в таких показателях, как творческая мотивация и социальная ответственность).

Формирование высокого уровня креативности у студентов-психологов будет продуктивнее, если в данном процессе будут учитываться психолого-педагогические закономерности студенческого возраста и специфика изучаемых психологических явлений, а также будут задействованы такие психологические механизмы, при которых развитие креативности студентов-психологов в процессе их профессиональной подготовки в вузе будет происходить интенсивнее.

Эффективность креативного развития студентов-психологов повышается в условиях осуществления *психолого-педагогической поддержки*, которая определяется нами как реализация определенных дидактических условий и методических особенностей в процессе проектирования и апробации учебной и профессиональной деятельности студентов-психологов, с целью формирования высокого уровня развития креативности студента за счет его способности к рефлексии, готовности самостоятельно прогнозировать, организовывать, оценивать и корректировать свои образовательные потребности и ценностные смыслы.

Психолого-педагогическая поддержка включает в себя следующие структурные составляющие: *мотивационно-целевая* (становление и дальнейшее развитие креативных качеств личности студентов-психологов с учетом психологических закономерностей их формирования); *когнитивно-содержательная* (реализация дидактических условий развития креативности студентов-психологов и учет методических особенностей данного процесса); *организационно-деятельностная* (обоснование инновационных форм и методов обучения, ориентированных на интенсивное развитие креативно-

сти студентов-психологов); *оценочно-результативная* (становление творческого подхода к организации различных способов деятельности, способность оперативно находить нешаблонные способы разрешения разнообразных психологических ситуаций, добросовестное отношение к собственной учебной и профессиональной деятельности, проявление студентами-психологами в нестандартных ситуациях креативные качества личности).

Данная психолого-педагогическая поддержка реализуется через следующие этапы: адаптационный, этап создания и реализации дидактических условий и учета методических особенностей процесса развития креативности студентов-психологов, деятельностный, диагностирующий.

Эффективность психолого-педагогической поддержки развития креативности студентов-психологов повышается за счет использования таких психологических механизмов, как рефлексия, самоконтроль, саморегуляция и пр., которые взаимообуславливают друг друга и интенсифицируют данный процесс в период профессиональной подготовки студентов-психологов в вузе.

При этом под психологическими механизмами подразумевается такая система различных отношений, закономерностей, связей и других психологических процессов, которые гарантируют развитие креативности студентов-психологов.

Комплексный учет психологических механизмов способствует интенсификации процесса развития креативности, среди которых мы выделяем те, которые наиболее продуктивно воздействуют на развитие креативных свойств личности студентов-психологов: рефлексия — переоценка ценностей в своем сознании, своей учебной и профессиональной деятельности, ориентированной на самосовершенствование, своих свойств личности, особенно креативных; самоконтроль — объективное оценивание студентом своей учебной и профессиональной деятельности и корректирование ее компонентов на основе мониторинга личностных достижений; саморегуляция — осознанное воздействие студента-психолога для того, чтобы продуктивно реализовать свой творческий потенциал.

Таким образом, психолого-педагогическая поддержка будет способствовать развитию творческой самореализации студентов-психологов, обогащению содержания высшего профессионального образования, оптимизации и интенсификации педагогического воздействия за счет индивидуализации творческой деятельности студентов, личностной ориентации, усиления ценностной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев Г. С. Философская концепция человека и креативности в наследии С. Д. Рубинштейна // Вопросы философии, 1989, — С. 96–109.
2. Богоявленская Б. Д. Рабочая концепция одаренности / Б. Д. Богоявленская // Вопросы образования. 2004. — № 2. — С. 46–68.
3. Брушлинский А. В. О субъекте мышления и творчества / А. В. Брушлинский // Основные современные концепции творчества и одаренности: сб. ст. / под ред. Д. Б. Богоявленской. — М., 1997. — С. 39–56.
4. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. — М.: Педагогика, 1972. — С. 28–42.
5. Пиаже Ж. О природе креативности // Вестник Московского университета. Психология. 1996. — № 3. — Серия 14. — С. 8–16.
6. Сорокоумова Г. В., Щербакова Е. Е. Развитие креативности педагога-психолога. (Учебно-методическое пособие). — НИРО, 2000. — 48 с.
7. Туник Е. Е. Модифицированные креативные тесты Вильямса. — СПб.: Речь, 2003. — 96 с.
8. Щербакова Е. Е. Педагогическая креативность как фактор профессионального развития студентов: дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Елена Евгеньевна Щербакова. — Чебоксары, 2006. — 548 с.

© Ледовских Ирина Александровна (sitra@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Г. Пенза

СТИЛИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ПЕДАГОГОВ

STYLES OF BEHAVIOR IN CONFLICT AND THEIR RELATIONSHIP WITH PERSONAL CHARACTERISTICS OF TEACHERS

**O. Lobza
N. Alyoshina**

Summary. The article presents the results of studying the relationship of personal characteristics and behavioral styles in conflict between teachers of schools and kindergartens. The object of the research is the styles of behavior in conflict, character accentuations, value orientations, motives of professional activity and authoritarianism of the individual. The subject of the study is the relationship of behavioral styles in conflict with the personal characteristics of teachers. The study involved 87 teachers from schools and kindergartens. For data collection were used: Method of evaluation type of behavior in a conflict situation K. Thomas, Methods of studying personality accentuations by K. Leonhard, Values questionnaire S. Schwartz, the Modified questionnaire "Motivational profile" W. Richie and P. Martin, the Method of the study of authoritarianism T. Adorno. According to the results of the study, a fairly high degree of similarity of styles of behavior in conflict was found in both school teachers and kindergarten teachers. Avoidance and adaptation are among the priorities for their use in conflict. The analysis of relationships allowed us to describe the psychological types of teachers who prefer different styles of behavior in conflict.

Keywords: styles of behavior in conflict, character accentuations, value orientations, motives of professional activity, authoritarianism of the individual, personal determinants of conflict.

Лобза Ольга Валерьевна

К.псих.н., ФГАОУ ВО Московский государственный
институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации, Одинцовский филиал
o.lobza@odin.mgimo.ru

Алешина Наталья Александровна

Педагог-психолог, МБДОУ Детский сад № 31
aleshina.n@odin.mgimo.ru

Аннотация. В статье представлены результаты изучения взаимосвязи личностных особенностей и стилей поведения в конфликте педагогов школ и детских садов. Объектом исследования являются стили поведения в конфликте, акцентуации характера, ценностные ориентации, мотивы профессиональной деятельности и авторитарность личности. Предмет исследования — взаимосвязь стилей поведения в конфликте с личностными особенностями педагогов. В исследовании участвовали 87 педагогов школ и детских садов. Для сбора данных использовались: Методика оценки типа поведения в конфликтной ситуации К. Томаса, Методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда, Ценностный опросник С. Шварца, Модифицированный опросник «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина, Методика исследования авторитарности Т. Адорно. По результатам проведенного исследования была обнаружена достаточно высокая степень сходства стилей поведения в конфликте как у педагогов школ, так и у педагогов детских садов. В число приоритетных в качестве использования ими в конфликте вошли избегание и приспособление. Анализ взаимосвязей позволил описать психологические типы педагогов, предпочитающих разные стили поведения в конфликте.

Ключевые слова: стили поведения в конфликте, акцентуации характера, ценностные ориентации, мотивы профессиональной деятельности, авторитарность личности, личностные детерминанты конфликтности.

В настоящее время в психологической науке возрастает интерес к изучению конфликта как весьма сложного, неизбежного и необходимого явления. Определяя основные положения теории конфликта, многие психологи подчеркивают, что конфликт выступает всеобщим и необходимым элементом человеческой жизни. С одной стороны, конфликт есть противоречивое конструктивно-деструктивное явление, с другой, конфликт является источником развития, причиной индивидуальных и социальных изменений. Поэтому конфликт необходимо рассматривать не как проблему, а как задачу, требующую своего решения.

Существующие в зарубежной и отечественной психологии подходы к пониманию конфликта и источников его возникновения определяют конфликт как феномен, возникающий в глубинах психики человека и как форму

столкновения влечений и амбивалентных стремлений (З. Фрейд, К. Хорни); как особую форму агрессивного ответа на фрустрирующую ситуацию (М. Дойч, М. Шериф); как когнитивную схему, проявляющуюся в несовместимости центральных значений, убеждений (У. Клару); как ситуацию, в которой на индивида действуют противоположно направленные и одновременно воздействующие силы примерно равной величины (К. Левин); как состояние длительной дезинтеграции личности, которое выражается в обострении существовавших ранее или в возникновении новых противоречий между различными свойствами, отношениями и действиями личности (А.Р. Лурия, В.С. Мерлин) [2], как деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также как борьба подструктур личности (А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов) [1].

Обращаясь к анализу возникновения конфликтов и анализируя существующие в психологии подходы, Н.В. Гришина приходит к выводу, что при всех различиях в подходах и взглядах на природу конфликта, все они сходятся в признании объективно-субъективной природы возникновения конфликта [2, с. 191]. Причем для отечественной психологии характерен в большей степени учет субъективного фактора как обязательного условия возникновения конфликта. «Именно восприятие ситуации как конфликтной «делает» конфликт — «запускает» для субъекта необходимость реагирования в виде выбора соответствующей стратегии конфликтного взаимодействия (или ухода от него) и его последующего развития» [2, с. 191]. По мнению многих исследователей субъективное в определении ситуации как конфликтной связано с индивидуально-психологическими, личностными особенностями человека.

В последние годы вопросы, связанные с личностными детерминантами конфликтности, очень активно исследуются отечественными учеными (С.Н. Фрондзей, 2006; Т.В. Черняева, 2008; И.Е. Жмурин, 2012; Л.Е. Киреева, А.И. Ташева, 2012; В.В. Константинов, С.В. Лычагин, В.А. Прокофьев, 2016; Э.Э. Сульчинская, 2018 и др.). Анализ таких исследований дает основание выделить основные маркеры конфликтного поведения личности, такие как: темп реакции, эмоциональная возбудимость, экстраверсия, общие умственные способности, эмоциональный интеллект, оптимальный уровень рефлексии и волевой саморегуляции, силу возбуждения и торможения, эмоциональное и профессиональное выгорание, эмоциональный самоконтроль, бескомпромиссность, индивидуализм и т.д. [7].

Личностные детерминанты супружеских конфликтов рассматривались в исследовании Л.Е. Киреевой и А.И. Ташевой. Объектом изучения выступали личностные характеристики супругов, состоящих в «двухкарьерных» и «не карьерных» парах. Результаты исследования показали, что наиболее значимыми личностными детерминантами конфликтов супругов в «двухкарьерных» и «не карьерных» парах являются ценностные ориентации супругов, в частности ценности-цели, которые отражают важнейшие жизненные ориентиры и смыслы жизни [5].

В исследовании С.Н. Фрондзей были установлены личностные детерминанты, позволяющие прогнозировать особенности супружеских конфликтов в официальном и неофициальном молодежных браках. В ходе исследования было обнаружено, что супружеская конфликтность в официальном браке связана с подозрительностью, социальной смелостью, эмоциональной неустойчивостью, конкретным мышлением, практичностью, самооценкой супругов, сверхчувствительностью,

эмоциональной лабильностью, импульсивностью и заостренным чувством собственного достоинства. Конфликты в неофициальном молодежном браке обусловлены высокими значениями самозащитной реакции у обоих супругов, выраженностью самопринятия, доминантности, демонстративности и шизоидности [9].

Основной гипотезой эмпирического исследования, проведенного И.Е. Жмуриным, выступило предположение о том, что личностные детерминанты определяют изменение, продолжение и частоту супружеских конфликтов, а также уровень осознания, понимания и переживания конфликтов супругами. По результатам проведенного автором исследования личностными детерминантами супружеских конфликтов в группе мужчин выступают психоэмоциональный опыт и оценка собственного личностного роста супругов, а в группе женщин — негативные, деструктивные чувства, такие как ненависть, вина, гнев, тревога, зависть и т.п. Такое влияние обусловлено значимостью эмоционального компонента у женщин в отношениях с супругом [4].

В эмпирическом исследовании В.В. Константинова, С.В. Лычагина и В.А. Прокофьевой изучались взаимосвязи стилей поведения в конфликте с личностными особенностями, акцентуациями характера, адаптивностью и нервно-психической устойчивостью курсантов. В результате авторами была обнаружена положительная корреляция между стратегией соперничества и выраженностью демонстративного, возбудимого и гипертимного типов акцентуаций характера. Стратегии сотрудничества и приспособления взаимосвязаны с выраженностью эмотивного типа, а стратегия избегания коррелирует с педантичным типом акцентуации. Нервно-психическая устойчивость и адаптивность характерны для курсантов, использующих стили сотрудничества и компромисса [6].

Изучению социально-психологических детерминант конфликтного поведения было посвящено исследование Т.В. Черняевой, в котором автор эмпирически подтверждает факт детерминированности конфликтности студентов такими личностными особенностями как: цели и ценности, общие умственные способности и психодинамические свойства, экстраверсия, эмоциональная возбудимость, которые образуют между собой достоверно значимые корреляции. Частота конфликтов прямо пропорционально зависит от ценности «достижение» в сфере обучения и образования. Значимость данной ценности у конфликтных подростков значительно выше, чем у неконфликтных [10].

Исследование Э.Э. Сульчинской было направлено на изучение структуры и видов ценностно-мотивационного конфликта преподавателей высшей школы, а также

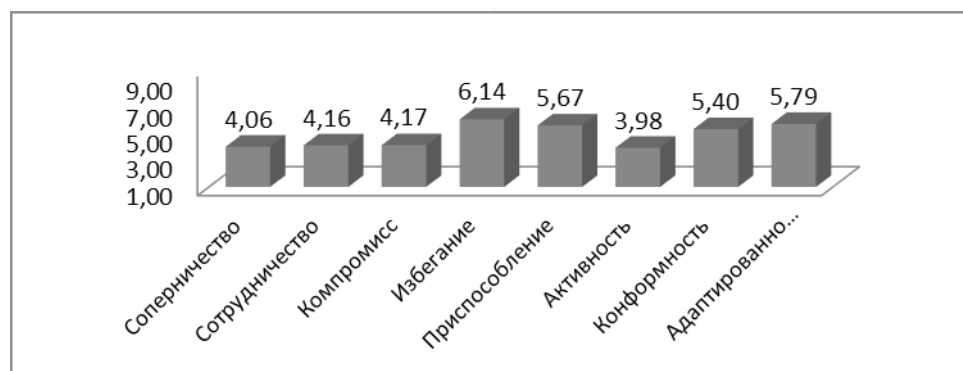


Рис. 1. Результаты изучения стилей поведения в конфликтной ситуации у педагогов детского сада и школы

на выявление личностных и профессиональных детерминант, обуславливающих возникновение и протекание разных типов конфликтов. Автору удалось выявить два типа конфликтов: конфликты с доминированием ценностного компонента и конфликты с доминированием мотивационного компонента. В результате эмпирического исследования автор приходит к выводу о том, что ведущими личностными детерминантами ценностно-мотивационного конфликта преподавателей высшей школы являются: доминирование значимости определенных ценностных структур. Мотивационные образования в меньшей степени, чем ценностные, определяют появление ценностно-мотивационного конфликта. Наибольшее количество ценностно-мотивационных конфликтов связано с выраженностью мотивации власти, значимостью сфер «образование», «профессиональная жизнь», а также с ценностями «материальное положение», «активность социальных контактов» [8].

Вместе с тем не смотря на многочисленность современных исследований личностных детерминант конфликтного поведения, большинство из которых посвящено изучению супружеских конфликтов, отмечается некоторый дефицит исследований проблемы взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей педагогов с выбором стилей поведения в конфликте. На наш взгляд более структурированный подход к рассмотрению данной проблемы позволит прогнозировать выбор стилей поведения в конфликте с учетом личностных особенностей педагогов школ и детского сада, а также использовать полученные эмпирические данные в работе педагога-психолога образовательного учреждения для разработки тренингов, направленных на урегулирование конфликтов среди педагогов с целью создания благоприятного психологического климата в коллективе.

Для проверки сформулированных выше положений нами было проведено эмпирическое исследование,

объект которого — стили поведения в конфликте, акцентуации характера, ценностные ориентации, мотивы профессиональной деятельности и авторитарность, предмет — взаимосвязь стилей поведения в конфликте с личностными особенностями педагогов, а цель заключалась изучении взаимосвязи стилей поведения в конфликте с личностными особенностями педагогов. Для сбора данных использовались: Методика оценки типа поведения в конфликтной ситуации К. Томаса, Методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда; Ценностный опросник С. Шварца, Модифицированный опросник «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина, а также Методика исследования авторитарности Т. Адорно (Шкала-F-1). Математические методы: оценка достоверности различий по *t*-критерию Стьюдента; корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона. В исследовании принимали участие 87 педагогов школ и детских садов. Из них 45 учителей и 42 воспитателя.

На первом этапе настоящего исследования изучались стили поведения в конфликтной ситуации у педагогов школы и детского сада с помощью Методики оценки типа поведения в конфликтной ситуации К. Томаса. Как видно из диаграммы (см. рис. 1) педагоги, участвующие в нашем исследовании, преимущественно используют стиль поведения Избегание (6,14), для которого характерно отсутствие стремления к кооперации и соответствующих усилий, направленных на достижение собственных целей. На втором месте по предпочтению у педагогов стоит стиль поведения Приспособление (5,67), при котором человек в конфликте, как правило, приносит в жертву свои собственные интересы ради другого. Низкие значения обнаружены по шкале Активность (3,98). Это означает, что педагоги реже всего используют активные стили поведения в конфликте.

Сравнительный анализ показал отсутствие достоверно значимых различий в использовании стилей поведе-

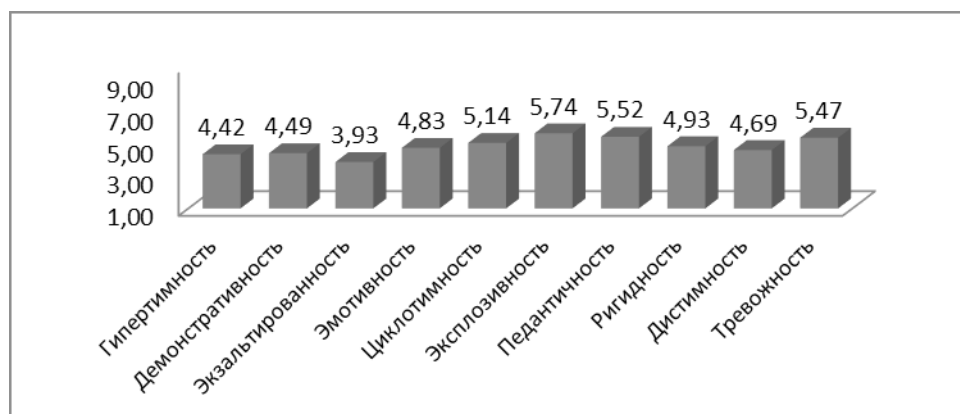


Рис. 2. Результаты изучения акцентуаций характера у педагогов детского сада и школы

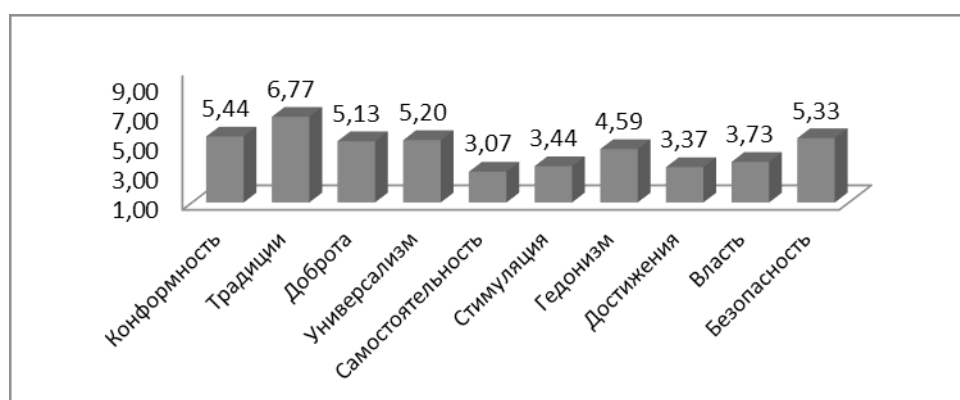


Рис. 3. Результаты изучения ценностных ориентаций у педагогов детского сада и школы

ния в конфликте у педагогов детского сада и школы. Как для педагогов школы, так и для педагогов детского сада характерно использование преимущественно пассивных стилей поведения в конфликте, таких как Избегание и Приспособление.

Следующим этапом исследования являлось изучение акцентуаций характера у педагогов с помощью методики К. Леонгарда. Результаты изучения акцентуаций в целом по выборке педагогов представлены на рис. 2. В результате опроса были выявлены наиболее часто встречающиеся акцентуации личности у педагогов школы и детского сада: Эксплозивный (Возбудимый) (5,74) и Педантичный (5,52) типы. Для педагогов, имеющих данные акцентуации характерны повышенная импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями, а также повышенная ригидность и долгое переживание психотравмирующих событий.

В результате сравнительного анализа акцентуаций характера у педагогов школы и детского сада достовер-

но значимые различия были обнаружены лишь по шкале Эмотивность ($p=0,003$), что может характеризовать педагогов школы как более тревожных, чувствительных и впечатлительных. Люди с эмотивной акцентуацией редко вступают в конфликты, чаще всего обиды носят в себе и не «выплескивают» их наружу.

С целью изучения ценностных ориентаций педагогов нами использовался Ценностный опросник С. Шварца (см. рис. 3). Результаты изучения ценностных ориентаций показали достаточно высокие значения по шкале традиции (6,77). На втором и третьем местах по значимости для педагогов стоят Конформность (5,44) и Безопасность (5,33). С. Шварц и В. Билски выделяют данные шкалы как «чисто социальные», т.е. объединяющие структуры отношений в социуме. Менее значимыми для педагогов являются такие ценности как Самостоятельность (3,07) и Достижения (3,37).

В результате сравнительного анализа ценностных ориентаций педагогов школ и детских садов были об-

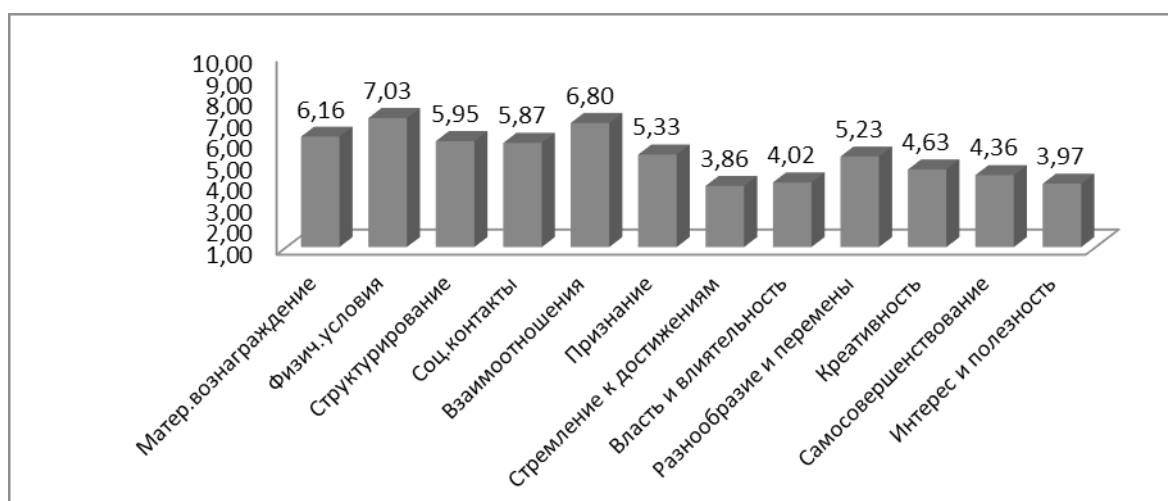


Рис. 4. Результаты изучения профессиональной мотивации у педагогов детского сада и школы

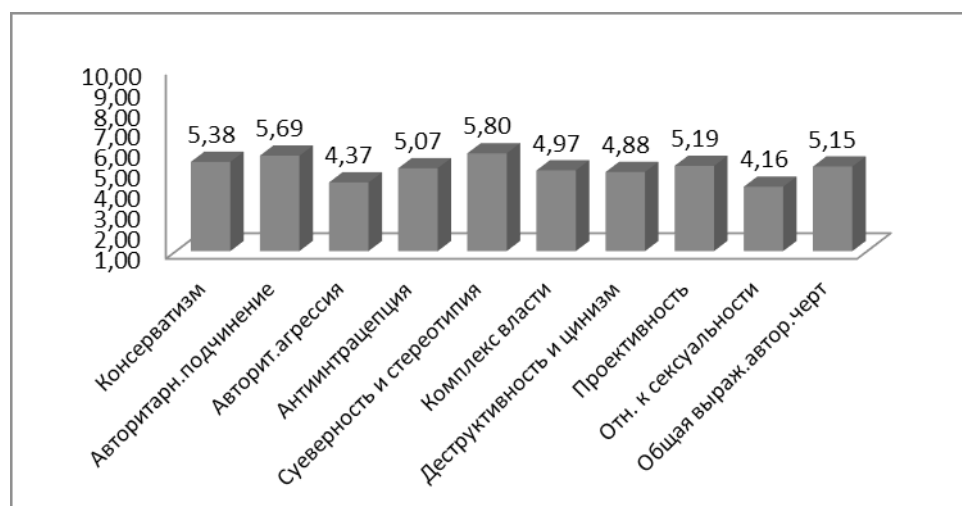


Рис. 5. Результаты изучения авторитарности у педагогов детского сада и школы

наружены достоверно значимые различия по шкалам Доброта ($p=0,000$) и Самостоятельность ($p=0,01$). Так учителя отличаются от воспитателей большей самостоятельностью мыслей и действий; добротой, направленной на сохранение и повышение благополучия близких людей.

При изучении профессиональной мотивации у педагогов детского сада и школы нами использовался модифицированный опросник «Мотивационный профиль», разработанный английскими психологами Ш. Ричи и П. Мартином.

Как видно из диаграммы (см. рис. 4) для педагогов, участвующих в нашем исследовании преимуществен-

но значимыми являются факторы Физические условия (7,03) и Взаимоотношения (6,80), что дает основание сделать выводы о потребности сотрудников в хороших условиях работы и комфортной окружающей обстановке, а также потребности в формировании и поддержании долгосрочных и стабильных отношений с другими педагогами.

Сравнительный анализ мотивационного профиля учителей и воспитателей позволил обнаружить весьма большое количество достоверно значимых различий в профессиональной мотивации. Так, педагоги детского сада в большей степени в качестве значимых выделяют социальные контакты ($p=0,009$), взаимоотношения ($p=0,04$) и структурированность ($p=0,04$) в работе. Учи-

теля же в большей степени ориентированы на креативность, интерес и полезность выполняемой ими профессиональной деятельности.

На следующем этапе настоящего исследования мы оценили степень выраженности психологических качеств, обуславливающих предрасположенность и восприимчивость личности к авторитаризму с помощью методики исследования авторитарности Т. Адорно (F-шкала) у учителей и воспитателей детского сада.

Как видно из диаграммы (см. рис. 5) педагоги, участвующие в нашем исследовании, имеют высокий показатель выраженности Суеверности и стереотипии (5,80), что говорит о склонности сотрудников к догматичным ответам, подверженности суевериям, перенесении личной ответственности на внешние силы, а также ригидности мышления. Высокую степень выраженности имеет субшкала Авторитарное подчинение (5,69), что отражает некритичное стремление педагогов к подчинению авторитетам (родителям, руководителям и т.п.), потребности в сильном лидере, а также раболепие перед носителями власти.

В результате сравнительного анализа авторитарности педагогов школы и детского сада достоверно значимых различий не было обнаружено ни по одной из шкал, т.е. педагоги исследуемой выборки (как воспитатели, так и учителя) в целом склонны к авторитарному, некритическому подчинению идеализированным авторитетам собственной группы; верят в мистическое предначертание собственной судьбы, поддерживают ценности близкого себе среднего класса.

Корреляционный анализ показал, что между стилями поведения в конфликте и личностными особенностями педагогов, а именно акцентуациями характера, ценностными ориентациями, мотивами профессиональной деятельности, авторитарностью, существует взаимосвязь:

- ♦ так стиль поведения в конфликте *Соперничество* положительно взаимосвязан с эксплозивностью ($r=0,30$), ориентацией на ценности власти ($r=0,45$), мотивами профессиональной деятельности власти и влияния ($r=0,42$), авторитарностью ($r=0,24$), консерватизмом ($r=0,23$) и отрицательно взаимосвязан с универсализмом ($r=-0,39$), т.е. педагоги занимающие не конструктивную позицию соперничества в конфликте характеризуются как эмоционально-возбудимые, склонные к проявлениям аффекта, стремящиеся к власти и влиянию и в жизни и в профессиональной деятельности. Они склонны к сохранению традиционных ценностей, авторитарны и не испытывают потребности в поддержании и защите благополучия всех людей и природы;

- ♦ стиль поведения в конфликте *Сотрудничество* положительно взаимосвязан с гипертичностью ($r=0,22$), ригидностью ($r=0,30$) и демонстративностью ($r=0,26$), а также со стремлением в профессиональной деятельности к самосовершенствованию ($r=0,22$) и отрицательно взаимосвязан с ценностью власти ($r=-0,33$). Так, для педагогов, занимающих конструктивную позицию в конфликте сотрудничество, наоборот, характерны повышенный фон настроения в сочетании с жадой деятельности, высокой активностью, предприимчивостью и стремление к самостоятельности и независимости, развитию как личности. Для них также свойственны активность позиции, практичность, трезвость взглядов на жизнь, стремление к опоре на собственный опыт, аккуратность и демонстративность;
- ♦ стиль поведения в конфликте *Компромисс* отрицательно взаимосвязан с демонстративностью ($r=-0,28$), эксплозивностью ($r=-0,24$) и ригидностью ($r=-0,26$), консерватизмом как чертой авторитарности ($r=-0,31$) и такими ценностными ориентациями как традиции ($r=-0,37$) и власть ($r=-0,32$). Педагоги, склонные к компромиссной позиции в конфликте как правило не стремятся к власти и сохранению традиций. Им не свойственны повышенная импульсивность, возбудимость, демонстративность поведения, приверженность традиционным ценностям и сверхценным идеям;
- ♦ стиль поведения в конфликте *Избегание* положительно взаимосвязан со стремлением в профессиональной деятельности к интересу и полезности ($r=0,26$), ценностями безопасности ($r=0,22$) и личных достижений ($r=0,27$), а также имеет отрицательную взаимосвязь с проективностью как чертой авторитарности ($r=-0,22$) и мотивом структурирование профессиональной деятельности ($r=-0,22$). Для педагогов с избегающей позицией в конфликте свойственно стремление к безопасности других людей и себя, к сохранению стабильности общества и личных взаимоотношений. Для них более важными выступают мотивы интереса и полезности своей профессиональной деятельности, наполненности смыслом, а также получения обратной связи и информации, позволяющей судить о результатах своей работы.
- ♦ стиль поведения в конфликте *Приспособление* положительно взаимосвязан с эмотивностью ($r=0,31$), ориентацией на ценности традиции ($r=0,28$), универсализма ($r=0,29$), гедонизма ($r=0,23$) и доброты ($r=0,34$) и отрицательно взаимосвязан с эксплозивностью ($r=-0,26$). Педагоги, соглашающиеся и жертвующие своими интересами в пользу другого в конфликте, отличаются повышенной эмоциональной чувствительностью,

стремлением к доброте и благополучию мира и природы, склонностью к сохранению и укреплению существующих традиций, получению удовольствия от жизни.

Выводы

Результаты изучения стилей поведения в конфликте показали, что педагоги преимущественно используют такие стили поведения, как Приспособление и Избегание, для которых характерно стремление к сохранению социальных отношений, отсутствие инициативы и активных социальных действий. Педагоги, использующие данные стратегии поведения, предпочитают приносить в жертву собственные интересы ради других. У них отсутствует стремление к объединению и наличие усилий, направленных на достижение собственных целей.

Изучение взаимосвязи стилей поведения в конфликте с личностными особенностями педагогов с помощью корреляционного анализа позволило нам составить психологические типы педагогов, склонных к тому или иному стилю поведения в конфликте. Так к соперничеству склонны аффективно-властные и авторитарные педагоги. Активно-демонстративные, стремящиеся к самосовершенствованию педагоги предпочитают сотрудничество. Стилль компромисс могут использовать демократично-скромные, эмоционально-устойчивые, гибкие педагоги. Избегание характерно для педагогов, главными ценностями которых выступают безопасность, интерес и полезность своей профессиональной деятельности. Приспособление выбирают эмоционально-чувствительные педагоги, стремящиеся к получению удовольствия от жизни и сохранению традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я., Шиилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2013. — 512 с.
2. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
3. Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / Под общ. ред. В. И. Белопольского. М., 2002.
4. Жмурин И. Е. Личностные детерминанты супружеского конфликта (психоаналитический подход): автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / НАЧОУ ВПО Современная гуманитарная академия. — Москва, 2012. — 42 с.
5. Киреева Л. Е. Ташева А. И. Личностные детерминанты супружеских конфликтов «в двухкарьерных» и «не карьерных» браках / Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. — 2012. — № 6. — С. 143–151.
6. Константинов В.В., Лычагина С. В., Прокофьева В. А. Личностные детерминанты стратегий поведения в конфликте курсантов военного вуза // Вестник Псковского Государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. № 4. 2016.
7. Лобза О.В., Алешина Н. А. К постановке проблемы исследования социально-психологических детерминант конфликтного поведения // Образование и наука в России и за рубежом. — 2019. — № 3 (51) — С. 122–128.
8. Сульчинская Э. Э. Личностно-профессиональные детерминанты ценностно-мотивационного конфликта преподавателей высшей школы: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / ФГБОУ «Московский педагогический государственный университет». — Москва, 2018. — 22 с.
9. Фрондзей С. Н. Личностные детерминанты конфликтов в неофициальном молодежном браке: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону, 2009. — 18 с.
10. Черняева Т. В. Индивидуально-психологические детерминанты конфликтного поведения студентов вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / ГОУ ВПО Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. — Ярославль, 2008. — 28 с.

© Лобза Ольга Валерьевна (o.lobza@odin.mgimo.ru), Алешина Наталья Александровна (aleshina.n@odin.mgimo.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

ETHNO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF YOUTH IDENTITY WITH THE CITY

L. Makhakova

Summary. The object of the study is the identity with the city among regional youth. Subject: psychological aspects of youth identity in different ethnic groups. Purpose: to determine the psychological basis for identification with the city of residence among young people, as well as the structure of identity with the city in its various ethnic groups.

A modified identification scale with the city developed by M. Lalli was the methodological toolkit. For statistical data processing, the Friedman analysis of variance by Chi-square criterion was used.

The results of the work contribute to the search for the psychological foundations of the rooting of young people in their cities in order to minimize the internal migration of the able-bodied young urban population, set their development and prosperity, and implement their personal and professional plans.

Keywords: identity; "Identity with the city"; "Urban identity"; "City identity"; "Scale of identification with the city of M. Lalli"; ethnos; young people.

Махакова Лариса Сырендоржиевна

К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский
государственный университет технологий
и управления (г. Улан-Удэ)
mahakova@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования является идентичность с городом среди региональной молодежи. Предмет: психологические аспекты идентичности с городом у молодежи в разных этнических группах. Цель: определить психологические основания для идентификации с городом проживания среди молодежи, а также структуру идентичности с городом в разных ее этнических группах.

В качестве методического инструментария выступила модифицированная шкала идентификации с городом разработанная М. Лалли. Для статистической обработки данных использовался дисперсионный анализ Фридмана по критерию Хи-квадрат.

Результаты работы способствуют поиску психологических оснований укорененности молодежи в своих городах, с целью минимизации внутренней миграции трудоспособного молодого городского населения, установки на его развитие и процветание, реализацию в нем личных и профессиональных планов.

Ключевые слова: идентичность; «идентичность с городом»; «городская идентичность»; «идентичность города»; «Шкала идентификации с городом М. Лалли»; этнос; молодежь.

Постановка проблемы

Россия является полиэтническим государством, ввиду чего в отечественной психологической науке всегда отмечался повышенный интерес к темам, имеющим этнические основания. Множество субэтносов, проживающих в нашей стране объединены определенной территориальной зоной, систематизированными знаниями о ней, приемами жизнеобеспечения. В следствие чего на протяжении последних нескольких лет отдельное внимание уделяется исследованиям в области этнопсихологической обусловленности [3, 9].

Данный интерес вызван потребностью закрепления индивида в своем городе, установкой на его развитие и процветание, реализацию в нем личных и профессиональных планов. На государственном уровне осуществляются федеральные программы укрепления таких регионов и городов. Например, в 2018г республика Бурятия и Забайкальский край были присоединены к Дальневосточному федеральному округу, что позво-

лило жителям данных территорий пользоваться рядом дополнительных предпочтений. Однако процессы урбанизации, включающие вопросы внутренней миграции наиболее мобильного, трудоспособного молодого населения из «провинциальных» городов в города миллионники поднимают проблему не только государственного регулирования, но и поиска психологических оснований с целью укоренения молодых людей, проживающих в различных регионах РФ. В качестве таких оснований могут выступать этнопсихологические аспекты изучения идентичности с городом среди молодежи [4, 8], их внутренней потребностью находиться среди «своих».

Феноменология понятия

В начале работы необходимо обозначить феноменологию понятия «идентичность с городом», поскольку существует ряд синонимических терминов, таких как «городская идентичность», «идентичность с местом проживания», «идентичность города», «топологическая идентичность», «идентичность с местом» и другие. В еди-

ном семантическом поле расположены понятия «идентичность города», «идентичность с городом» и «городская идентичность».

Дягилева Н.С. под идентичностью города понимает представление о городе, раскрывающее его сущность, специфику, особенности, сходства и различия с другими городами [1].

Исследователи феномена городской идентичности соотносят ее с частью социальной идентичности в рамках различных теоретических направлений. Так положение о субъективизации городской среды как важном условии адаптации в ней человека изложено в когнитивно-феноменологических исследованиях [11, 13]. Представители символического интеракционизма высказываются в поддержку социальной дифференциации, позволяющей индивиду отделять «среду», «других» и «самого себя» [6].

Групповая идентификация человека с жителями данного конкретного города, противопоставляя себя жителям других городов есть результат городской идентичности [7].

Социально-психологическую основу подразумевает под собой идентичность с городом, являющаяся частью индивидуальной идентичности. Восприятие города находит свое отражение в контексте личной биографии человека и определяется критериями места жительства и рождения, наличием жилья, временем проживания, широтой социальных связей, субъективной удовлетворенностью социально-экономическими ресурсами и т.д. [12].

По мнению М. Lalli процесс идентификации себя с городом реализует функцию поддержания положительной, конструктивной идентичности своего носителя. Это преимущественно выражается в символических характеристиках, приписываемых своему городу, например, «уютный», «чистый», «гостеприимный», тогда как другие города в перцептивной картине индивида представляются как «не уютные», «грязные» и «закрытые» [14].

Таким образом центральным компонентом является отражение субъективной системы социальных отношений, в результате ассимиляции личного опыта социального взаимодействия, что не позволяет ставить это понятие в ряд феноменов социальной идентичности [10].

В качестве *объекта* исследования выступает идентичность с городом среди региональной молодежи.

Предмет: психологические аспекты идентичности с городом у молодежи в разных этнических группах.

Цель: определить психологические основания для идентификации с городом проживания среди молодежи г. Улан-Удэ, а также структуру идентичности с городом в разных ее этнических группах.

Методика исследования

Методика включает модифицированную под цели исследования шкалу идентификации с городом М. Lalli. Представленные в методике шкалы интерпретируются с позиции личного опыта освоения человеком городского пространства.

Методика состоит из пяти шкал, каждая из которых включает 4 критерия (см. табл. 1). При этом в каждой из анализируемых шкал предложены критерии позволяющие определить структуру идентичности с городом в разных ее этнических сегментах, а также найти основания для идентификации с городом.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью дисперсионного анализа Фридмана по критерию Хи-квадрат (для анализа и сравнения зависимых переменных).

Исследование является логическим продолжением изучения психологических оснований идентичности с городом среди молодежи результаты которого опубликованы в научном рецензируемом издании [5]. Данный этап проводился в 2019 гг. в г. Улан-Удэ, респ. Бурятия. Объем выборки составил 300 чел., представителей русского, бурятского и других этнических групп, проживающих более 10 лет в столице республики, в возрасте от 18 до 30 лет обеих гендерных групп.

Анализ результатов

Осуществлялся по нескольким основаниям: во-первых, по тональности: положительная, отрицательная, нейтральная тональность (оценочные суждения от 1 до 5); во-вторых, по пяти критериям (внешняя ценность, общая привязанность, связь с прошлым, восприятие близости, целеполагание) каждый из которых состоит из 4 шкал (итого 20 шкал); в-третьих, отдельно по каждому этническому сегменту (русские, буряты, представители других этнических групп); в-четвертых, в целом по всей выборочной совокупности.

Так *буряты* преимущественно демонстрируют нейтрально-отрицательную тональность идентичности с городом (≤ 3). Максимальные показатели по критериям «общая привязанность» и «внешняя ценность». Наблюдается переход от общей привязанности к внешней ценности пропорционален возрасту, т.е. чем старше ре-

Таблица 1. Модифицированная методика идентичности с городом M. Lalli

		1	2	3	4	5
I. Внешняя ценность:						
1	Жителям других городов мой город кажется престижным					
2	В сравнении с другими городами в моем городе много представителей моего этноса					
3	Мой город можно смело рекомендовать туристам					
4	В моем городе проживает больше представителей моей этнической группы, чем в других городах					
II. Общая привязанность:						
5	Я испытываю родственные чувства по отношению к своему городу					
6	Я воспринимаю себя как жителя моего города (например, «москвича»)					
7	В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома, потому что здесь много представителей моего этноса					
8	Мой город — это часть моего этноса					
III. Связь с прошлым:						
9	Я не могу представить своей жизни в другом городе, потому что здесь живут представители моего этноса					
10	Многие вещи в этом городе напоминают мне о моей этнической принадлежности					
11	Меня так много связывает с этим городом, что я теснейшим образом привязан к нему					
12	Я знаю свой город так хорошо, что узнаю его на фотографии любой давности					
IV. Восприятие близости:						
13	Когда я прохожу по улицам своего города, я очень остро чувствую, что принадлежу ему					
14	Этот город по-настоящему близок мне					
15	Этот город крайне важен в моей повседневной жизни, поскольку здесь живут представители моего этноса					
16	Я испытываю сильную этническую связь со своим городом					
V. Целеполагание:						
17	Я хотел бы остаться в этом городе, потому что здесь живет мой народ					
18	Мой город играет значительную роль в моих планах на будущее					
19	Мое будущее в этом городе тесно связано с моим этносом					
20	Предстоящие изменения в городе окажут положительное влияние на мою жизнь					

спондент, тем выше ценностный критерий. Минимальные показатели по критерию «целеполагание».

По содержательным характеристикам: максимальная степень близости ($p \leq 1$) по шкалам «Я воспринимаю себя как жителя моего города», «В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома, потому что здесь много представителей моего этноса», «Многие вещи в этом городе напоминают мне о моей этнической принадлежности».

Минимальные показатели по шкалам «Мое будущее в этом городе тесно связано с моим этносом», «Я не могу представить своей жизни в другом городе, потому что здесь живут представители моего этноса» ($p \geq 1$).

Русские высокие показатели демонстрируют по критериям «общая привязанность» и «восприятие близости», при минимальных значениях по критерию «целеполагание».

Шкалы «Я воспринимаю себя как жителя моего города», «Я знаю свой город так хорошо, что узнаю его на фотографии любой давности» набрали максимальное количество баллов ($p \leq 1$). Тогда как минимальные показатели по шкалам «Мое будущее в этом городе тесно связано с моим этносом», «Мой город играет значительную роль в моих планах на будущее» ($p \geq 1$).

В целом для респондентов русской этнической группы характерна нейтрально-отрицательная тональность (≤ 3).

Особый интерес представляют результаты представителей *других этнических групп* (армяне, азербайджанцы, монголы, китайцы и другие) проживающие более 10 лет в городе Улан-Удэ. Разброс тональности от отрицательной до нейтрально-положительной пропорционально возрасту респондентов. Необходимо отметить что это единственная группа, которая выбрала положительную тональность.

Максимальную степень близости демонстрируют по критериям «общая привязанность» и «связь с прошлым». Минимальные значения по критериям «целеполагание» и «восприятие близости».

В целом по данной выборке высокие значения по шкалам «В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома, потому что здесь много представителей моего этноса» и «Многие вещи в этом городе напоминают мне о моей этнической принадлежности» ($p \leq 1$).

Низкие показатели по шкалам «Я хотел бы остаться в этом городе, потому что здесь живет мой народ» и «Я испытываю сильную этническую связь со своим городом» ($p \geq 1$).

Сравнительный анализ данных показал:

- ♦ доминирование критерия общей привязанности при низком целеполагании по всей выборке в структуре идентичности с городом. При этом самые низкие показатели «целеполагания» демонстрируют русские, при максимальной оценке общей привязанности. Более того представители русской этнической группы не выделяют этнический фактор при выборе ни по одному из критериев, что вероятно объясняется численным доминированием этноса на территории РФ. Данное суждение в ходе дальнейших исследований требует дополнительной доказательной базы;
- ♦ по минимальному критерию «целеполагание», самые высокие значения наблюдаются у представителей других этнических групп. Также, как и критерий «связь с прошлым» выше, чем у традиционных доминирующих этносов анализируемого региона;
- ♦ структура идентичности складывается следующим образом: общая привязанность, связь с прошлым, внешняя ценность, восприятие близости и целеполагание;
- ♦ максимальные значения по шкалам «Я воспринимаю себя как жителя моего города» и «В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома, потому что здесь много представителей моего этноса». Минимальные «Мое будущее в этом городе тесно связано с моим этносом», «Мой город играет значительную роль в моих планах на будущее»;
- ♦ русские и буряты в качестве ведущего выделяют шкалу «Я воспринимаю себя как жителя моего города». Вторым по релевантности для русской этнической группы является «Я знаю свой город так хорошо, что узнаю его на фотографии любой давности», а у бурят «В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома, потому что здесь много представителей моего этноса», «Многие вещи

в этом городе напоминают мне о моей этнической принадлежности»;

- ♦ для других этногрупп максимальный показатель по шкале «В своем городе я чувствую себя по-настоящему дома, потому что здесь много представителей моего этноса», «Многие вещи в этом городе напоминают мне о моей этнической принадлежности», «Предстоящие изменения в городе окажут положительное влияние на мою жизнь».

Таким образом в заключение делаются следующие основные **выводы**:

1. Этническая принадлежность значимый фактор идентичности с городом для молодежи не государствообразующей национальной культуры [2]. Но он не является для них доминирующим, равно как и представление о развитии города и планирование своего будущего, как тесно связанного с ним, не являются важными основаниями идентификации с городом. Молодые люди, принявшие участие в исследовании, воспринимают свой город с точки зрения эмоционально-утилитарного отношения — чувства «привычности», родства, безопасности. Этническая принадлежность детерминирует идентичность с городом в контексте общей привязанности и связи с прошлым.
2. Самый большой разброс значений в интервале по шкале «Целеполагание», может свидетельствовать о субъективно переживаемом кризисе идентичности с городом. Так молодые люди проживая в своем национальном регионе/городе в большинстве случаев не воспринимают этнический фактор как доминирующий для построения дальнейших планов в нем (буряты), однако демонстрируют психологическую готовность связать свое будущее с другим городом где в качестве условия выступает проживание и укорененность в этом городе представителей «своей» этнической группы. В данном случае идентичность с городом выступает с позиции внешней привлекательности, а не эмоциональной привязанности.
3. В целом нужно отметить, что молодежь г. Улан-Удэ демонстрирует нейтральную (в сторону отрицательной) идентичность с городом, что свидетельствует об острой необходимости разработки вертикальной (государственной/административной) программы (стратегии) по повышению идентичности, в частности на основе поиска психологических оснований. В качестве таких оснований может выступать эмоционально-личностная сфера, выражающаяся чувствами общей привязанности, родства, близости, связи с субъективно-переживаемым прошлым. И на их основе формирование у молодежи будущих целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дягилева, Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности / Н. С. Дягилева // Бренддинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. — Екатеринбург: УрФУ, 2013. — С. 54–59.
2. Карабущенко, Н.Б., Хворова, Е. М. Этнопсихологические особенности жителей Российской Федерации / Н. Б. Карабущенко, Е. М. Хворова // — Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopsihologicheskie-osobennosti-zhiteley-rossiyskoy-federatsii/viewer>. — Дата обращения 16.01.2020
3. Кауненко, И.И., Каунова, Н.Г., Иванова, Н. В. Идентичность в системе этнопсихологического и этнологического знания / И. И. Кауненко, Н. Г. Каунова, Н. В. Иванова // — Кишинев: Институт культурного наследия, 2015. — 200с.
4. Кузьмин, А. В. Идентичность: к анализу теоретико-методологических проблем в социальной науке / А. В. Кузьмин // Современный социум: проблемы адаптации в новых условиях жизнедеятельности: сб. ст. регион. науч.-практ. конф. Часть 1. — Улан-Удэ — Москва: МГИ, 2002. — С. 33–39.
5. Махакова, Л. С. Гендерные особенности идентичности с городом среди молодежи / Л. С. Махакова // Психолого-педагогический поиск. — 2018. — № 3 (47). — С. 162–167.
6. Меньжурова, А. Б. Методологические основы исследования региональной идентичности / А. Б. Меньжурова // Сборник научных трудов. Серия: Общественные науки. Выпуск 17. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. — С. 288–295.
7. Микляева, А.В., Румянцев, П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. — М.: Речь, 2011. — 160 с. 5.
8. Муравьева, О.И., Литвина, С.А., Богомаз, С. А. Средовая идентичность: содержание понятия / О. И. Муравьева, С. А. Литвина, С. А. Богомаз // Сибирский психологический журнал. — 2015. — № 58. — С. 136–148.
9. Муравьева, О.И., Литвина, С.А., Кружкова, О.В., Богомаз, С. А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов / О. И. Муравьева, С. А. Литвина, О. В. Кружкова, С. А. Богомаз // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2017, № .1, С. 63–80
10. Озерина, А. А. Городская идентичность как социально-психологический феномен [Текст] / А. А. Озерина // Вестник Волгоградского государственного университета. — Сер. 7, Филос. 2016. № 4 (34) —139
11. Семенова, Д. М. Формирование городской идентичности в малых городах России / Д. М. Семенова // СИСП. — 2015. — № 6 (50). — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-gorodskoy-identichnosti-vmalyh-gorodah-rossii>
12. Стефаненко Т. Г. Социальная психология этнической идентичности [Текст] /Т.Г. Стефаненко // дисс. ... докт.психол.наук. М: 1999. — 529с.
13. Эрдынеев, Б. Ю. Имидж региона в системе региональной идентичности [Текст] / Б. Ю. Эрдынеев // Вестник ТОГУ. Серия: Социология и психология. № 1(24). — Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2014. — С. 288–295.
14. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. — 1992. — Vol. 12 (4). — P. 285–303. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](http://dx.doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7)

© Махакова Лариса Сырендоржиевна (mahakova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ¹

Чернов Александр Юрьевич

Д.псих.н., с.н.с., Волгоградский государственный университет
achernov1@yandex.ru

MEANING DETERMINANTS OF THE RECONSTRUCTION OF THE IDENTITY OF MIGRANTS²

A. Chernov

Summary. Based on an analysis of group and individual non-standardized interviews, the article describes categories that reflect the differentiated aspects of the semantic significance of distressors when migrant Muslims adapt to their new sociocultural environment. From a substantive point of view, the identified categories are correlated with the target, self-evaluating, normative and activity aspects of the meaning sphere of personality.

Keywords: immigration stress, semantic sphere of personality, life goals, self-efficacy, value orientations, coping strategies, religious identity.

Аннотация. В статье на основе анализа групповых и индивидуальных не-стандартизированных интервью описаны категории, отражающие дифференцированные аспекты смысловой значимости дистрессоров при адаптации мусульман-мигрантов к новой для них социокультурной среде. С содержательной точки зрения, выявленные категории соотносятся с целевыми, самооценочными, нормативными и деятельностными аспектами смысловой сферы личности.

Ключевые слова: иммиграционный стресс, смысловая сфера личности, цели жизни, самоэффективность, ценностные ориентации, копинг-стратегии, религиозное самосознание.

Феномен иммиграции получает объяснение на разных уровнях обобщения. На «макроуровне» представлены результаты межнациональных и кросс-культурных исследований. На микроуровне разрабатываются теории, формулирующие ответы на частные, конкретные вопросы, связанные с миграцией. Мезоуровень предоставляет возможность интеграции существующих моделей микроуровня. На каждом из этих уровней обобщения специфическим образом решается вопрос о путях и способах адаптации мигрантов к новой для них социокультурной ситуации [1;2; 6;7]. При этом общепризнанным является утверждение, что процессы ассимиляции и аккультуризации требуют реконструкции идентичности человека [3; 4; 5; 8]. Реконструкция идентичности, в свою очередь предполагает активизацию самосознания, в частности с его смысловое содержание.

Интенциональные и ценностные компоненты смысла делают его инструментом адаптации, осуществления контроля над миром, саморегуляции и референтности. Смысл позволяет людям предсказывать и контролировать свою персональную и социальную среду и трансформировать жизненный опыт [10;11].

Феномен смысла поликомпонентен. Его структуру составляют, с одной стороны, убеждения, цели, субъективное переживание осмысленности жизни, обобщаемые в понятие «глобальный смысл». С другой стороны, можно говорить о наличии «повседневного смысла», который составляют интерпретации человеком текущих событий его жизни, его стремления и планы, а также удовлетворенность жизнью и позитивный эмоциональный настрой. Названные компоненты смысла комплиментарны: глобальный смысл предо-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области. Грант 19-413-340015 «Особенности самосознания мусульман-мигрантов, проживающих на территории Нижнего Поволжья»

² This article was prepared with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Volgograd Region Administration. Grant 19-413-340015 "Peculiarities of the Identity of Muslim Migrants Living in the Lower Volga Region"

пределяет содержание взглядов человека на повседневность, и, в свою очередь, находится под влиянием этих взглядов. Когда глобальный и повседневный смысл находятся в «равновесии», человек не испытывает дискомфорта и потребности в «поиске смысла», влекущей деконструкцию идентичности. Система смыслов человека дестабилизируется под влиянием дистресса. Повседневные события и ситуации, интерпретируемые как трудные, сказываются на стремлениях и планах человека, вызывают изменения в характере и качестве его субъективного благополучия [14;15].

Эти теоретические положения позволяют сформулировать предмет нашего исследования: психологические детерминанты реконструкции смысловой сферы мигрантов под влиянием стресса, вызванного необходимостью адаптации к новой для них культурной среде. Стрессы иммигрантов при переселении подробно документированы в научной литературе. Некоторые из них связаны с травмой драматических эмиграционно-иммиграционных процессов, другие происходят из-за культурного шока, переживаемого оказавшимся в чужой среде человека, где язык, социальные структуры, нормы, ожидания и ценности радикально отличаются от тех, которые раньше были основополагающими. Меняются привычные ролевые отношения и уже установленные модели межличностного взаимодействия.

Вместе с тем, психологический анализ реконструкции смысла предполагает не просто перечисление негативных явлений, с которыми сталкиваются мигранты. Следует учесть, что в обыкновенных повседневных событиях люди точно также пытаются отыскать смысл, как они делают это в отношении жизни в целом. Иными словами, поиск смысла повседневных событий и жизни в целом обусловлен одними и теми же факторами. Идентификация и описание этих факторов являются целью нашего исследования.

В данной статье представлены результаты качественного этапа исследования. В нашем понимании в качественном исследовании проявлены свойства гуманитарной модели научного познания и используются эмпирические данные, имеющие текстовый (лингвистический) характер. Для их обработки применяются в разной степени стандартизированные приемы интерпретации с целью анализа и обобщения значений и смыслов, конструируемых людьми в отношении себя, своей социальной ситуации и социальной активности.

Среди групп методов качественного исследования нами выделяется группа методов «персонального ассесмента», предназначенных для изучения спо-

собов организации различных аспектов жизненного опыта человека. [9]. Частным методом «персонального ассесмента» является метод самоописаний. Цель использования самоописаний состоит в получении информации о различных аспектах личностной идентичности. Самоописания (или повествования о себе самом) это истории, рассказанные в определенных временных рамках с использованием специфического языка и с учетом специфических образцов принятых убеждений и ценностей. Материал для самоописаний предоставляет сама динамика жизни и происходящие в ней изменения. Конструирование жизненной истории происходит в ходе ретроспективного пересмотра, выбора и актуализации произошедших событий таким образом, чтобы появилось последовательное самописание, отражающее актуальные условия жизни человека.

Самоописания были собраны в ходе неструктурированных индивидуальных и групповых интервью. Всего было проведено 8 индивидуальных и 6 групповых интервью. Для определения их достаточного количества использовалось правило «смыслового насыщения», состоящее в том, что дополнительная работа по сбору данных не требуется, если в уже имеющемся материале наблюдается большое количество повторов обсуждаемых тем, событий, ситуаций.

Респондентами в исследовании выступали мигранты из стран ближнего зарубежья, идентифицирующих себя как представители мусульманского вероисповедания, и проживающих на момент проведения исследования на территории Нижнего Поволжья (Волгоград, Астрахань). С учетом этого инвариантного требования применялась максимально вариативная выборка респондентов, предполагающая, что к участию привлекаются люди с максимально различным опытом. Поэтому респондентами были люди разного возраста (от 20 до 50 лет), уровня образования (студенты высших учебных заведений, сезонные рабочие), иммиграционного статуса (постоянная или временная миграция), пола. Такой подход к формированию выборки позволил на этом этапе исследования получить лингвистический материал, полно и разнообразно отражающий репрезентацию респондентами проблем, с которыми они сталкиваются в непривычной для них социальной ситуации. Сценарий интервью строился вокруг обсуждения этих проблем. Респонденту предлагалось вспомнить 2–3 ситуации из своей жизни после переезда, которые он считает стрессовыми. После этого обсуждались следующие вопросы: «Почему этот случай выделяется из обычных обстоятельств? Упомяните людей, которые имели к ним отношение, ситуацию, в которой они произошли, ваши переживания. Оказал ли они влияние на Вашу жизнь? Измени-

лись ли Вы после этих эпизодов? Как Вы «управляете» своей жизнью, боретесь со стрессом? Какую роль при столкновении с трудностями, их преодолением играет Ваша религиозная ориентация, степень Вашей религиозности».

При анализе полученного лингвистического материала мы исходили из того, что каждая его часть с точки зрения «автора» текста заключает в себе ту или иную его точку зрения и, следовательно, является предметом интерпретации с целью понимания. Тогда анализ качественных данных всегда обращен к их смысловым аспектам, а результат аналитической работы представлен в виде категорий и взаимосвязей между ними. Начальные категории близки исходному тексту, в основном включают понятия, непосредственно употребляемые респондентом. Для последовательного увеличения степени обобщенности использовались техники «герменевтического круга» ««постепенного насыщения смысла», «прогрессивная категоризация». Эти техники предполагают, что внимание сосредоточено на обнаружении взаимосвязей между отдельными фрагментами текста и объединением их в более крупные смысловые единицы. Каждая такая единица имеет собственное значение и представляется как категория.

Собранный в ходе индивидуальных и групповых интервью лингвистический материал включает в себя большое количество высказываний, так или иначе отражающих содержание дистрессоров, дестабилизирующих смысловую сферу. Их описание респондентами связано с упоминанием различных сфер жизни: ностальгию по привычному и утраченному образу жизни, тревожность по поводу необходимости осваивать новый для себя стиль жизни, трудности, возникающие в быту и во взаимоотношениях с окружающими людьми и т.д. Однако простое перечисление дистрессоров, не являясь новым, к тому же не открывает имплицитные манифестации смысловой наполненности процессов адаптации и реконструкции идентичности мигрантов. Оно лишь отправная точка для интерпретации с целью очертить границы разделяемого субъектами исследования понимания событий и людей. Только в этом случае достигается понимание «единства жизненных проявлений» (В. Дильтей), в отличие от искусственно выбранных частных случаев.

С этой точки зрения, основным результатом нашего исследования можно считать полученные категории, отражающие дифференцированные аспекты смысловой значимости дистрессоров.

Первая из выявленных категорий отражает соотношение между субъективными целями и пережива-

нием их достижения. Целевая составляющая смысла наиболее близка к обыденным представлениям о смысле жизни. Иметь цель жизни, значит обладать пониманием причины существования, независимо от того, выбрана эта причина самим человеком, продиктована обществом или установлена Божественным промыслом. Люди имеют смысл жизненных целей, когда они чувствуют, что их текущее поведение связано с результатами, к которым они стремятся в будущем.

Внутреннее содержание категории целей, как показывает интерпретация высказываний респондентов, имеет несколько аспектов. Во-первых, стремление к объективным целям сопряжено с планированием своих действий. В этом случае отдаленной цели придается положительный смысл, состоящий в том, что усилия направлены на достижение успеха в будущем. Это стремление к переживанию в будущем определенных состояний формирует интерпретацию людьми происходящих с ними событий. Во-вторых, во многих случаях обнаруживается стрессогенный разрыв между ожидаемыми результатами миграции и переживанием реальной завершенности и «выполненности» поставленных задач. Негативная рефлексия собственных достижений фрустрирует постановку новых целей, блокирует ожидания позитивных событий в будущем. При этом можно утверждать, что когда негативные события жизни заставляют усомниться в надежности и предсказуемости мира, цель как смысл не рассматривается относительно текущей ситуации человека, а, скорее, осознается как вероятное в будущем положение дел. И положительные, и отрицательные события встроены в когнитивную структуру, раскрывающую то, как должна разворачиваться жизнь.

Вторая категория обозначает восприятие мигрантами возможности осуществлять контроль над происходящими событиями. С содержательной точки зрения, эта категория раскрывается через понятие самоэффективности.

Самоэффективность соотносится с целью. Цель отражает потребность увидеть свои действия в связи с будущими результатами. Самоэффективность подразумевает, что человек может достичь или добиться этих результатов. Репрезентации респондентами эффективного поведения позволяет увидеть, как удерживается важная информация о шагах, необходимых для достижения поставленных целей. Эта информация, с одной стороны, отражает важность вовлеченности во взаимоотношения, которые, скорее всего, будут успешными. Это обеспечивает чувство стабильности, предсказуемости и контроля во взаимоотношениях. С другой стороны, по сравнению с людьми, чьи попытки адаптации были неудачными, те, кто добивался

успеха, с большей долей вероятности включали в свои повествования описание собственного самоконтроля и ответственности за результаты. Можно предположить, что люди, достигшие целей или состояний, к которым они стремились, формулируют новые цели как средство сохранения чувства перспективы в их жизни. Описания неудач свидетельствуют о высоком уровне экстернальной атрибуции и содержат утверждения, свидетельствующие о трудностях адаптации.

Стрессогенное содержание этой категории выражено в двух направлениях. Первое состоит в акцентировании дефицита доступности средств для преодоления трудностей в новой для них среде, по сравнению с теми, которыми они располагали в привычной для них обстановке; второе — в конструировании иллюзий непреодолимости трудностей и, соответственно, низкой самоэффективности.

Третья категория относится к сфере ценностей, главной из которых, в данном случае, является ценность принятия ответственности за происходящие события. Девальвация этой ценности выражается, как стремление преуменьшить значимость последствий своих действий, готовность принять статус «жертвы». В самоописаниях респондентов явно проявляется желание рассматривать свои действия как морально оправданные и положительные. Человек хочет увидеть свои совершенные действия, как морально оправданные. В этих случаях респонденты излагают последовательность событий способами, которые освобождают их от ответственности за отрицательные результаты. Как способ восстановить смысл, рассказчики разрабатывают истории, которые маскируют их ошибки и обеспечивают чувство морального превосходства. Реструктурирование памяти предоставляет людям возможность укрепить Я-концепцию или утвердиться во мнении, что их действия хороши и соответствуют обычным представлениям о том, «что такое хорошо, и что такое плохо». В некоторых описаниях проявляется стремление представить себя жертвой обстоятельств, непрекращающихся попыток добиться расположения. Принятие статуса жертвы обеспечивает, своего рода, моральную неприкосновенность. Роль жертвы имеет преимущество получения симпатии от других, и таким образом предотвращает вероятность морального осуждения.

Четвертая категория — это категория способов копинга. Среди упоминаний о том, какие избираются способы преодоления трудностей, связанных с пребыванием в новой для них среде, иммигранты упоминают: (а) нахождение смысла пережитого опыта, что примерно соответствует удовлетворению потребности в наличии цели жизни; (б) сохранение контроля

над средой; (в) поддержание чувства собственного достоинства посредством повышения самооценки, что включает восприятие своих действий только с положительной стороны. Угрозы самооценке становятся очевидными из-за неудач в выстраивании продуктивных межличностных отношений, из-за угрозы отвержения, подразумевающей, что тот, кого отвергают, не достоин чьего — либо внимания или привязанностей. Отвержение становится причиной низкого уровня собственного достоинства. Отдельно следует упомянуть и малопродуктивные стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями. В этот перечень входят, например, «идущее вверх сравнение», предпочтение репутативных тактик самопрезентации, регрессия, использование, преимущественно, экстернального локуса контроля.

Таким образом, можно говорить, что выявленные категории являются детерминантами процессов формулирования и переформулирования смысла. Их функция состоит в уменьшении противоречий между принятым значением специфического жизненного события и своими глобальными и повседневными убеждениями и целями. Важным дополнением к полученным результатам, с нашей точки зрения, целесообразно считать их интерпретацию с точки зрения роли в смыслообразовании элементов религиозного самосознания [12;16]. Участниками исследования были люди, идентифицирующие себя как представители мусульманского вероисповедания. В ходе интервью их просили дать субъективную оценку уровня их собственной религиозности в соответствии с условной 10-ти бальной шкалой и прокомментировать эту оценку. Респонденты характеризуются средним уровнем религиозности (от 5 до 7 баллов). Некоторые регулярно (если это возможно в том месте, где они в настоящий момент проживают) посещают мечеть, соблюдают положенные ритуалы. Другие практикуют менее формализованные средства для поддержания своей религиозной идентичности.

В любом случае, нельзя не заметить, что религиозная идентичность прочно связана с системой ценностей человека, на то, какой смысл он приписывает повседневным событиям. Религиозная идентичность включена в ряд способов копинга и играет большую роль в переоценке событий, взгляда на них с иной, менее стрессогенной точки зрения, или в изменении глобальных убеждений и целей с те, чтобы приспособить их к пониманию того, что происходит. Этот вывод соотносится, например, с мнением К. Pargament, который описывая силу религии в трансформации смысла событий, отмечал, что «...когда сакральное вторгается в повседневные жизненные события, то, что казалось беспорядочным, бессмысленным, трагическим, меня-

ется на что-то другое — на возможность более полно оценивать жизнь, на шанс соединиться с Богом, на вызов помочь росту других людей, на попытки противостоять злу» [13]. С нашей точки зрения, можно назвать две причины, по которым религиозная идентичность и субъективная оценка уровня религиозности значимы для реконструкции смысловой сферы в условиях кризиса адаптивности. Во-первых, для большинства людей религия является частью их глобальных убеждений и целей, которые могут подвергаться опасности со стороны травмирующих событий. Во-вторых, религия дает возможность понимать и переинтерпретировать ценности (смыслы) возникающих трудностей и препятствий и видеть способы, к которым прибегает Бог, чтобы помочь справиться с ними. Для людей переживающих несправедливость, страдания, травму, религиозная вера и ассоциируемые с ней цели являются бесприкрытым средством для конструирования смысла жизни.

Человеческая жизнь наполнена смыслом. Во многих отношениях смысл проникает в повседневную жизнь человека и делает ее управляемой. С другой стороны, люди регулярно заботятся о сохранении смысла, настолько, что его утрата может вызвать беспокойство и депрессию. Люди ищут смысл происходящего с ними, потому что это помогает им организовать их социальный мир, прогнозировать будущие взаимодействия в их среде, ориентировать свое поведение вокруг цели, и защиты от экзистенциальной тревоги. При этом существует глубокая связь между тем, как люди оценивают значение обычных повседневных событий и восприятием смысла жизни. Оценка рутинных ситуаций или событий, несмотря на то, что часто происходит спонтанно и состоит в сравнении теку-

щего положения дел с типичным или привычным образом, неизбежно мотивирует цели или намерения человека и направляет ресурсы его саморегуляции, влияет на содержание я-концепции. При столкновении с обстоятельствами, требующими новых инвестиций в адаптацию к ним, в смысловой сфере неизбежно происходят процессы трансформации целеполагания, восприятия собственной эффективности, ценностей и стратегий совладания. Успешная трансформация придает ощущение смысловой согласованности. Когда люди сталкиваются с переживаниями, которые служат сигналом утраты смысла, они прилагают усилия для его подтверждения или восстановления. Люди мотивированы воспринимать свою жизнь как наполненную смыслом, с тем, чтобы их опыт соответствовал культурным стандартам.

Религия часто дает ответы на некоторые вопросы, связанные со смыслом жизни, выступая силой в регулировании эмоциональных состояний человека, например, в преодолении несчастий, в сохранении веры в высшие ценности, в поддержке моральных ценностей, помогающих людям управлять своим поведением. Акцент на религиозной принадлежности позволяет рассматривать религиозные идеи в качестве основы для функционирования социальных групп. Религия помогает людям жить и работать вместе, что является главной задачей культуры. Религиозный человек способен объяснить события и переживания в контексте окончательного значения и истины. Но не менее важным является чувство принадлежности к сообществу людей, которые согласны с этими объяснениями. Члены религиозного сообщества могут говорить друг с другом о событиях, и их интерпретации будут иметь смысл друг для друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов, А. Г. Как встроить мигранта в общество: кризис утраты смысла существования [Текст] / А. Г. Асмолов // Психологи о мигрантах и миграции в России: информационно-аналитический бюллетень. Выпуск 2 / Под ред. Г. У. Солдатовой. — М.: Смысл, 2001. — С. 12–20.
2. Бондырева, С. К. Миграция (сущность и явление). [Текст] / С. К. Бондырева, Т. В.
3. Весна Е. Б. К проблеме формирования этнической идентичности в полиэтническом мире. [Текст] / Е. Б. Весна // Вестник КРАУНЦ. — Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 3–6.
4. Григорьева, М. В. Этнопсихологические особенности удовлетворенности личности жизнедеятельностью [Электронный ресурс] / М. В. Григорьева // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnopsihologicheskie-osobennosti-udovletvorennosti-lichnosti-zhiznedejatelnostyu> (дата обращения: 17.02.2018).
5. Гриценко, В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. [Текст] / В. В. Гриценко. — М.: Ин-т психологии РАН, 2002. — 251 с.
6. Константинов, В. В. Специфика проживания мигрантов и социально-психологические факторы субъективного благополучия представителей принимающего сообщества. [Текст] / В. В. Константинов, Т. В. Лапшина // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 6. С. 67–70.
7. Константинов, В. В. Адаптационный процесс у мигрантов и их психологические характеристики (на материалах Приволжского Федерального округа) [Текст] / В. В. Константинов // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 114–122.
8. Смирнова, С. В. Особенности адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии [Текст] / С. В. Смирнова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. № 42 (259). С. 94–100.
9. Alexander I. E. Personology Method and Content in Personality Assessment and Psychobiography. — Duke University Press, Durham and London, 1990. — p. 4.

10. Baumeister R. F. Meanings of Life. — Guilford Press. — New York. — 1991. P. 7.
11. MacKenzie, M.J., Baumeister, R. F. Meaning in life: Nature, needs and Myths\ In A. Batthyany, P. Russo-Netzer (Eds.), Meaning in positive and existential psychology. — New York, NY: Springer, 2014. — pp. 25–37.
12. Paloutzian R.F., Park C. L. Integrative Themes in the Current Science of the Psychology of Religion\Handbook of the Psychology of Religion and Spirituality. — Ed: R. F. Paloutzian, C. L. Park. — Guilford Press, New York, 2005. —p. 3.
13. Pargament, K.I., Magyar, G.M., Murray-Swank, N. (2005). The sacred and the search for significance: Religion as a unique process\Journal of Social Issues. 2005. — N. 61(4). —p.146–159.
14. Park C. L. Making sense of the meaning literature: An integrative review of meaning making and its effects on adjustment to stressful life events\Psychological Bulletin. — 2010. — N. 136. — pp. 257–301.
15. Proulx T., Inzlicht M. The five “A”s of meaning maintenance: Finding meaning in the theories of sense-making\ Psychological Inquiry. — 2012. — N. 23. P. 317–335.
16. Rounding K., Lee A., Jacobson, J.A, Religion replenishes self-control\ Psychological Science, 2012. — N. 23. P. 635–642.

© Чернов Александр Юрьевич (achernov1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Волгоградский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ РЕБЕНКА

INFLUENCE OF CHILD-PARENT RELATIONS ON THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL PROTECTION OF THE CHILD

E. Sheshenya

Summary. The article substantiates the relevance of the problem of parent-child relationships in the genesis of the formation of the protective mechanisms of the child. The essential characteristics of the studied construct are revealed, its distinctive features are concretized. The factors of family education and the characteristics of parent-child relationships that affect the nature of the psychological protective mechanisms of the child are studied. The features of the impact of paternal and maternal parenting styles, the specifics of their influence on the intensity of the manifestations of child protection are shown.

Keywords: parent-child relationships, psychological protective mechanism, parenting style, mental health, family relationships.

Шешеня Елена Викторовна

Аспирант, Кубанский государственный
университет
freyjaa@mail.ru

Аннотация. В статье дается обоснование актуальности проблемы детско-родительских отношений в генезисе формирования защитных механизмов ребенка. Выявлены сущностные характеристики изучаемого конструкта, конкретизированы его отличительные особенности. Изучены факторы семейного воспитания и особенности детско-родительских отношений, влияющих на характер психологических защитных механизмов ребенка. Показаны особенности воздействия отцовского и материнского стиля воспитания, специфика их влияния на интенсивность проявления защит ребенка.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, психологический защитный механизм, стиль воспитания, психическое здоровье, семейные взаимоотношения.

Влияние семьи и детско-родительских отношений на становление психического здоровья детей научно доказано, а проблема является актуальной, в связи со сложностью изучаемых феноменов, недостаточной изученностью ряда психологических механизмов воздействия семейной системы на личность ребенка.

В настоящее время возрастает количество неполных и дисфункциональных семей, в которых отсутствуют условия для полноценного и гармоничного развития ребенка, связанного с удовлетворением его важнейших физиологических и психологических потребностей. Характер детско-родительских отношений в таких семьях может стать источником психологической травматизации ребенка, как напрямую, так и косвенно, «затрудняя переработку негативных эмоций или повышая чувствительность ее членов к воздействию негативных событий» [4].

Актуальность изучаемой темы связана с необходимостью выявления особенностей детско-родительских отношений, влияющих на становление психологических защитных механизмов ребенка и обуславливающих эффективность их применения в его жизнедеятельности.

Для проведения анализа по проблеме исследования необходимо четко определить сущность изучаемого те-

оретического конструкта «психологический защитный механизм», выделить его значимые характеристики. Итак, изначально данный термин был введен в рамках психоаналитической теории и использовался для обозначения специфического ответа организма на требования и обстоятельства среды; некая особенная реакция, используемая при невозможности обычного ответа (по А. Фрейд). Человек прибегает к защите в случае страха, реальной угрозы или для избежания повышенной тревожности.

В исследованиях Чумаковой Е.В., посвященных генезису психологических защит у детей, мы находим следующую трактовку: «выработанная в онтогенезе и присущая любому человеку стратегия бессознательного искажения аффективных и когнитивных аспектов тех ситуаций, которые несут угрозу сложившейся картине мира» [6]. В научных трудах эксперта данной проблематики Русаевой И.А., психологическая защита понимается как «имплицитная схема реагирования на базовые трудности, впервые примененная при решении прототипной ситуации и, в дальнейшем, неосознанно перенесенная на схожие ситуации, возникающие в онтогенезе» [4,5].

Изучение существенных характеристик данного феномена позволило нам выделить наиболее важные:

1. суть защиты — ответная реакция на стресс, угрожающие ситуации, травматический опыт;

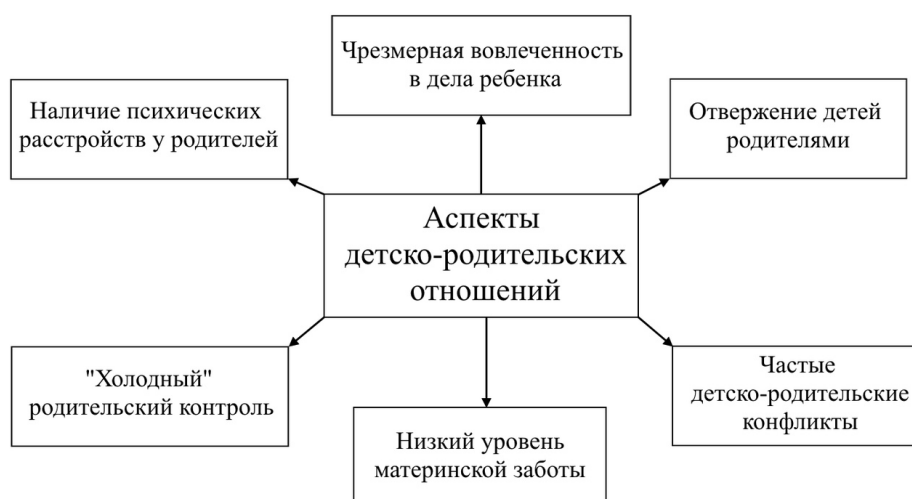


Рис. 1. Негативные аспекты детско-родительских отношений

2. формируемые защитные механизмы чаще всего имеют адаптивное значение;
3. влияние средовых факторов, в том числе детско-родительских отношений, характера и качества коммуникаций в семейной системе на специфику формируемых механизмов;
4. бессознательный характер формируемых защит.

Детство является сензитивным этапом развития личности: по достижению младшего школьного возраста сформированы все инстанции «Я», начинается интенсивное социальное взаимодействие, формирование морального сознания, рефлексивности и внутренней позиции ребенка. Стремление соответствовать запросам взрослых, вписываться в стандарты этического взаимодействия, требуют от ребенка новых форм поведения и эмоционального реагирования, в том числе средств «интрапсихической адаптации» в виде психологических защит. Для того чтобы социализация проходила успешно, у ребенка должны эффективно функционировать психологические защитные механизмы, к ведущим из которых относят: интеллектуализацию, компенсацию, формирование реакций, вытеснение и отрицание.

Таким образом, защитные механизмы выполняют роль «подстройки ребенка» не только к своим переживаниям, но и к требованиям воспитателей, учителей и родителей.

Нами были изучены и обобщены особенности детско-родительских отношений, оказывающих как позитивное, так и негативное влияние на развитие, и функционирование психологических защит ребенка. На рисунке 1 показаны основные негативные аспекты семейных взаимоотношений, влияющих на качество формируемых защитных стратегий ребенка.

Исходя из данных схемы, можно сделать ряд выводов. Во-первых, к базовым факторам психологического благополучия ребенка относят необходимость удовлетворения ряда потребностей: в любви, привязанности, эмоциональной заботе, безопасной (как физически, так и психологически) социальной среде, стабильности взаимоотношений, эмоционально насыщенном общении.

В том случае, если в детско-родительских отношениях отсутствует эмоциональная близость, доминирует чрезмерная требовательность и контроль, то проявление защитных механизмов у детей может проявляться в сверхинтенсивной форме, что является фактором риска для психического здоровья ребенка. В таких ситуациях ребенок воспринимает требования среды как угрозу, а «объектом психологической защиты выступает его Я- концепция и идентичность» [2]. Все это приводит к эскалации чувства тревоги и включению определенных защитных механизмов (в зависимости от типа угрозы, опыта ребенка, интроецированных способов защит и т.д.) Избирательное развитие тех или иных психологических защитных механизмов напрямую связано с характером объектных отношений, со спецификой прохождения стадий «сепарации- индивидуации» (М. Малер).

Если родители проявляют чрезмерную строгость, «неадаптивный невротический перфекционизм» [5], демонстрируют эмоциональное отчуждение — это будет способствовать развитию у ребенка невротических эмоциональных реакций, связанных с интенсивным проявлением защитных паттернов.

Данные поведенческие проявления особенно чреваты в материнском стиле воспитания, так именно мама является «основным транслятором паттернов поведения» и эмоциональных реакций для ребенка. В ходе данного

взаимодействия он вовлекается в ее способы защитного поведения, часть из которых может быть некритично воспринята малышом. По мнению И. Я. Русяевой, защитные стратегии передаются от родителя к детям неосознанно, на уровне межличностных поведенческих проявлений, в частности, в так называемых «прототипных ситуациях» [2]. Ребенок ищет способы реагирования в трудной ситуации, исходя из собственных потребностей и примеров поведения его микросоциального окружения.

Следует внести уточнение, что все-таки, характер интериоризации детьми родительского влияния отличается своей сложностью и неоднозначностью; он не предполагает непосредственное копирование родительских защитных механизмов. Но существует ряд научных доказательств, указывающих на наличие изоморфизма некоторых психологических защит матери и ребенка [3]. Это значит, что есть четкая корреляция между наиболее предпочитаемыми защитными механизмами матери и ребенка, в частности, на уровне вытеснения. Также важно отметить, что наиболее негативной психологической защитой матерей является регрессия, которая имеет ужесточающую роль в стиле воспитания, тем самым снижая степень эмоциональной близости. Защита по типу отрицания, наоборот, является самой позитивной, способствуя принятию ребенка, установлению с ним доверительных отношений, общей удовлетворенности.

Говоря о роли отцовского стиля воспитания и используемых стратегий межличностного взаимодействия, следует выделить ряд специфических особенностей, влияющих на становление защитных механизмов ребенка:

- ♦ сверхинтенсивное использование отцом защитных механизмов негативно сказывается на детско-родительских отношениях, что проявляется в снижении требовательности и формированию у ребенка защитной агрессии;

- ♦ низкая степень эксплуатации защит выражается в последовательном воспитательном воздействии и способствует эффективному использованию защит у детей;
- ♦ одной из ведущих защит, оказывающих благоприятное воздействие на детско-отцовские отношения, является регрессия, способствующая принятию ребенка. Отрицательную роль играет замещение. Его частое использование можно расценивать как показатель непоследовательности воспитания.

Общими негативными характеристиками стиля детско-родительских отношений следует считать чрезмерный контроль и отсутствие эмоциональной близости, что впоследствии будет влиять на доминирование «незрелых, примитивных защит» [1] у ребенка.

Таким образом, изучив особенности влияния детско-родительских отношений на становление психологических защит у ребенка, можно сделать выводы:

1. Защитные механизмы формируются в раннем онтогенезе для облегчения социальной адаптации ребенка.
2. Защиты могут выполнять роль «эмоционального амортизатора», а могут (при чрезмерной интенсивности проявления) стать показателем дезадаптации и аффективных нарушений личностного функционирования.
3. Самыми значимыми характеристиками детско-родительских отношений, оказывающими влияние на формирование и степень проявления защитных механизмов ребенка, являются: требовательность, контроль над ребенком, эмоциональная близость с ним и удовлетворенность складывающимися отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калина О. Г., Баринцева И. В., Панкова Т. В. Родительские образы и защитные механизмы у юношей // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2011. № 2. С. 71–80.
2. Русяева И. А., Закарян А. А. Исследование роли матери в онтогенезе психологических защит ребенка // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2013. № 9. С. 209–218.
3. Русяева И. А. Изоморфизм психологических защит матери и ребенка // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 9. С. 157–162.
4. Холмогорова А. Б., Воликова С. В. Семейный контекст расстройств аффективного спектра // Социальная и клиническая психиатрия. 2011. № 2. Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru.
5. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4 (93). С. 97–125.
6. Чумакова Е. В. Психологическая защита личности в системе детско-родительских отношений: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.

© Шешеня Елена Викторовна (freyjaa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕЛИГИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ А.А. БАКИХАНОВА И М.Ф. АХУНДОВА)

RELIGION IN AZERBAIJAN'S PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE XIX CENTURY (ON THE MATERIAL OF THE CREATIVITY OF AZERBAIJAN ENLIGHTENERS A.A. BAKIKHANOV AND M.F. AKHUNDOV)

S. Behbudov

Summary. The article discusses the development and attitude to religion among the enlighteners of Azerbaijan of the XIX century. The applicant analyzes the works of well-known scholars of Azerbaijani philosophical thought — Abbasgulu Aga Bakikhanov and Mirza Fatali Akhundov. The author analyzes the religious works of the enlighteners, reveals the features of religious doctrines of their theological thought on the basis of the work of these authors.

Keywords: religion, enlightenment, philosophy, ideology, worldview, attitude.

Бехбудов Сабир Эльмурад оглу

Диссертант, Институт философии НАНА
bitkovskayay@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие и отношение к религии у просветителей Азербайджана XIX века. Соискатель анализирует работы известных ученых азербайджанской философской мысли — Аббасгулу ага Бакиханова и Мирзы Фатали Ахундова. Автор анализирует религиозные произведения просветителей, раскрывает особенности религиозных доктрин их теологической мысли на основе творчества этих авторов.

Ключевые слова: религия, просветительство, философия, идеология, мировоззрение, отношение.

Особым этапом в истории универсальной философии и общественно-политической мысли стала философия и идеология просвещения в XVIII веке на Западе — в Англии, Франции, Германии и других странах. Эта философия и идеология, обусловленная закономерностью перехода от феодализма к буржуазной социальной системе, дала новые качественные характеристики новой зарождающейся буржуазии. И эта возникающая буржуазия очищается от ментально-метафизических мыслей, религиозных предрассудков, опирается на свою науку и опыт, устраняет барьеры на пути социального прогресса, ускоряет свое развитие. «К религии и церкви просветители основным относились равнодушно, а то и враждебно. Богословские проблемы их больше не интересовали. Они думали, что мироздания было или деистический (Бог создал мир и спустя уже не вмешивался в историю человечества), или атеистическим (полное отрицание существования Бога)» [4].

По этим же причинам идеи просвещения стали зарождаться в Азербайджане в конце XVIII и начале XIX веков. Появление идеи просвещения в то время в Азербайджане позже относительно западных стран и России было связано с политическими, экономическими и социокультурными условиями Азербайджана. Хотя материальные и научно-культурные условия развития и развития фи-

лософии просвещения в XVIII веке на Западе и в России были достаточно развиты, в то время необходимые факторы интеллектуально-просветительской среды в Азербайджане были только в исходном положении. Следует отметить, что, поскольку азербайджанское просвещение было создано в общественной сфере Азербайджана и использовало не только Запад и Россию, но и прогрессивные идеи и философские традиции Востока, оно имело специфические особенности и сумело сохранить свой первоначальный путь развития. Вот почему идеи азербайджанского просвещения оказали сильное влияние на национальное возрождение и культурный прогресс азербайджанского народа.

Таким образом, сформировались идеологические и философские взгляды просветительского движения, которые соответствовали социокультурному развитию реалий Азербайджана в XIX веке и характеризовались их универсальностью. Причиной повышенного внимания к философии просвещения в идеологии страны стало то, что образование людей оказалось в очень сложной ситуации по сравнению с предыдущими периодами. Культурная база азербайджанского просвещения и общественно-политическая ситуация в стране отличались от западного и русского просвещения, прежде всего, религиозным отношением. В отличие от языка и культуры

азербайджанские просветители стояли на разных позициях по отношению к религии.

Академик Фейзулла Гасымзаде в XIX веке в общественном мнении азербайджанцев отмечает три этапа развития просвещения: первый этап включал последние годы упадка Азербайджана и 30–40-е годы (А. Бакиханов, И. Гутгашинли, Мирза Шафи Вазех); второй этап — 50–60-е годы (М. Ф. Ахундов); третий этап — 70–90-е годы (Г. Б. Зардаби, Н. Б. Везиров) [6].

Азербайджанский исследователь Зоя Алиева в своей монографии «Просвещение Азербайджана и Франции — взаимоотношения» упомянула факторы, формирующие интеллектуальную культурную среду Азербайджана в первой половине XIX века: «Светские, азербайджанские и русскоязычные школы, университеты Санкт-Петербурга и Москвы сыграли ключевую роль в формировании интеллектуально-культурной среды. Российская, западноевропейская наука проникает в Азербайджан различными путями и создает не только новую интеллектуальную среду, но и новых интеллигенций, педагогов и деятелей культуры, и в то же время в духовном мире многих старых представителей интеллигенции происходит определенный процесс обновления» [5].

Первым представителем азербайджанской философии просвещения XIX века был Аббасгулу ага Бакиханов, поэт и философ, автор работ по естествознанию, истории, логики и филологии. Его философские взгляды первого периода азербайджанского просвещения нашли свое отражение в таких произведениях, как «Исправление нравов», «Книга наставлений», «Ниша светочей», «Сущность весов», а также «Кануни Кудси», «Гюлистан-и Ирам» и другие. А. Бакиханов обладал энциклопедическими знаниями, наряду с культурой и философией Азербайджана и Востока, был знаком с русским и европейским общественным мнением и философскими традициями, и это сыграло важную роль в формировании философского мировоззрения А. Бакиханова. Основной философской идеей его было воспитание совершенной личности путем создания справедливого общества.

Наследие А. Бакиханова иллюстрирует два пути развития: мистицизм от суфизма (воссоединение с Богом в диалектическом мире) и интеллект и наука, связанные с культурным и философским развитием в мире. Он сосредоточился на научных достижениях века, придавая особое значение науке в духовном прогрессе, приверженности науке и практике и рациональному развитию существования. Философско-этические соображения А. Бакиханова отражены в основном в работах «Исправление нравов», «Книга наставлений». Эти работы включают определение философии, философских и этических категорий, их относительности, причин разума, развития

и законности. Воображая, что рациональное понимание этих проблем лежит в основе их решения совершенным человеком, А. Бакиханов верил, что таким образом человечество может стать счастливой семьей. С другой стороны, согласно суфийской трактовке А. Бакиханова, настоящее счастье — это постижение единства мистического совершенства и достижение божественного пути.

А. Бакиханов, который выступал с точки зрения концепции идеальных людей и концепции идеального общества, стремился доказать, что основой мирового порядка является социальное неравенство.

«Бакиханов придавал большое значение приверженности к традициям Ислама, но он думал уже по-новому, в поисках в пути к прогрессу ориентировался на Европу, считал просвещение, светское образование и науку необходимыми для достижения нравственного совершенства. В связи с этим он может считаться основоположником просветительства в Азербайджане. На идеях просветительства и построены его политико-правовые воззрения» [2, с. 211]

«Риязул-Кудс» — это религиозная поэма о жизни и деяниях шиитов, посвященная событиям в Кербеле. Работа была написана на азербайджанском языке осенью 1820 года по просьбе шиитов. Трагическая судьба сына Али Хусейна, четвертого халифа, изображена в романтической и преувеличенной форме.

«Риязул-Кудс» является одним из самых ранних произведений Бакиханова и хронологически является одним из его первых великих эпических произведений. «Риязул-Кудс» состоит из четырнадцати глав. Каждый эпизод описывает определенное событие. Главы представлены в виде независимых и взаимодополняющих независимых романов. Данное произведение Бакиханова было написано под сильным влиянием шиитской религиозной литературы.

«Книга наставлений» начинается с религиозных наставлений после небольшого предисловия автора. Следуя религиозным обрядам, даются моральные советы о необходимости послушания и уважения главе государства, отцу и старшему, а затем даются наставления о жизни и делах домашнего хозяйства. Большинство этических наставлений тесно связано с моральной теорией в книге «Исправление нравов». В предисловии «Книги наставлений» он жалуется на несовместимость и сложный язык книг по образованию и обучению.

Религиозные взгляды Бакиханова также отражаются в его произведении «Тайны царства небесного», связанном с космографией. Он доказал вращение Земли и других планет вокруг Солнца и тем самым отрицал положение

ния ислама, по его собственным словам, — отвергнул древнюю мусульманскую космографию, которая слепо придерживалась абстрактной науки. Здесь мы видим противоречие в религиозных воззрениях Бакиханова. Он требовал, чтобы новый мир соответствовал результатам математики, механики и астрономии. Объясняя структуру вселенной, он сам ссылаясь на открытия Коперника, Галилея и Ньютона. «*Асрап ал-Малакут* — сочинение, написанное по-персидски, относящееся к космографии; сопоставляя старые правила с новыми правилами и законами и подтверждая разумные доводы устными преданиями, оно рассказывает и вместе с тем исследует возможное состояние и положение земного шара и других небесных тел, а также законы, которые служат причиной их порядка. Эту книгу я перевёл и на арабский язык» [3].

Мирза Фатали Ахундов — один из величайших просветителей и представителей интеллигенции на Востоке. Можно сказать, что Ахундов опередил свое время.

Основы просветительских идей М. Ф. Ахундова берут свое начало из русской, восточной и европейской философии и культуры. Ахундов был близко знаком с древнегреческой философией и культурой и выражал свое отношение. По его мнению, задачей философии является повышение роли человеческого интеллекта, основанного на реальных фактах во вселенной. Согласно учению Ахундова, мир является субстанцией его природы, а различные объекты и процессы природы состоят из различных проявлений материальной субстанции, которая охватывает все вещи.

М. Ф. Ахундов основал драму в тюрко-мусульманском мире, не только в азербайджанской литературе, но и от Балкана до Индии, создав свои знаменитые комедии в 1850–1855 годах. Великий мастер показал пример написания драм в восточном мире с этими комедиями. Все признают, что драма в турецко-мусульманском мире развивалась в свете драматических традиций М. Ф. Ахундова.

М. Ф. Ахундов, который критиковал больше мулл и священнослужителей в своих работах, подчеркивал важность выхода из религиозного фанатизма и прогресса. Религиозные взгляды М. Ф. Ахундова можно увидеть в его произведениях. Многие признают М. Ф. Ахундова атеистом. Хотя он критиковал религиозные книги и законы шариата в своих произведениях. Однако, на наш взгляд, правильнее назвать М. Ф. Ахундова деистом, чем атеистом. Но в этом отношении его мысли противоречивы.

Теоретико-эстетические идеи М. Ф. Ахундова показывают, что среда, в которой он жил, прогрессивная интеллигенция, с которой он был знаком, и классиче-

ская и мировая литература, которую он читал, оказали на него огромное влияние. Знание произведений таких классиков, как Гомер, Фирдовси, Низами Гянджеви, Сади Ширази, Уильям Шекспир, Джами, Пушкин сыграло большую роль в формировании эстетического вкуса в искусстве и мастерстве.

Философские и религиозные мысли М. Ф. Ахундова основаны главным образом на его философском трактате «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них сего последнего». Его работы «ярко демонстрируют стремление мыслителя устранить недостатки общества, изменить его нравы, быт, способ мышления путем распространения идей просветительства, европейского образования и науки» [2, с. 210].

М. Ф. Ахундов впервые в истории философии Азербайджана сформулировал и развил свои взгляды и идеи с точки зрения материализма и религиозной критики. Он подвергал критике исламский радикализм, восточный деспотизм и суровой восточный феодализм, который усугублял свободные идеи и разрушал права людей. Он описывал религию как неспособную сосуществовать с наукой, столкновение науки и религии и сравнивал невежество восточных и азиатских народов того периода с их религиозными взглядами и ненужными традициями.

Чтобы определить религиозные взгляды Ахундова, достаточно прочитать его философский трактат «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них сего последнего». По словам М. Ф. Ахундова, люди отстали из-за религии. Причину развития европейца и невежества мусульман он видел в религии, суеверии. Он отмечал, что этим муллам нужны не умные люди, а стадо овец. Ахундов не полностью отвергает ислам. Он считал, что в исламе необходимо соблюдать хорошие нормы в законах шариата, нужно отказаться от того, что приносит ущерб. «Только запретите употребление хмельных напитков: поистине запрещение их в исламе есть одно из величайших благодеяний для человеческого рода, потому что употребление их через меру причиняет различные недуги, разрушает человеческий организм и, наконец причиняет преждевременную смерть» [1, с. 89]

Тем не менее Ахундов отрицал понятия «рай» и «ад». Он отмечал: «Все воры, разбойники и убийцы являются из невежественного слоя народа, верующего в существование ада. Видел ли кто-нибудь вора, разбойника и убийцу из мудрецов, философов и умственно развитый и просвещенных людей, вовсе не верующих в ад? Те изверги из мусульман в африканских странах, которые позволяют себе, как постоянное ремесло, отрезать у малолетних негритянских детей половые органы, продавать их на раз-

ных рынках мусульманских владений, и те безбожники из мусульманских же богачей, которые позволяют себе покупать их и держать при своих гаремах в качестве стражей женских отделений под названием гаремных евнухов, — все суть люди, верующие в ад» [1, с. 90]. Далее видно, что Ахундов просто не верил в искренность всех религий, но при этом ссылался на ислам, чтобы оправдать свои убеждения. Потому что он знал ислам лучше других религий. «Если по своим природным дарованиям исламские народы и не стоят выше европейцев, то, во всяком случае, не уступают им. А если они отстают от европейцев в области цивилизации, то причина этого кроется в том, что у исламских народов отсутствуют средства, промышленность и науки» [1, с. 369].

Можно предположить, что его борьба была не против Бога, а законов Ислама, точнее шариата. На основе этой ненависти также стояло «дело об алфавите». В «Критике «Ек-Кельме» он особенно критиковал и разоблачал мулл, которые использовали законы шариата по-своему. Он ставил вопрос: «Разве все эти законы шариата не нарушают полную неприкосновенность собственности людей? Разве все это не есть присвоение имущества людей? С требованием выдачи «хумс» и совершения паломничества сам шариат допускает посягательство на имущество людей, так как выгода от этих треб не идет в пользу самой нации, между тем как доходы от «закята», «фитры» и «садага» поступают в общее пользование нации» [1, с. 253].

М.Ф. Ахундов был настолько дальновидным человеком, что рискует поднять вопрос о равенстве полов — гендерный вопрос — в мусульманском мире XIX века, который является предметом обсуждения в XXI веке, поднимая проблему хиджаба: «Если шариат действительно является источником справедливости, то в процессах судебных он должен применять главную основу конституции, заключающую в себе равенство в правах. Неужели принцип равенства в правах относится исклю-

чительно к мужскому полу? На каком основании шариат, опираясь на стих корана о «хиджаб» (о необходимости затворничества женщин), осуждает женский пол к вечному угнетению, делает женщин несчастными на всю жизнь и лишает их жизненных благ?» [1, с. 250–251].

Анализируя религиозные воззрения азербайджанских просветителей XIX века, надо отметить, что самым богатым периодом национального классического духовного наследия является изучение и исследование литературных и публицистических произведений азербайджанских просветителей того периода в философском аспекте. До сих пор наша философско-этическая «история», созданная нашими просветителями, изучалась в различных научных трудах с некоторыми научными подходами, хотя работы философско-этического учения наших национально-нравственных основ не изучались. «Если мы хотим проанализировать отношение М.Ф. Ахундова к религии, то думаю, что эти идеи ясно показывают, что он думает о религии и законах шариата. Результат очевиден: он против религии. Он понимает, что существует необходимость выбирать между Религией и Наукой, в которой он сомневается в том, что они могут быть вместе и поднимает эту проблему» [7, с. 39].

Можно прийти к заключению, что движение Просвещения в Азербайджане, как серьезное социально-политическое, но и полноценное и прозрачное эстетическое явление, охватывает широкую и богатую эпоху. Это движение соединяет в себе собственную научную идею эпохи, включая этику, литературу, теорию литературного искусства, философию. Теоретические вопросы философской этики Просвещения особенно поразительны в художественном творчестве и религиозных воззрениях азербайджанских просветителей. Исследования по этой области представляют собой некую систему, охватывающую основные положения, принципы и основные факторы данного движения, которые раскрываются в творчестве азербайджанских просветителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахундов М. Ф. Избранные философские произведения. Под ред. и предисловием М. Касумова. Баку, Издательство Академии Наук Азерб. ССР, 378 с.
2. Мехтиев Р. Э. Философия. Учебное пособие. Второе издание. Баку, «Şərq-Qərb», 2009, 376 с. с. 210
3. Тайны царства небесного. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B_%D1%86%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE#CITEREF%D0%90%D1%85%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B21989
4. Эпоха просвещения. Режим доступа: <https://geomap.com.ua/ru-wh8/1206.html>
5. XIX əsr maarifçilik fəlsəfəsində azərbaycanlıq ideyası. Режим доступа: http://www.anl.az/down/meqale/az_azerbaycan/2013/may/312178.htm
6. Qasımzadə F.S. XIX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Bakı: Maarif, 1974, 488 s.
7. Cabbarlı N. M. Axundzadə şəxsiyyəti. Bakı, Təhsil, 2012, 224 s.

ИСТОРИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

HISTORY IN PUBLIC SPACE: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

V. Davydov

Summary. The article attempts to analyse the peculiarities of the perception of history in public space and the consequences of random or purposefully generated modifications of historical facts arising from such perception, as well as to determine the further direction of the development of such a phenomenon as public history.

By entering a broad public space, scientific historical knowledge, like any other information, is able to undergo certain distortions in it, up to the point that individual historical facts can be reborn in contrast, eliminated at all, or replaced by new, completely mythical representations.

Oddly enough, the development of information technologies and ubiquitous digitalization, which provide almost unhindered access to information, including digitized original sources of historical knowledge, scientific works of historians and other artifacts and documents, not only did not reduce the degree of distortion of the perception of historical facts in public space, but on the contrary — strengthened it, and even became a tool of deliberate modification of historical knowledge.

Keywords: public history, theory, history, knowledge, digital society and modification of data, distortion of facts, perception of historical facts.

Давыдов Вячеслав Александрович

К.ф.н., доцент, ГОУ ВО МО «Государственный
социально-гуманитарный университет»
va.davydov@bk.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа особенностей восприятия истории в публичном пространстве и последствий возникающих при таком восприятии случайных, или целенаправленно генерируемых модификаций исторических фактов, а также предпринята попытка определить дальнейшее направление развития такого феномена как публичная история.

Попадая в широкое публичное пространство, научные исторические знания, как и любая другая информация, способны претерпевать в нем определенные искажения, вплоть до того, что отдельные исторические факты могут перерождаться в свою противоположность, устраняться вовсе, или замещаться новыми, совершенно мифическими представлениями.

Как ни странно, развитие информационных технологий и вездесущая цифровизация, обеспечивающие практически беспрепятственный доступ к информации, в т.ч. к оцифрованным первоисточникам исторических знаний, научным трудам историков и другим артефактам и документам, не только не снизили степень искаженности восприятия исторических фактов в публичном пространстве, а наоборот — усилили ее, и даже стали инструментом намеренной модификации исторических знаний.

Ключевые слова: публичная история, теория, история, знания, цифровое общество и модификация данных, искажение фактов, восприятие исторических фактов.

Предмет истории связан с установлением и анализом множества имевших место в прошлом событий и их соотношения с определенными временными отрезками и территориями, в целях формирования максимально точной картины прошлого, которая позволяла бы лучше понимать причины событий современности и учитывать совершенные ранее ошибки. Таким образом, история — это один из ключевых факторов, на которых во многом базируются восприятие социумом текущей действительности, а значит и причины возникновения общественного мнения.

Иными словами, от того, какими видятся в обществе те или иные факты исторического прошлого, во многом зависит и то, как будут этим обществом восприниматься события настоящего. Соответственно, тот, кто владеет рычагами трактовки доминирующей в обществе точки зрения на исторические события, тот во многом способен влиять и на общественное мнение в настоящем.

Например, во взаимоотношениях России и Польши на протяжении веков имели место как положительные, так и отрицательные моменты взаимодействия. Польша, будучи одним из ведущих восточноевропейских государств XVI века, в начале XVII потерпела поражение своей попытки аннексировать московские земли, а позже и сама оказалась под властью Российского государства. Не смотря и на то, что в составе Российской империи Польша пользовалась самой широкой автономией, а ее национальная элита была включена в правящий класс Российского государства, не взирая на тот факт, что по итогам II Мировой войны, именно благодаря СССР Польша получила часть немецких земель, разрешив тем самым свои многовековые территориальные споры с Германией, во внутреннем публичном пространстве Польши Россия воспринимается скорее как опасный сосед, чем потенциальный союзник — именно благодаря тому, что сфера публичной истории в данной стране долгое время претерпевала воздействия со стороны сил, ориентированных на компенсацию исторических

комплексов неудавшегося проекта великопольского государства от Балтийского до Черного моря, главным препятствием в реализации которого оказалась Россия.

Изначально, еще в античные времена, история как наука представляла собой инструмент, направленный против забвения, фиксирующий события и их хронологию, а значит, понятие истории на том этапе сложно отделить от понятия памяти; однако со временем историческая наука стала использоваться и как средство укрепления легитимности правящих династий и сложившихся государственных институтов. Иначе говоря, власть с помощью исторической политики стала задавать форму историографии, которая начала описывать прошлое, создавая исторические нарративы [1]. Значимость истории как науки для социума заключается в первую очередь в формировании самоидентификации людей, скрепляющей соответствующее сообщество, а основные задачи истории можно свести следующему:

1. формирование идентичности, через переживание исторически-значимых событий, формирующих в общественном сознании систему идентичности «свой-чужой»;
2. продвижение патриотизма через создание и поддержание образов национальных героев и анти-героев;
3. включение в качестве составляющей в досуговую сферу, поскольку значительное количество развлекательного контента в т.ч. компьютерные игры, документальные и художественные фильмы, так или иначе базируются на общепринятых исторических фактах и познаниях. [2].

При этом необходимо понимать, что официализированная история может оказывать на социум и вредное влияние, разрушая его в результате внедрения официально признанных негативных фактов, в независимости от их достоверности.

Таким образом, наличие развитой исторической науки в том или ином государстве, еще не гарантирует формирование адекватной исторической картины у большинства населения соответствующей страны, поскольку одна из основных проблем, которые сейчас стоят перед исторической наукой — это вопрос ее понятности и привлекательности для широкой аудитории [3].

Иными словами, не достаточно иметь хорошо развитую историческую науку как институт и точную, документально подтвержденную картину событий, имевших место в прошлом. Необходимы так же и инструменты популяризации исторических знаний среди широких слоев населения, т.е. необходимо еще и уделять внимание самому существованию истории как науке в публичном пространстве.

В данной связи обращает на себя внимание такой феномен, как публичная история, заключающая в себя совокупность различных практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичного восприятия, и на представление научных исторических знаний в формах, предназначенных для широкой публики, в т.ч. через искусство, музеи, кинематограф, научно-популярный контент и др., т.е. основной функцией публичной истории является трансляция в массы академических знаний доступным и понятным языком.

Естественно, что сама история в публичном пространстве, так или иначе существует довольно давно, однако профессионализация данного направления началась только в середине семидесятых годов XX века сначала в Соединенных Штатах и Канаде, после чего была подхвачена в Англии и Австралии; т.е. можно констатировать, что как дисциплина публичная история впервые была взята на вооружение в англо-саксонских странах.

В условиях повсеместной цифровизации современного общества, и повышения доступности информации, в т.ч. исторической, инструмент публичной истории оказался как никогда востребованным, поскольку как раз свободный доступ к первоисточникам исторических знаний большого количества пользователей, большинство из которых не обладают профессиональными знаниями в данной сфере, наряду с таким же доступом к развлекательному контенту и свободный обмен информацией между пользователями, способны породить огромное количество недостоверностей и заблуждений, проявляющихся в самых разных формах, начиная от фантастических теорий «альтернативной истории», и заканчивая модификацией исторических фактов в общественном сознании, и искажением исторической памяти, что как было отмечено, оказывает воздействие на восприятие обществом объективной реальности в настоящем.

Например, на научном канале демонстрируется историко-документальный фильм, повествующий о событиях I века в Римской Империи. В деталях воссозданы, костюмы, интерьеры и быт античного мира, а излагаемые события ни чем не отличаются от официальной историографии. Но в одной из сцен стена термополия — древнеримского аналога современного кафе, украшена огромной связкой стручков острого красного перца (*Capsicum annuum*), а в овощной лавке, среди прочего товара представлены крупноплодные и мускатные тыквы (*Cucurbita maxima* и *Cucurbita moschata*), хотя в Европу все три перечисленных растения никак не могли попасть ранее чем через полторы тысячи лет, после отображаемых в фильме событий.

Безусловно данный пример сложно назвать значимым искажением истории, но по тому же сценарию

в общественное сознание способны внедряться более опасные мифологемы, при этом с уверенностью можно констатировать, что процессы эти далеко не всегда носят случайный характер.

В качестве примера здесь можно привести фильм «Бункер» («Der Untergang») немецкого режиссёра Оливера Хиршбигеля, снятый в 2004 году на основе воспоминаний Траудль Юнге — личного секретаря А. Гитлера. В данном художественном фильме также в мельчайших подробностях воссозданы исторические события и обстановка последних дней гитлеровской верхушки перед взятием Берлина Советскими войсками, но в конце фильма, сама Красная армия представлена в виде толпы, больше напоминающей варваров, захвативших Рим. Соответствующие представления фильм и транслирует исподволь в головы своих зрителей.

Необходимо понимать, что не только художественные фильмы и научно-популярный контент могут относиться к инструментам публичной истории — сюда же стоит отнести интервью и публичные выступления политиков и общественных деятелей, если они связаны с трансляцией исторических фактов или посвящены значимым событиям прошлого. Особое внимание стоит обратить, на то, что намеренные искажения исторических фактов в публичном пространстве могут носить явно целенаправленный, комплексный характер, причем в отдельных случаях можно отчетливо проследить раскрытие окон Овертона. Яркий пример здесь представляет собой освобождение Освенцима, в отношении которого четко прослеживается цепочка, начавшаяся с заявления 44-го президента США Б. Обамы, о том, что его дедушка якобы освобождал данный концлагерь, что не может быть правдой, если только дедушка бывшего американского президента не служил в Красной армии, однако сама мифологема в головы аудитории по всему миру была заложена, т.к. общеизвестно, что американские

войска освобождали фашистские концлагеря в Европе, но какие конкретно — знают далеко не все. Затем, ряд открытых цифровых источников информации начинают удалять со своих страниц фотоматериалы, свидетельствующие об операции советских войск по освобождению Освенцима. А потом власти Польши не приглашают на 75-ю годовщину освобождения Освенцима Президента страны, освободившей и Польшу, и Освенцим. В итоге в общественном сознании советские освободители Освенцима замещаются на американских.

Анализ имеющихся фактов позволяет сделать вывод, что презентация исторической науки в публичной сфере, сегодня от части превращено в один из инструментов «мягкой силы» направленной на комплексное продвижение интересов отдельных государств. В ближайшей перспективе стоит ожидать усиления использования публичной истории в данном направлении, т.к. данные методы уже показали свою эффективность, при этом ресурсы и возможности цифровизованного общества, скорее всего будут использованы не столько для популяризации истории, сколько для формирования в массовом сознании заданной, строго откорректированной картины прошлого. Поскольку очевидно, что публичная история довольно эффективно применяется рядом развитых государств для обеспечения своего положительного имиджа, в том числе и за счет ущемления имиджа России, сфера публичной истории в нашей стране так же не должна оставаться без внимания. Популяризация и продвижение как среди внутрироссийской, так и среди внешней аудитории адекватной исторической информации касаемой России, подкрепленной фактами, документами и иными доказательствами, логически излагаемой с опорой на причинно-следственные связи исторических событий, безусловно будут способствовать не только сохранению исторической памяти и адекватному восприятию событий прошлого, но и продвижению естественных интересов российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев Е. М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета — 2016. — № 2 (33). — С. 7–12.
2. Давыдов В.А. «Public history» и проблемы репрезентаций исторического прошлого в современной медиа-публицистике // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека -Сборник научных статей и материалов международной конференции. Под общей редакцией Р.В. Ершовой — 2016. — С. 94–98.
3. Шевелева А. П. История: академическая, популярная, публичная // НЭЖ «Артикульт» — 2013.-№ 11 (3–2013). — С. 4–8.

© Давыдов Вячеслав Александрович (va.davydov@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФЕНОМЕНЫ ЖЕНСТВЕННОСТИ, ЛЮБВИ, ВЛЮБЛЁННОСТИ, ПРЕОБРАЖЕНИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМА НЕРАВЕНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БУНИНА

Иванова Ирина Сергеевна

К.ф.н., доцент, Московский гуманитарный университет
Lesnaya10@yandex.ru

THE PHENOMENA OF FEMININITY, LOVE, FALLING IN LOVE, THE TRANSFORMATION OF THE WORLD AND MAN AND THE PROBLEM OF INEQUALITY IN THE WORKS OF I. A. BUNIN

I. Ivanova

Summary. The article discusses the phenomena of femininity, love, love, the transformation of the world and man and the problem of inequality in the works of I. A. Bunin. The author, using the stories of this classic as an example, shows the differences between true love and falling in love. I. S. Ivanova describes how I. Bunin proves that love transforms the world and man. The researcher distinguishes the secular concept of femininity from the Christian. The author narrates that love, similar to Khvoshchinsky's feeling from the work "Grammar of Love" and even surpassing it, existed in real life.

Keywords: love, love, femininity, transcendence, cosmos, the Christian ideal of femininity, the transformation of the world and man, the victory of spirit over matter.

Аннотация. В статье рассматриваются феномены женственности, любви, влюблённости, преобразования мира и человека и проблема неравенства в произведениях И. А. Бунина. Автор на примере рассказов данного классика показывает отличия истинной любви от влюблённости. И. С. Иванова описывает, как именно доказывает И. Бунин, что любовь преобразует мир и человека. Исследовательница даёт отличия светского понятия женственности от христианского. Автор повествует, что любовь, подобная чувству Хвощинского из произведения «Грамматика любви» и даже превосходящая его, существовала и в реальной жизни.

Ключевые слова: любовь, влюбленность, женственность, трансцендентность, космос, христианский идеал женственности, преобразование мира и человека, победа духа над материей.

Темы любви, женственности, преобразования мира и человека актуальны во все времена и особенно в 21 веке, когда в мире свирепствуют ненависть, конкурентная борьба, прагматизм, и люди часто теряют человеческое лицо, следуя по разработанным программам жизненного успеха, которые часто на самом деле превращают личности в биороботов, лишённых свободы выбора не только в поступках, но и в чувствах и мыслях.

Целью нашей работы является напоминание широким массам читателей о том, что «в мире есть любовь» [2], что истинная «любовь всегда трагедия» [16], но это не означает, что человек не должен бороться за свои чувства и память о них. Задачи исследования следующие: во-первых, на примере рассказов И. Бунина показать отличия истинной любви от влюблённости; во-вторых, описать, как именно показывает классик, что любовь преобразует мир и человека; в-третьих, дать отличия светского понятия женственности от христианского; в-четвертых, показать, что любовь, подобная чувству Хвощинского из произведения «Грамматика любви» и даже превосходящая его, существовала и в реальной жизни.

Проза И. Бунина не белое пятно на карте литературоведческих и философских исследований. Об этом знаменитом классике русской литературы были созданы труды: А.А. Волков «Проза Ивана Бунина», Михайлов О.Н. «Строгий талант. Иван Бунин. Жизнь, судьба, творчество» Карпов И.П. «Проза Ив. Бунина», Штерн Н.С. «В поисках утраченной гармонии: проза И. А. Бунина», И.М. Ильинский «И. А. Бунин: тайны явления и жизни классика» И.М. Ильинский «О Буине». Но всё же о теме любви и женственности в его произведениях сказано недостаточно.

Объектом нашего исследования являются прозаические произведения И. Бунина, а именно его произведения: «Первая любовь», «Руся», «Тёмные аллеи», «Лёгкое дыхание», «Суходол», «Грамматика любви». В рассказе «Первая любовь», как указывает автор, автобиографическом, влюблённый поставлен в неравное положение со своей возлюбленной злыми силами рока, действующего через дядю-старика, волей которого мальчик приехал на прощание с любимой Катей на телеге с телёнком, выглядел мужичком, а не барином, был осмеян всей

гимназией, из-за чего заря первой любви превратилась в закат. Контекстуальная антитеза заря-закат композиционно оформляет произведение, придаёт ему сюжетную линию: пробуждение на восходе (экспозиция), сборы на встречу с Катей (завязка), публичное осмеяние влюблённого (кульминация), отъезд домой на закате (развязка). В произведении оскорблённое самолюбие побеждает любовь, собственно, ещё нет самой любви, а есть прелюдия к симфонии, которой не дано было прозвучать. В последующих книгах тема неравенства углубляется. В рассказе «Руся» социальное неравенство ещё завуалировано. На первый план проступает память о самом феномене любви и трагедии внезапного окончания любовного романа. Автор использует приём ретроспекции. Образ Руси в глазах влюблённого поднимает её над обыденностью «Да она и сама была живописна, даже иконописна» [3]. «И он опять прижимал к губам ее руки, иногда как что-то священное целовал холодную грудь» [4]. Это преображение объекта любви, мира, увиденного глазами любящих, замечено многими исследователями: Г. Ш. Чамседина пишет: «Любовное переживание связано с неимоверным взлетом и выходом в иное измерение, в космос, где нет ни времени, ни пространства, где любовь подчинена неземным силам» [18]. А. А. Хван сообщает, что «Для И. А. Бунина характерно раскрытие в женском образе черт близких идеальному воплощению женственности эпохи «серебряного века» (...) Мотив загадочности, непорочной красоты, определяющий неземную сущность бунинских героинь рассматривается автором в соприкосновении событий иного мира и повседневной жизни» [17]. Любовь преображает земную девушку Русю в глазах любящего во владычицу природы: «Все было странно в то (...) лето, странна и пара (...) журавлей, (...) прилетавших (...) побережье болота, и то, что они только ее одну подпускали к себе» [5], сам мир превращается в сказку, становится лучше. Через любовь герой приобщается к Космосу бытия, и Руся становится образом вселенской женственности. Но внезапная вспышка ревности, безумия матери любимой девушки, требующей у дочери выбора между нею и возлюбленным, оканчивает этот роман. Экзистенциальный выбор сделан героиней, она выбирает маму, влюблённому остаётся только благородно уехать и навсегда сохранить первую любовь в своём сердце. Сакральность этого чувства, открытость преображённого мира только любящих подчеркнута отсутствием глубоко восприятия рассказа мужа супругой. Недаром, поняв, что повествование его вызывает лишь пренебрежение, комментарий на слова «дачная девица с костлявыми ступнями» герой произносит по-латыни, подчёркивая пропасть в видении изложенных событий: «*Amata nobis quantum arnabitur nulla!*» [5]. (Возлюбленная нами, как никакая другая возлюблена не будет). Что же касается неравенства любящих, то оно присутствует. Герой рассказа — бедный репетитор, который, в отличие от своего коллеги из книги Уилки Коллинз

«Женщина в белом», не может совершить подвиг спасения своей возлюбленной. Но особый героизм заключается в том, что он всю жизнь хранит память об этом чувстве и женщине, вызвавшей его.

В произведении «Тёмные аллеи» напротив изначально бедна оказывается женщина. Соблазнённая духовно, а, быть может, и физически влюблённым, но не любившим её барином, в юности читавшим ей стихи тёмные аллеи, она оказалась брошенной, но нашла в себе силы подняться по социальной лестнице, выбиться из нищеты, стала содержательницей постоялого двора. Это много для женщины из низов, но для персонажа И. Бунина это мало. Не пушкинская Татьяна, ставшая королевой придворного мира, а всего лишь содержательница постоялого перед ним. Существенно постаревший, брошенный любимой женой барин вспоминает свою влюблённость в эту, тогда ещё крепостную женщину, даже не столько женщину, сколько женственность, разлитую в самой природе, в искусстве, особенно в стихах про «тёмные аллеи». Именно влюблённость, а не любовь. Ведь любовь, по христианским понятиям, «не ищет своего» [15]. Любят людей и с существенными недостатками, в то время как влюблённость при выступлении их на первый план может пройти. Например, героиня рассказа любила Николая Алексеевича, несмотря на то, что он был и на двадцать лет старше и бросил её так, что хотелось руки наложить от обиды. Для героя же произведения «Тёмные аллеи» при на первый план при неожиданном, через много лет свершившемся свидании выступили отсутствие у возлюбленной когда-то женщины дворянской крови, незначительность жизненного успеха, отсутствие неземной красоты. Автор наряду с красивой внешностью вводит деталь, приземляющую героиню: «чернобровая и тоже еще красивая не по возрасту женщина..., с треугольным, *как у гусыни* (курсив мой, к.ф.н. И. С. Иванова), животом под черной шерстяной юбкой» [6]. Мысли о неравенстве, социальная иерархия, присутствующая в сознании Николая Алексеевича даже, когда он думает об этой прекрасной на вид женщине, подчеркнуты словами ««Да, как прелестна была! Волшебна прекрасна!» Со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда. «Разве неправда, что она дала мне лучшие минуты жизни»» [6] Нелюбовь подчеркнута мыслями: «Да, пеняй на себя. Да, конечно, лучшие минуты. И не лучшие, а истинно волшебные! „Кругом шиповник алый цвел, стояли темных лип аллеи...“ Но, боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоялой горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?» И, закрывая глаза, качал головой» [6]. В этом тексте мы видим начало рефлексии героя, он анализирует ситуацию, личность раздваивается между истинными и ложными ценностями, но раздвоение заканчивается

победой ценностей классовых, не вечных, не истинных. В повести «Суходол» линия неравенства ещё глубже: в любви тётки Натальи к молодому барину нет и доли взаимности. Чувство крепостной женщины не замечается, а её действительно странный поступок, кража барского зеркала не из жадности богатства, а из желания через вещь возлюбленного стать ближе к нему, воспринимается с возмущением и влечёт за собой наказание: ссылку на должность птичницы в скучные безлюдные степи. Но сами рассказы возвращенной в усадьбу воспитательницы молодому барину преобразуют и мир, и её саму в его глазах. Тётка Наталья сравнивается им со святым Меркурием, изображённом на родовой иконе дворян Хрущёвых. Как он, обезглавленный татарами, пришёл рассказывать о беде, так и эта женщина, как отрезанную голову своей несвершившейся женской судьбы держа в руках, рассказала молодому барину о святом чувстве любви, научила его уважать любящих, любивших, сочувствовать им.

Здесь образ женственности, претерпевшей муки за любовь, восходит к святости и христианским символам. В ткани повести «Суходол» преобладают этическая, эмоционально-экспрессивная, конативная, когнитивная функции.

Но И. С. Бунин писатель все-таки светский. Женственность связана у него и с функцией эстетической. «Эстетический идеал... становится ...мерилом ценности применительно ко всем явлениям жизни» [14]. Причем, эстетика и аксиология у писателя чаще светские, связанные не с общечеловеческими ценностями, а с узкой, увы, очень ограниченной аксиологической шкалой дворянина. Дворянская кровь играет немалое значение в образе женственности Олечки Мещерской из рассказа «Лёгкое дыхание». Её светские романы, которые не становятся впоследствии семейной жизнью, прощают молодой женщине светские люди, которые сами способны вести легкомысленный образ жизни, но представители другого класса не по положению, а плеbei по духовному развитию не понимают жизни-игры. К Оленьке Мещерской приходит неожиданная расплата за легкомысленное поведение: её застрелил офицер, «некрасивый и плебейского вида, не имевший ровно ничего общего с тем кругом, к которому принадлежала Оля Мещерская» [7]. Ольга была любопытная и смелая особа, которая не задумывалась о последствиях своего поведения. На миг объект её соблазна Малютин (знаковая фамилия) показался ей красивым, несмотря на возраст: «Ему пятьдесят шесть лет, но он еще очень красив и всегда хорошо одет (...) пахнет английским одеколоном, и глаза совсем молодые, черные, а борода изящно разделена на две длинные части и совершенно серебряная» [7]. Поддавшись порыву чувств, девушка соблазнила его и стала женщиной. Впоследствии не сумела скрыть своего отвращения.

Бунин даёт герою говорящую фамилию, напоминающую о Малюте Скуратове, известном палаче Ивана Грозного. Не на девушке, но на взрослом мужчине должна была лежать ответственность за случившееся. Правильно было ему, как когда-то Евгению Онегину, отвернуть юный порыв, тысячу раз проверить, любовь ли это или простое любопытство. И уж тем более нехорошо любому человеку христианской веры нарушать заповедь «Не убий». Всегда и особенно, если это касается ещё не развившегося духовно и физически ребёнка 15 лет по нашим юридическим меркам 2020 года, несовершеннолетнего. По закону современного общества именно мужчина должен был понести юридическую ответственность и быть наказанным.

Возможно, неправильное понимание женственности было причиной и оправданием легкомысленного поведения Ольги Мещерской. В книге, принадлежащей её отцу, девочка прочитала, что у красивой женщины должны быть: «черные, кипящие смолой глаза, черные, как ночь, ресницы, нежно играющий румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки, маленькая ножка, в меру большая грудь, правильно округленная икра, колена цвета раковины, покатые плечи, легкое дыхание» [7]. На лёгком дыхании делает акцент Оленька Мещерская, не задумываясь о том, почему в книге о женской красоте ничего не сказано о красоте духовной, не дано христианское понятие прекрасного. Легкое дыхание в определённом смысле этого многозначного словосочетания как атрибут женственности удобно для мужчин. Такая женщина, увидев интересного представителя противоположного пола, быстро вступает в связь, не задумываясь, зачем это нужно делать, нужно ли это ей по большому счёту, каковы этические, биологические, социальные последствия этого поступка. Свободный выбор, утоление сиюминутного желания... От женщины лёгкого дыхания недалеко и до женщины лёгкого поведения. Фабула любовных приключений Олечки — это грязная развратная жизнь. Но Бунин, видя в лёгком дыхании своей героини нечто прекрасное, строит сюжет так, что форма начинает в нём преобладать над содержанием. Об этом феномене замечательно написал Л. Выгодский в 8 главе книги «Психология искусства», говоря, что читатель оказывается на стороне героини, воспринимает её поведение как эстетичное, ценное лишь потому, что по воле автора, желающего навязать читателю свои ложные ценности, форма «воюет с содержанием, (...) преодолевает его» [9]. Более того, форма преодолевает и сам классово ограниченный идеал женственности, предложенный нам в данном произведении И. Буниным. Посетителю кладбища, остановившемуся у могилы О. Мещерской, уже неважно дворянка она или крестьянка. По мнению автора данной статьи, «рассказ И. Бунина «Лёгкое дыхание» начинается описанием незримой Вечной Женственности, исходящей из портрета Оленьки Мещерской и растворяющейся в весеннем

воздухе лёгким дыханием вечно живой Души мира» [11]. Для И. Бунина женственно то, что аристократично, что возвышается над миром, производящим материальные ценности и думающим лишь об узкой пользе. Но само такое понимание женственности, по сути, тоже утилитарное и узко классовое. Здесь вспоминается диссертация Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Отвергая гегелевские представления о прекрасном, Н.Г. Чернышевский говорит о том, что «прекрасное есть жизнь», но не всякая жизнь, а такая, которая является истинным бытием, а не заживо умиранием по нашим понятиям. «Меркой прекрасного при этом выступает не какая-то высшая духовная реальность, а собственная природа предмета и наши представления о полноте жизни. Красота в данной трактовке оказывается уже не абсолютной, а относительной и, в частности, обусловленной социально и исторически. Напр., идеал женской привлекательности, тесно связанный с проявлениями физического здоровья (яркий румянец, крепкое телосложение и т.п.), для верхних слоев общества слишком груб, и наоборот, «воздушная» светская дама простолюдину покажется не столько прекрасной, сколько болезненной» [19]. Во-первых, с мнением Н.Г. Чернышевского можно поспорить. Как дворяне влюблялись в простолюдинок, так и крестьяне в светских барышень, красота которых, казалось, звала к высшему миру, а не напоминала о болезни; во-вторых, эстетический идеал является не только классовым, но и субъективным. В-третьих, и Н.Г. Чернышевский, и И. Бунин забывают о христианском понятии женственности, о том, что женственно то, что духовно, божественно, то, что являет сияние Логоса в специфически женственных формах, служит возвышению и преобразованию мира и человека. В труде «Благословите женщину. Идеал женственности» В. Зобер в числе компонентов христианских добродетелей женственности выделяет мудрость. Женщина, «по словам Священного Писания, уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее» (Притч. 31, 26)» [10]. Высший пример великой женской мудрости являет нам Пресвятая Богородица. Действительно, мудрость — это знание того, что есть высшее благо, соединение ума и доброты. Мудрая женщина никогда не нанесёт обиды или оскорбления другому, тем более, преднамеренно, не совершит такого бестактного поступка, как показ своего дневника, в котором она плохо отзывалась о другом мужчине, не спровоцирует на безумный грех, вызвав гнев, последствием которого может быть увечье или убийство. Все мудрые женщины берут пример с девы Марии, которая описана в работе философа и священника Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». В своей работе он выделяет такие компоненты женственности, как «совесть, память божию, истину, радость страх Божий» [12]. Совесть как предупреждение греховного поступка заставляет думать о последствиях, страх перед Богом удерживает от греха. Никакого страха Оленька Мещерская не знала, а чувство это дано чело-

веку, чтобы уберечь его от опасности, неправильных поступков.

Христианская религия, как и истинная любовь, не останавливается и не отступает перед социальным и другим неравенством.

Истинная, хотя ещё и не христианская любовь, преобразующая мир и человека, представлена в рассказе И. Бунина «Грамматика любви». Помещик Хвоцинский до безумия полюбил свою горничную, хотя она не была красавицей. Стал жить с нею. Лушка, любимая женщина дворянина, так угодила господину и возымела над ним такую власть, что и после её смерти этот человек ни на ком не женился, а во всём происходящем в природе видел влияние владычицы его души, которая казалась ему и властительницей вселенной. «Лушкиному влиянию приписывал буквально все, что совершалось в мире: гроза заходит — это Лушка насылает грозу, объявлена война — значит, так Лушка решила, неурожай случился — не угодили мужики Лушке...» [8]. В обыкновенной женщине он увидел проявление божественного, в своих отношениях с ней ценность, важную для всего рода человеческого, так как передал сыну книгу «Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым» со своим четверостишьем в конце. В этом произведении на первый план выдвигаются аксиологические аспекты любви и женственности. О женственности там сказано следующее: «Женщины никогда не бывают так сильны, как когда они вооружаются слабостью. — Женщину мы обожаем за то, что она владычествует над нашей мечтой идеальной. — Тщеславие выбирает, истинная любовь не выбирает. — Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежит женщине милой» [8]. Ценность любви подчёркнута и отношением Ивлева к самому рассказу о ней и предметах, напоминавших её. Жилище возлюбленной Хвоцинского он называл святилищем, её дешёвые бусы вызвали сердцебиение и рябь в глазах, и долго ещё вспоминал он «ее ожерелье, которое оставило в нем чувство сложное, похожее на то, какое испытал он когда-то в одном итальянском городке при взгляде на реликвии одной святой» [8]. Сын гораздо меньше, чем приезжий дорожил любовью отца, потому что сначала не хотел продавать книгу о грамматике любви, а затем всё-таки продал её. Бунин не пишет, женился ли Хвоцинский на своей горничной или просто жил с нею. Он делает акцент на самой любви, святости этого чувства, ценности его для будущих поколений.

Любовь Хвоцинского к горничной в художественном произведении И. Бунина напоминает мне реальное, ещё более высокое чувство графа Шереметьева к П. Ковалёвой-Жемчуговой. Утешив дворянина в горе после смерти его отца, эта женщина стала любовью и смыслом жизни графа Шереметьева. Он преодолел множество

препятствий для законного соединения сердец: мнение света, осуждавшего неравные браки; возмущение знатных красавиц, отвергнутых богатейшим женихом России ради крепостной; потерю того, что было началом любви — прекрасного голоса актрисы; удар со стороны царя Павла Первого, «который (...) оценил талант Прасковьи, но разрешения на брак с простолюдинкой не дал» [13]; чахотку, которой заболела бедная женщина из-за неблагоприятного климата и переживаний, связанных с устройством брака. «Наконец Александр I подписал специальный эдикт, дававший право графу Шереметеву жениться на Прасковье Жемчуговой» [1]. Граф пережил и раннюю смерть любимой женщины, которая умерла при родах. Любящий муж чтит память умершей жены: «из спальни Прасковьи Ивановны мемориальную комнату, (...) построил в Москве Странноприимный дом. (ныне — НИИ им. Склифосовского)» [1]. Идея любви в полной мере воплотилась в жизни графа Шереметьева, а вот в произведениях И. Бунина на любовную тематику мы видим разную степень отражения этой категории. Но есть одна тенденция в изображении столкновения феномена любви с земной реальностью. Кроме неравенства социального, политического, возрастного, экономического, интеллектуального, есть главное неравенство, присутствующее даже во взаимной любви: это неравенство самой любви как чувства трансцендентного пространственно-временному континууму земного существования, именно оно

делает любовь той трагедией, переживая катарсис которой, человек поднимется к высшим мирам. Просветлённым и преображённым становится любящий, обыкновенным же остаётся тот, кто испугался любви, предпочел её ложным ценностям земного мира.

ВЫВОДЫ

В произведениях И. Бунина на любовную тематику идея любви для его персонажей получает различное воплощение.

1. В рассказах «Первая любовь», «Тёмные аллеи» (со стороны мужчины), «Лёгкое дыхание» представлены влюблённость, а не любовь, которая гибнет, когда факты неравенства и мысли о нём преграждают дорогу чувству.
2. В произведениях: «Грамматика любви», «Руся», «Суходол» — описаны взаимная и безответная любовь, которой ни неравенство, ни трудные жизни испытания не помешали сохраниться в душах героев. То же самое можно сказать о рассказе «Тёмные аллеи», рассматривая судьбу и чувства Надежды.
3. Истинная любовь преображает мир и самого человека, приобщает его к божественному миру, заставляет ощущать влияние сверхъестественного, являет победу духа над материей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А. История любви. Граф Шереметев и Прасковья Жемчугова. [Электронный ресурс] // maxpark. URL: // <https://maxpark.com/community/6782/content/1682538>(дата обращения 08.02.2020)
2. Блок А. Скифы [Электронный ресурс] // Рустих. URL: <https://rustih.ru/aleksandr-blok-skify/>(дата обращения 04.02.2020)
3. Бунин И. Руся [Электронный ресурс] // Библиотека А. Комарова. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/30843-ivan-bunin-rusya.html>(дата обращения 08.02.2020)
4. Бунин И. Руся [Электронный ресурс] // Библиотека А. Комарова. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/30843-3-ivan-bunin-rusya.html#text> (дата обращения 08.02.2020)
5. Бунин И. Руся [Электронный ресурс] // Библиотека А. Комарова. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/russkaya-klassicheskaya-proza/30843-4-ivan-bunin-rusya.html#text> (дата обращения 08.02.2020)
6. Бунин И. Тёмные аллеи [Электронный ресурс] // Библиотека А. Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1021/p.1/index.html>(дата обращения 08.02.2020)
7. Бунин И. Лёгкое дыхание [Электронный ресурс] // Библиотека А. Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1052/p.1/index.html> (дата обращения 04.02.2020)
8. Бунин И. Грамматика любви [Электронный ресурс] // Библиотека А. Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/1054/p.1/index.html>(дата обращения 04.02.2020)
9. Выгодский Л. Психология искусства [Электронный ресурс] // Livelib. URL: <https://www.livelib.ru/book/264290/read-psiologiya-iskusstva-lev-vygotskij/~10https://www.livelib.ru/book/264290/read-psiologiya-iskusstva-lev-vygotskij/~10> (дата обращения 08.02.2020)
10. Зобер В. Благословите женщину. Идеал женственности [Электронный ресурс] // Литмир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=647148&p=1> (дата обращения 08.02.2020)
11. Иванова И. С. Экзистенциальное время расцвета Вечной женственности // [Электронный ресурс] // Сервис plus № 3, 2010. С. 70–78
12. Иванова И. С. Софиология П. Флоренского // Сервис plus № 3, 2013. С. 40–50
13. История любви: граф Николай Шереметев и Прасковья Жемчугова [Электронный ресурс] // Aif. URL: <https://aif.ru/society/history/541> Сайт Документы и факты (дата обращения 08.02.2020)
14. Ли С. Ч. Любовь как идеал в творчестве И. А. Бунина // Молодой ученый. — 2009. — № 3. — С. 124–126. [Электронный ресурс] // URL <https://moluch.ru/archive/3/224/> (дата обращения: 08.02.2020)
15. Павел, святой апостол Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла [Электронный ресурс] // Православный календарь. URL: https://days.pravoslavie.ru/Bible/B_1_kor13.htm(дата обращения 08.02.2020)

16. Романова А. Любовь должна быть трагедией? [Электронный ресурс] // litnet. URL: <https://litnet.com/ru/blogs/post/2598>(дата обращения 08.02.2020)
17. Хван А. А. Метафизика любви в произведениях А. И. Куприна и И. А. Бунина [Электронный ресурс] //Электронная библиотека диссертаций. URL: <https://www.disscat.com/content/metafizika-lyubvi-v-proizvedeniyakh-i-kuprina-i-i-bunina>(дата обращения 04.02.2020)
18. Чамсединова Г.Ш. ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ (ПО «ТЕМНЫМ АЛЛЕЯМ» И. А. БУНИНА) [Электронный ресурс] // Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-lyubvi-po-temnym-alleyam-i-a-bunina> (дата обращения 04.02.2020)
19. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности. [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://clck.ru/M8jRv>

© Иванова Ирина Сергеевна (Lesnaya10@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Московский гуманитарный университет

ПРОБЛЕМА САМОЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Чугунов Сергей Владимирович

К.ф.н., доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский
Государственный университет»
serzh.chugunov.62@mail.ru

THE PROBLEM OF HUMAN SELF-WORTH IN EXISTENTIAL PHILOSOPHY

S. Chugunov

Summary. The problem of human self-value in existential philosophy is considered. Self-worth is the process of man's exaltation and self-realization. Examines the different approaches and positions philosophers, human Existence is a process of becoming. The basis of formation is free choice. Choosing a person changes the orientation of his life. For choosing the person responsible. Taking responsibility, a person shows determination. Determination is a condition of freedom. Human freedom is the freedom of his consciousness.

Keywords: man, being, existence, freedom, personality.

Аннотация. В статье рассматривается проблема самоценности человека в экзистенциальной философии. Самоценность — это процесс возвышения и самоосуществления человека. Анализируются различные подходы и позиции философов. Бытие человека — это процесс становления. В основе становления лежит свободный выбор. Выбирая человек, меняет ориентиры своей жизни. За выбор личность несет ответственность. Принимая ответственность, человек проявляет решимость. Решимость — условие свободы. Человеческая свобода — это свобода его сознания.

Ключевые слова: человек, бытие, экзистенция, свобода, личность.

Теоретические основы и истоки экзистенциальной философии заложил С. Кьеркегор. Истоки анализа реальных условий жизни человека, по его мнению, можно найти у античных философов. Человек в античной философии — это живое существо, творческое начало всего реального, знающее цель своей жизни и действующее, ориентируясь на нее.

Человек постоянно стремится к полету, к движению. Его постоянство обманчиво и противоречиво. Индивид пытается бунтовать против сил, которые философ называл «демоническими». Эти силы сдерживают человека, противостоят ему, мешая проявлению своего «я». Только человек может и должен быть мерой своего существования. Любая внешняя, по отношению к личности, сила, является частичкой человеческой жизни и поэтому причиной ее развития и становления быть не может.

Человек неповторим, в этом заключается залог его целостности. Он стремится оставаться самим собой, бороться за это, в проявлении этого бунта он свободен, и, в тоже время, бунт необходим, так как человек боится потерять себя.

Кьеркегор ставит людей перед правом выбора «или — или». Этот выбор сложен, но однозначен. Выби-

рая, какие условия и основания лежат в основе его жизни, человек принимает решение на всю жизнь и больше его не меняет. Датский философ подчеркивал: «Тот, кто живет эстетической жизнью, следуя непосредственному влечению своей природы, совсем не выбирает, того же что отвергает этический путь жизни сознательно и выбирает эстетический, уже не живет эстетической, т.е. непосредственной жизнью, а прямо грешит и подлежит суду этики, хотя к его жизни нельзя предъявлять этических требований». [1, с. 240–241]

Эстетическая установка предполагает наличие у людей разнообразных духовных качеств, проявляющихся в разных областях жизни. Эстеты отличаются друг от друга различной степенью отношения к красоте, искусству, проявлением таланта. В тоже время, несмотря на разнообразие эстетов, между ними есть существенное сходство. Как отмечал философ, всех представителей эстетической установки объединяет единый лозунг: «Нужно наслаждаться жизнью». Источники и причины наслаждения разнообразны: богатство, слава, любовь, проявление таланта и т.п. Но, наслаждение не может быть долгим, а счастье абсолютным. Желания и стремления человека, всегда, ограничены внешними обстоятельствами. Несмотря на то, что к внешнему миру эстеты относятся несколько отстраненно, в их жизни наступает

период, образно названный философом «этапом духовного надлома». Характерной чертой этого периода является проявление эстетами отчаяния.

Отчаяние эстета — это поиск истинных основ своего «я», которое сопровождается осознанным или неосознанным выбором. Выбирая, человек вспоминает свое прошлое, анализирует историю своей семьи, пытается отказаться от чего — то мимолетного, случайного. Отказ ведет к раскаянию и поиску, более основательных условий проявления личного «я».

Этическая установка опирается на добровольное принятие человеком нравственных правил и норм поведения. Сделав выбор, этики сосредотачиваются на существенных сторонах своей жизни, оценивая их со стороны соотношения добра и зла. Развивая этическую установку, человек стремится быть тем, кем он есть на самом деле, подавляя в себе все, что этому может помешать. Жизнь этика, по Кьеркегору, связана с выполнением долга по отношению к самому себе, в основе которого лежит твердость и определенность его жизненных основ.

Переживания этика связаны со страхом, что его действия и поведение могут быть не понятны другим людям, и оценено как не правильное. Этик во всем стремится быть хорошим человеком, а не пониманием других рождает в нем чувство разочарования и апатии.

Эстетическая и этическая установки противоположны между собой. Естественный переход от одной установки к другой, практически, не возможен. Переход осуществляется с помощью экзистенциального скачка, который представляет собой качественно новый выбор внутренних оснований и ориентаций жизни.

Религиозная установка — это внутренняя сосредоточенность на вере в Бога. Внешне, религиозный человек ни чем не отличается от других людей, он активен и целеустремлен. Его отличие заключено, по мнению философа, в страсти. Источник страсти — живой, конкретно — исторический Бог. Вера не означает знание о чем-либо, это скорее отношение через любовь к Богу к пониманию себя, обретению спокойствия в вечности и отречении от временных забот и возможных потерь

Анализ жизненных установок, привел философа к ряду выводов. Каждый человек развивается свободно и представляет собой уникальный «сплав» личного «я» и общечеловеческих норм, что примеряет его с жизнью и своей ролью в ней. Если человек уклоняется от выбранного пути, тем более он не совершенен. Страх перед возможными ошибками — это испытание на прочность веры в себя, а не повод для разочарования в жизни. Тот, кто любит жизнь, достоин возвышения и постигает усло-

вия и возможности развития своего «я», как конкретную жизненную задачу.

Идеи датского философа нашли свое дальнейшее развитие в философии экзистенциализма. С точки зрения этого учения, предшествующие теории не могли освободиться от натурализма, и, поэтому, проблема человека не могла быть ими решена. Экзистенциализм не только рассматривает мир через призму проблемы человека, но и «поднимает» человека до уровня мира.

М. Хайдеггер считал, что проникновение в смысл бытия человека, анализ его внутреннего мира являются важными задачами философии. Все мысли и действия личности, по его мнению, должны быть направлены на осознание цели своего существования. «Человек — это пастух своего бытия» — указывал философ. [2, с/338] Как пастух, он находится в постоянном поиске и осмыслении истинных оснований своего существования. Выбирая нечто ценное, люди отрицают то, что, по их мнению, является противоположным, незначительной ценностью. В этом и заключается ошибка. Немецкий философ утверждал, жизнь человека противоречива, то, что сегодня является ценностью, завтра может быть утрачено.

Человек — это не вещь. К нему необходимо относиться, с уважением, ибо вся его жизнь — стремление к лучшему. Философия не должна указывать на ошибки и грехи личной жизни человека, ведь ее недостатки — это опора для анализа ее достоинств. Если для мира, человек может выступать, как активный субъект, то в каком качестве? Как случайное «я» или как социальное «мы», как индивидуальность, или как общность? Философ считал, что чрезмерное подчеркивание субъективности человека является основой для индивидуализма. Вот тогда и встает необходимость решения проблемы человека как составной части социальной общности. Став субъектом, личность подчиняет свое бытие себе. Оно становится ее внутренним переживанием. Человеческое «я» оценивает мир и в результате все окружающее человека становится для него предметом или оценки, или анализа. Окружающий человека мир, немецкий философ называл «повседневностью». В процессе жизни, человек, то приближает этот мир, то отдаляет от себя.

Приближая, человек открывает для себя бытие, он сам бытие, давая и осмысливая свою оценку, переживая за нее, он, в конечном итоге, «пропускает» мир через себя. Философ подчеркивал, что только, в этом случае, человек, как существующий в мире, может быть «стражем» истины мира. Таким образом, человек обладает не только ценностью как «я», но и стремится утвердить свое бытие в мире, распространяя на него свои ценностные характеристики.

Приближая к себе мир, люди проявляют решимость. Решимость — это, не только готовность к действию или само действие, это процесс постижения бытия, «раскрытие» его смысла. В результате этого процесса, человек и бытие взаимообуславливают друг друга. Основанием этой взаимообусловленности, немецкий философ считал свободу.

В отличие от большинства философов, Хайдеггер, не определял свободу, как свойство человека. Он утверждал: «Человек обладает свободой не как свойством, а как раз наоборот: свобода, экзистентное, раскрывающееся бытие наличного владеет человеком и притом изначально, так что исключительно она гарантирует человеку соотносительность с сущим в целом как таковую, соотносительность, которая обосновывает и характеризует историю». [3, с. 18–19] Свобода — это условие активности человека, как субъекта истории и носителя изменений.

Если для мира, человек может выступать, как активный субъект, то в каком качестве? Как случайное «я» или как социальное «мы», как индивидуальность, или как общность? Философ считал, что чрезмерное подчеркивание субъективности человека является основой для индивидуализма. Вот тогда и встает необходимость решения проблемы человека как составной части социальной общности.

Привычный для человека мир содержит в себе тайну. Процесс постижения тайны, немецкий философ назвал путь блужданий. Этот путь характерен для всех людей, но у каждого человека, как само блуждание, так и его результаты могут быть различными. Одни люди стремятся изменить или расширить свои возможности, в какой — то сфере деятельности. Другие, полностью меняют ориентиры своей жизни, раскрывая для себя новые приоритеты или ценности. Третьи, увлеченные путем блужданий, стремятся дополнить свой «мир» новыми планами и замыслами. Но, именно, они забывают, по мнению Хайдеггера, что не все планы осуществимы. Неосуществимость планов, философ объяснял двумя основными причинами.

Во-первых, план должен иметь реальные основания для своего осуществления, если их нет, то результат не достигим.

Во-вторых, человек не может быть мерой всего сущего, основанием бытия всего, иначе он перестает быть человеком.

Позиция К. Ясперса во многом совпадает с взглядами Сартра. Немецкий философ считал, что человек, с одной стороны, это объект исследования, а, с другой стороны,

экзистенция свободы, недоступной для познания. Человек является тем, что знает о себе, осознает, но в тоже время, его знание нельзя считать завершенным.

Человек познает свою свободу, поэтому можно утверждать, что человеческая свобода — это свобода его сознания. Человек должен принимать решение, а принимая, он осознает предъявляемые к нему требования. С этого момента, по мнению философа, начинается осознание личной свободы, так как, личность имеет право принимать, или отвергать требования. В целом, социальный мир ничего не означает для человека, ибо человеческая личность не соприкасается с ним. Человек свободен, но эта свобода вытесняется из сферы общественной жизни и переносится в сферу индивидуальной деятельности. Благодаря своему сознанию, личность прорывает «пути истории, становясь внеисторически свободной».

Принимая решения, как утверждал Ясперс, человек постигает, что подлинная его свобода заключается в отношении к Богу, а свободное действие происходит не только, благодаря личной активности. Человеческая жизнь, индивидуальная свобода — это основа богоотношения. Богоотношение не дано человеку изначально, не является природным свойством, а зарождается тогда, когда личность ощущает себя, полностью свободной в своих действиях и поступках.

Свобода человека, как утверждал Ясперс, неотделима от понимания конечности бытия. Человек конечен, так как зависим от мира природы, ее законов. Человек, также, зависит и от других людей, государства, социальных сообществ. В обществе, где господствует власть и произвол, человеческая жизнь может прерваться в любой момент. Конечность человека заключается и в познании, в границах собственного опыта, деятельности чувств, работы мозга.

Человек был и остается объектом познания различных наук и теорий. Но, построение единой системы знаний о человеке, философ отвергал. По его мнению, главная причина заключается в «незавершенности человека», в невозможности определения его основного антропологического свойства. Любая теория, претендующая на абсолютное познание человека, обречена, ибо утрачивается знание о подлинных основаниях человеческого бытия, вообще человечности.

Из «незавершенности человека», указывал философ, следуют два вывода. Во-первых, исторически единственный человек — это подлинная ценность, которая не может быть заменена. Во-вторых, нельзя говорить о равенстве всех людей. Если равенство и существует, то оно заключается в нравственном пути к Богу.

В отличие от животных, человеческая жизнь не связана, только с действиями законов природы. Благодаря свободе, личность получает возможность быть тем, кем хочет стать, выйти за пределы наличного бытия, строить свою историю. Строить историю, по Ясперсу, означало жить, опираясь на традиции, а не на биологическое наследство.

В своих действиях, человек должен руководствоваться собственными суждениями о своих поступках. Эти суждения должны быть честными, только, в этом случае, личность обретает поддержку со стороны Бога. Но не стоит ждать, предупреждает философ, что голос Бога будет окончательным и однозначным. Человек должен помнить, что его бытие — есть становление его самого. Философ подчеркивал: «Там, где человек принимает решение, исходя из своей внутренней глубины, он полагает, что послушен Богу, хотя и не обладает объективной гарантией в знании того, что угодно Богу». [4, с. 454]

Опасность для человека, философ видел в самоуверенности, что цель личного развития достигнута и все возможности исчерпаны. Этот самообман приводит личность к утрате веры в духовную силу своего «Я», бесконечного проявления индивидуальной свободы.

Для Ж.— П. Сартра, существование человека связано с проецированием своей жизни вовне. Человек не обладает и не может обладать никакой природой, ибо становится тем, кем сам хочет стать. Философ отмечал: «И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма». [5, с. 323] Человек — это существо, устремленное в будущее, он ответственен за него, и оно должно быть таким, каким индивид его видит и делает. Поэтому, делает вывод философ, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал.

Человек стоит перед выбором. Этот выбор свободен, субъективен и не зависит ни от каких — либо внешних обстоятельств. Философ утверждал, что, так как бог не существует, то люди в своем выборе не придерживаются каких — либо моральных норм, общественных предписаний, которые бы оправдывали поведение человека. Но, делал вывод Сартр, выбор — это благо. Благо, тогда реально, если оно распространяется не на одного человека, а на всех. Таким образом, выбирая себя, человек выбирает свое окружение, других людей, чувствуя личную ответственность перед ними.

Также как и С.Л. Франк, Сартр указывал, что для того, чтобы познать себя, необходимо, существование другого. Благодаря этому индивидуальная личность от-

крывает для себя новый мир, называемый философом «интерсубъективностью». В этом мире внутренний мир личности обнаруживает иную свободу, выраженную в процессе желания «за» и «против» другого человека. Другой выступает и как «своеобразная шкала оценки действий» и как граница индивидуальной свободы. Философ дал характеристику двух форм взаимоотношений между людьми: любовь и ненависть.

В процессе любви границы личного бытия расширяются, и возникает ощущение, что твоя личная свобода становится защитой свободы другого человека. В процессе ненависти, другая личность рассматривается, как объект подавления, как «закрытое пространство» препятствующее индивидуальному самоутверждению и проявлению решимости.

Философская концепция человека Сартра — это концепция личной свободы. Свобода, по его мнению, не должна подчиняться никакой необходимости, не может иметь сущности и, следовательно, не поддается анализу. Философ пришел к выводу, что поиск человеком абсолютной свободы — это процесс закабаления его. Ведь быть свободным означает делать выбор. Бесконечная свобода выбора не только обесценивает само действие человека по его поиску, но и делает его абсурдным. Следовательно, такой выбор неудачен. На основе этого положения Сартр утверждал: абсолютные характеристики свободы и выбора не приемлемы и не могут быть использованы.

Человек свободен, ибо его жизнь требует этого. Несвобода индивида ведет к тому, что он становится «инструментом» в руках других, который можно направить на неблагоприятные цели. В зависимости от выбора и ситуации, философ подразделял свободу на две формы: аутентичную или неаутентичную. Аутентичность связана с признанием ответственности за свои действия, адекватной оценкой ситуации и борьбой за свои права. Даже, тогда, когда человек наименее социально защищен, он имеет право отстаивать свою личную позицию и защищать свою свободу.

Неаутентичность, по мнению Сартра, распространена значительно шире. Это не только отрицание ситуации или стремления изменить ее, это, прежде всего проявление трусости по отношению к себе, а в результате к другим людям. Человек боится своей свободы, находясь в «плени самообмана», считая, что вся его жизнь уже predetermined внешними обстоятельствами или поступками других людей. Философ утверждал, что над человеком начинают господствовать эмоции, подчиняя себе действия. В этой ситуации, личное бытие человека из реальности превращается в мир иллюзий, в котором преобладает стремление уйти от ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. / С. Кьеркегор. — Киев: Новый круг, 1994—504 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 447с.
3. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. (Сб. статей). / М. Хайдеггер. — М.: Высшая школа, 1991. — 191с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. / К. Ясперс. — М.: Республика, 1994. — 527с.
5. Сартр Ж.-П. Избранные произведения. / Ж.-П. Сартр. — Харьков: Фолио, 1994. — 424с.

© Чугунов Сергей Владимирович (serzh.chugunov.62@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Памятник погибшим кораблям, г. Севастополь

НАШИ АВТОРЫ

Afanassiev N. — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, FSAEI of HE «North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov»
n.v.afanasev@mail.ru

Alyoshina N. — Teacher-psychologist, MBDOU Kindergarten No. 31
aleshina.n@odin.mgimo.ru

Andreeva E. — Ph.D. in Psychology, assistant professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg)
andreevaeliv@yandex.ru

Babintseva L. — Senior teacher, State Institute Of Education Development Of The Irkutsk Region, Irkutsk
lyu-kolmyrina@yandex.ru

Balynskaya N. — Doctor of Sciences (Politics), Professor, FSBEI of HE «Nosov Magnitogorsk State Technical University»
balynskaya@list.ru

Behbudov S. — Institute of Philosophy of ANAS
bitkovskayay@inbox.ru

Botasheva T. — MD, Professor, Chief Researcher, Rostov State Medical University
t_botasheva@mail.ru

Chernov A. — Doctor of psychological Sciences, Senior researcher, Volgograd state University
achernov1@yandex.ru

Chizhova J. — Graduate student, Moscow City Pedagogical University

Chugunov S. — PhD in Philosophy, Sevastopol state University
serzh.chugunov.62@mail.ru

Davydov V. — Candidate of philosophy, associate professor, State University of Humanities and Social Studies
va.davydov@bk.ru

Dudareva M. — Ph.D., Senior Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia
marianna.galieva@yandex.ru

OUR AUTHORS

Efimova L. — Doctor of Sciences (Philology), Professor, FSAEI of HE «North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov»
ludmilaxoco@mail.ru

Elzhorukaeva Z. — Ph.D., Senior Researcher, Rostov State Medical University
elzhorukatva@mail.ru

Geroyeva L. — Ph.D., Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Culture
geroevalyuda@mail.ru

Isagulova E. — Postgraduate student, Russian state pedagogical University. A.I. Herzen, Saint Petersburg, Russia
9477877@gmail.com

Ivanova I. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Moscow University of the Humanities
Lesnaya10@yandex.ru

Kutkova I. — Graduate student, Moscow City Pedagogical University
kutkovai@mail.ru

Ledovskikh I. — Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Penza state University
sitra@inbox.ru

Lobza O. — PhD in psychology, Federal State Autonomous educational institution of the Moscow state Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo branch
o.lobza@odin.mgimo.ru

Makhakova L. — Ph.D. psychologist., Associate Professor, FSBEI of HE «East Siberian State University of Technology and Management (Ulan-Ude)
mahakova@mail.ru

Pelipenko I. — Graduate student, Rostov State Medical University
rim.cesar@yandex.ru

Pudov A. — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, FSBEI of HE «Yakutian State Academy of agriculture» (Yakutsk)
Agro-on-line@yandex.ru

Samakovskaya O. — Kemerovo state Institute of culture
Olesya_20032003@mail.ru

Sheshenya E. — Postgraduate student, Kuban State
University
freyjaa@mail.ru

Shkurko N. — Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, FSAEI of HE «North-Eastern Federal
University named after M.K. Ammosov»
Nat-shkurko@yandex.ru

Topalova E. — Post-graduate student, FSBEI of HE
«Russian State Social University» (Moscow)
viki-87@mail.ru

Vasil'eva Valentina Valerievna,—Doctor of Biological
Sciences, Leading Researcher, Rostov State Medical
University
v.vasiljeva@nniia.ru

Volkov S. — Candidate of technical, Associate Professor,
FSBEI of HE «Nosov Magnitogorsk State Technical
University»
volkov.sv.1990@yandex.ru

Zavodnov O. — PhD, Researcher, Rostov State Medical
University
ozz2007@mail.ru

Zavyalova N. — Doctor of Cultural Studies, Associate
Professor, Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education "Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin «;
Federal State Budget Educational Institution of Higher
Education «Ural State Economics University»
N.A.Zavialova@urfu.ru

Zheleznyakova E. — PhD, Research Associate, Rostov
State Medical University
elena.Gel.1961@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

